Харьковское Общество Любителей Природы.

Профессоръ Андрей Николаевичъ Красновъ

(1862—1914 г.).

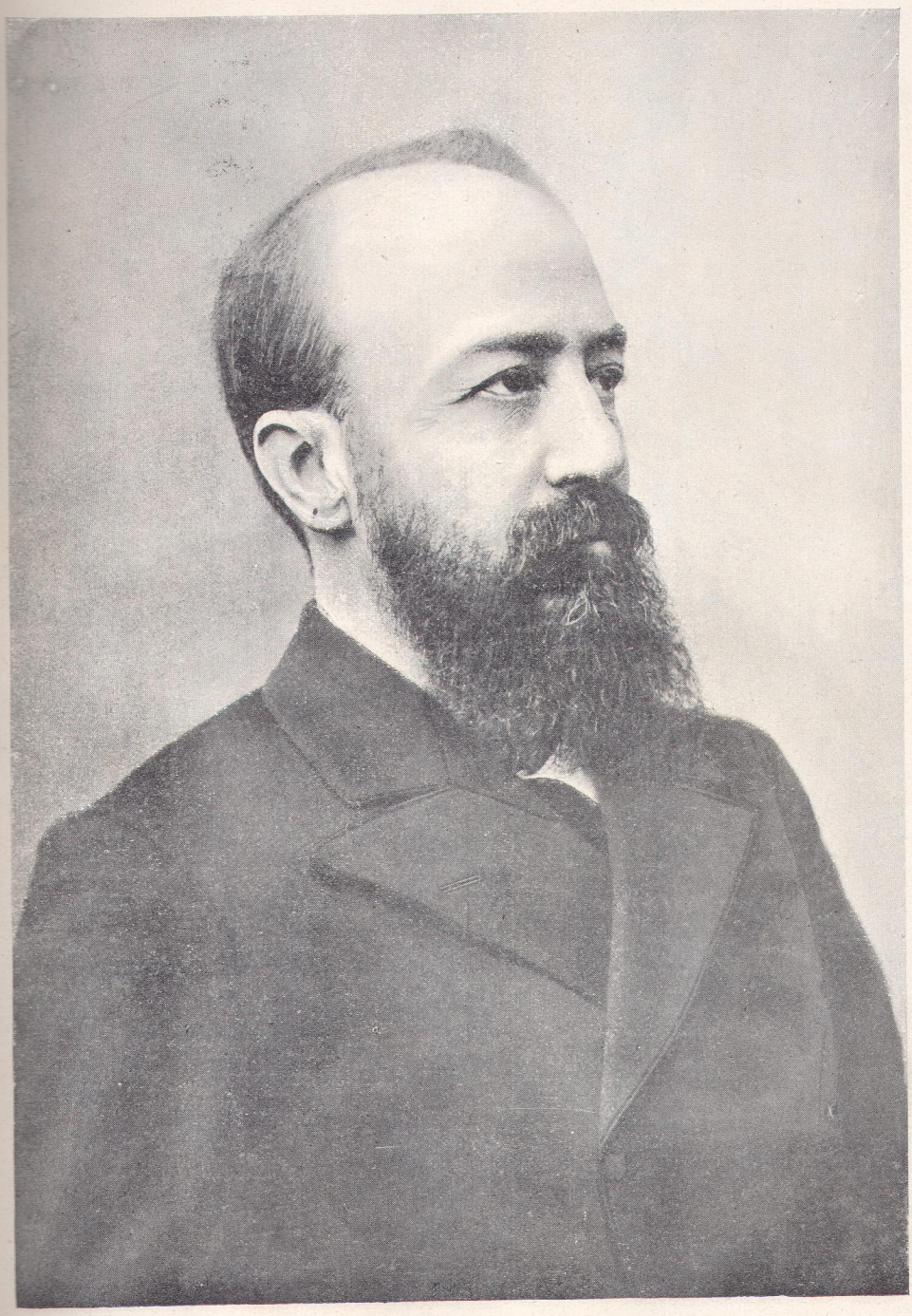
Сборникъ, подъ редакціей приватъ-доцента Императорскаго Харьковскаго Университета

В. И. ТАЛІЕВА.

Г-45
ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ХДУ
Інв. № 222505
99
66 89 9г

ХАРЬКОВЪ.
Типографія М. Х. Сергѣева. Московская, 10.
1916.

81 08
79



Проф. А. Н. Красновъ въ послѣдніе годы своей харьковской дѣятельности.

«Сдѣлайте отъ моей могилы просѣку, чтобы мнѣ видна была Чаква, съ окружающими ее снѣговыми горами, кусочкомъ моря: я тамъ впервые началъ работу; тамъ тоже осталась частичка моего я»...

А. Н. Красновъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Еще свѣжа могила, въ которую преждевременно сошелъ выдающійся ярко индивидуальный представитель русской научной и общественно-научной мысли—бывшій профессоръ Харьковскаго Университета—Андрей Николаевичъ Красновъ. Настоящимъ сборникомъ намъ хочется не только отдать долгъ имени покойнаго со стороны тѣхъ, кто его искренне любилъ и уважалъ, и почтить его память, но и сдѣлать большее: обратить вниманіе русскаго общества на тѣ драгоцѣнности, которыя крылись въ талантѣ покойнаго. Сдѣлать это лежитъ на нашей обязанности какъ съ точки зрѣнія простого чувства національной гордости, такъ и съ точки зрѣнія интересовъ національныхъ умственныхъ богатствъ. Талантъ, какъ какая-то ближе неизвѣстная намъ прирожденная творческая способность духа, до сихъ поръ является такимъ же естественнымъ богатствомъ, какъ руда, лѣса и пр.: мы не можемъ его создавать, но должны беречь и разумно использовать то, что намъ дается природой. Между тѣмъ, мы, русскіе, не будучи избалованы избыткомъ духовныхъ силъ, въ то же время, къ сожалѣнію, до сихъ поръ этого не сознаемъ и относимся къ своимъ талантамъ, какъ къ чему-то индивидуально, а не общественно цѣнному и очень мало интересуемся условіями ихъ творчества и судьбой. Пусть же настоящій сборникъ послужитъ толчкомъ къ нѣсколько иному отношенію и заставитъ задуматься надъ своими собственными ошибками.

В. Таліевъ.

Андрей Николаевичъ Красновъ.

(Матеріалы для біографіи).

I.

Андрей Николаевичъ Красновъ родился 27 октября 1862 г. въ Петроградѣ. По происхожденію, А. Н.—донской казакъ. Его предки — казачьи генералы, прославившіеся (прадѣдъ Иванъ Кузьмичъ) въ качествѣ сподвижниковъ Суворова и Платова, и позже (дѣдъ Иванъ Ивановичъ) въ Крымскую войну. Достойно замѣчанія, однако, что предки эти были не только военными героями, но и писателями—военными, бытовыми; писали даже стихи. Отецъ А. Н.—Николай Ивановичъ Красновъ, также участвовавшій съ отличіями молодымъ офицеромъ въ крымской и польской кампаніяхъ, уже и вообще болѣе извѣстенъ своими цѣнными статистическими и историческими трудами, относящимися до казачьихъ войскъ. Мать А. Н. — Ѳеодосія Ильинишна, рожденная Гаврилова, происходитъ изъ интеллигентной чиновничьей петроградской семьи. Выросла Ѳ. И. среди высокоинтеллигентной молодежи; въ домѣ ея отца бывали Драгомировъ, впослѣдствіе герой войны 1878 года, братья Серно-Соловьевичи и др. Особенно же выдѣлялся въ ея семьѣ братъ ея — Михаилъ Ильичъ Гавриловъ, впослѣдствіи директоръ комиссіи погашенія государственныхъ долговъ, высоко и всесторонне образованный человѣкъ, хотя и не оставившій лично яркихъ слѣдовъ въ общественной жизни.

А. Н. былъ старшимъ сыномъ и потому росъ преимущественно среди взрослыхъ—обстоятельство, повлекшее за собою раннее умственное развитіе. И дѣйствительно,—въ самомъ раннемъ возрастѣ А. Н. зачитывается не только особо популярными въ то время романами Жюля Верна, но и болѣе серьезными описаніями путешествій—Стэнли («Какъ я отыскалъ Ливингстона»), д-ра Кэна («Путешествіе къ сѣверному полюсу») и другими.

Рано проснувшаяся любовь къ природѣ находила свое дальнѣйшее развитіе преимущественно въ лѣтніе мѣсяцы, когда

семья А. Н. жила на дачѣ подъ Петроградомъ—въ Парголовѣ, на Лахтѣ, Лиговѣ, Лѣсномъ и т. п. Здѣсь А. Н. предавался обычному среди мальчиковъ собиранію растеній и насѣкомыхъ. Но у А. Н. это занятіе вскорѣ приняло болѣе серьезный, не дѣтскій характеръ. Собираніе бабочекъ превратилось у него въ серьезное занятіе энтомологіей. Онъ не только читалъ и изучалъ извѣстныя книги Фигье, Брэма и др., но производилъ самостоятельныя наблюденія надъ жизнью насѣкомыхъ среди природы и дома. Коллекція бабочекъ Петроградской губерніи, собранная А. Н. въ отроческіе годы въ окрестностяхъ Петрограда, которыя онъ исходилъ пѣшкомъ, желая отыскать всѣ породы, указанныя въ спискѣ бабочекъ Петроградской губерніи Ершова, спустя много лѣтъ, была передана имъ въ одинъ изъ кабинетовъ Харьковскаго университета. Параллельно съ составленіемъ коллекціи бабочекъ, А. Н. собиралъ гусеницъ, воспитывалъ ихъ дома и куколки перевозилъ въ Петроградъ, гдѣ изъ нихъ выходили въ зимніе мѣсяцы бабочки. Онъ наблюдалъ процессъ расправленія крыльевъ у только-что вышедшей бабочки, полетъ ея, развертываніе бабочкой хоботка у подставленнаго цвѣтка или кусочка влажнаго сахара и т. п. Эти наблюденія описывались и составляли предметъ особыхъ рефератовъ въ кружкѣ его гимназическихъ товарищей [1]).

А. Н. Красновъ въ ранніе дѣтскіе годы, съ отцомъ.

[1]) Отголоскомъ этихъ энтомологическихъ увлеченій А. Н. является составленная имъ книжечка: *А. Красновъ*. Очеркъ жизни сорока обыкновеннѣйшихъ насѣкомыхъ изъ всѣхъ отрядовъ. Под. ред. Н. Л. Рѣшетина, дѣйствительнаго члена Энтомологическаго общества. Изд. «С.-Петербургской мастерской учебныхъ пособій и игръ». 1881. Стр. 55. Цѣлью этой книжечки, какъ гласитъ предисловіе, является, во-первыхъ, пополнить у маленькихъ любителей насѣкомыхъ знаніе о нихъ, часто исключительно

Экскурсіи въ поискахъ за рѣдкими бабочками сталкивали А. Н. съ мѣстнымъ крестьянскимъ населеніемъ, русскимъ и финскимъ. И уже въ отроческіе годы А. Н. отличался тою любовью къ народу, которая сопровождала его всю его жизнь. Онъ держался съ крестьянами не какъ барчукъ, а какъ равный, и они дѣлились своими познаніями. Въ этотъ періодъ своей жизни А. Н. научился финскому языку настолько, что не только могъ объясняться съ крестьянами во время своихъ путешествій (часто пѣшкомъ) по Финляндіи, но даже переводилъ отрывки изъ Калевалы (до Гранстрема и Бѣльскаго) звучными и красивыми стихами.

А. Н. Красновъ въ дѣтскіе годы.

Увлеченіе А. Н. природой и естественными науками не ограничивалось энтомологіей. Еще съ дѣтства онъ любилъ растенія, гербаризировалъ и занимался разведеніемъ ихъ въ комнатахъ, вмѣстѣ съ своимъ дядей—тоже большимъ любителемъ растеній. Они вдвоемъ выводили лѣтніе цвѣты изъ сѣмянъ и украшали ими дачныя клумбы. А нѣкоторыя изъ посаженныхъ въ дѣтствѣ А. Н. сѣмянъ пальмъ выросли въ большія растенія, сохранявшіяся въ его семьѣ много лѣтъ спустя послѣ отъѣзда А. Н. въ Харьковъ на кафедру профессора географіи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ же дядей, М. И. Гавриловымъ, А. Н., еще будучи гимназистомъ, изучалъ химію. По руководству Штекгардта,

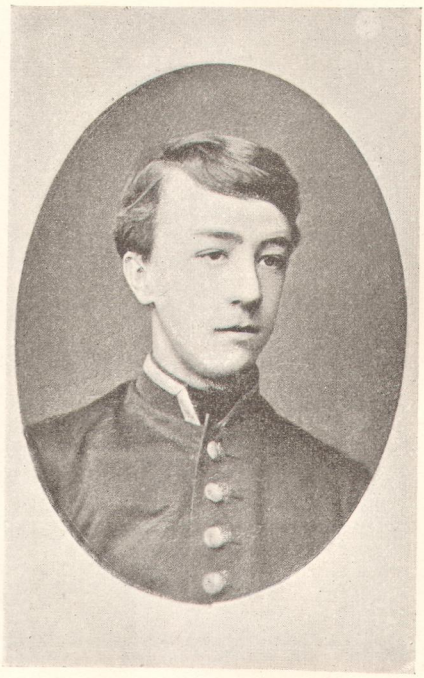
---

состоящее въ знакомствѣ съ ихъ морфологіей—знакомствомъ съ жизнью этихъ интересныхъ существъ, на которое мало обращаютъ вниманіе наши учебники; во-вторыхъ, возбудить въ дѣтяхъ желаніе наблюдать живыхъ насѣкомыхъ и отвлечь отъ безтолковаго умерщвленія ихъ для безцѣльнаго (въ большинствѣ случаевъ) составленія коллекцій ... Книжечка состоитъ изъ ряда коротенькихъ просто и живо написанныхъ очерковъ, въ которыхъ чувствуется, что авторъ былъ и наблюдателемъ.

Ред.

съ помощью простѣйшихъ приборовъ, они безъ спеціальной лабораторіи добывали кислородъ, водородъ, хлоръ, жгли стальную проволоку, магній и фосфоръ и производили вообще разнообразные химическіе опыты.

Офиціальное образованіе А. Н. получилъ въ первой классической гимназіи. Въ ту эпоху — въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія—въ гимназіи царилъ тяжкій гнетъ системы классическаго образованія гр. Д. А. Толстого. О занятіяхъ молодого А. Н. естественными науками доходили свѣдѣнія и до гимназическаго начальства, и, конечно, оно смотрѣло на нихъ недоброжелательно. Однако, блестящія способности А. Н. не давали повода педагогамъ прибѣгать къ какимъ-либо репрессіямъ, такъ какъ А. Н. успѣвалъ отдать свою дань и мертвымъ языкамъ. Онъ шелъ въ числѣ первыхъ учениковъ, а классиковъ — Вергилія, Овидія и Софокла переводилъ не только въ прозѣ, но и въ стихахъ, и курсъ гимназіи окончилъ съ золотой медалью.



А. Н. Красновъ гимназистъ.

Выпускъ, съ которымъ А. Н. проходилъ гимназическій курсъ, отличался высокимъ умственнымъ уровнемъ. Его товарищи по классу дали многихъ высокодаровитыхъ людей Россіи. Такъ, на научномъ поприщѣ, кромѣ А. Н., выдѣлились изъ его товарищей—академикъ по кафедрѣ минералогіи В. И. Вернадскій, профессоръ романской и германской литературы Ф. А. Браунъ, профессоръ физики В. А. Тюринъ. Въ классѣ А. Н. не было обычной среди гимназистовъ розни. Товарищи собирались другъ у друга для прочтенія научныхъ рефератовъ—каждый по своей спеціальности. Въ нихъ принимали участіе и ихъ болѣе старшіе товарищи—В. Н. Аггеенко —впослѣдствіи ученый ботаникъ—и Е. К. Чижовъ—впослѣдствіи инженеръ. Читались стихи, которые

писали нѣкоторые изъ ихъ кружка. Особенно отличался, какъ поэтъ, А. Н. Въ его стихотвореніяхъ обыкновенно затрагивались историческіе вопросы, или описывались впечатлѣнія среди природы, пережитыя имъ въ періодъ отыскиванія рѣдкихъ бабочекъ и растеній. Особенно популярны были среди товарищей его поэмы «Два казака», изъ эпохи осады Очакова, и «Элли и Маати» съ художественнымъ описаніемъ Иматры. Любимымъ поэтомъ А. Н. въ эту пору его жизни былъ Некрасовъ. А. Н. писалъ въ подраженіе ему продолженіе поэмы «Кому на Руси жить хорошо» тѣмъ же размѣромъ и въ томъ же стилѣ. Весьма характерны для А. Н. уже эти его юныя произведенія. Въ нихъ отразилась его горячая любовь къ народу. Уже въ тѣ годы онъ съ горечью говоритъ о нѣмецкомъ засильѣ, пишетъ трогательныя баллады о крестьянскихъ подросткахъ, которымъ приходится съ дѣтства заниматься непосильнымъ трудомъ, посвящаетъ трогательную элегію смерти молодого крестьянина, убитаго въ то время, какъ онъ загородилъ собою другого отъ разсвирѣпѣвшаго пьянаго (случай изъ дѣйствительной жизни на дачѣ, свидѣтелемъ котораго былъ А. Н.).

Но особенно хороши многочисленныя описанія сѣверной природы, какъ вкрапленныя въ большія поэмы А. Н., такъ и составлявшія спеціальныя лирическія стихотворенія. Приводимъ отрывокъ одного изъ юношескихъ стихотвореній А. Н., особенно для него характерный:

«Прости мнѣ, южная природа,
Что я теперь забылъ тебя.
Во мнѣ славянская порода
Теперь сказалась, и меня
Ужъ манитъ Сѣверъ, вытѣсняя
Дней дѣтства пылкія мечты,
И пальмы Африки плѣняютъ
Гораздо меньше, чѣмъ цвѣты
Холодной родины. Прекрасны
Мнѣ стали скучныя мѣста,
Гдѣ я родился...
И африканская охота
Не замѣнитъ мнѣ никогда
Моихъ на Лахтѣ приключеній,
Моихъ охотъ на осъ, жуковъ...
Мной пережитыхъ впечатлѣній
Весны моей златыхъ годовъ...

Какъ увидимъ, въ концѣ-концовъ А. Н. остался все-таки вѣренъ южной природѣ и среди нея нашелъ свое вѣчное успокоеніе. Но память о свѣтлыхъ дняхъ юности онъ сохранилъ до послѣднихъ лѣтъ, и передъ своимъ окончательнымъ переселеніемъ въ Батумъ, онъ еще разъ посѣтилъ Петроградъ и объѣхалъ мѣста, гдѣ протекала его юность и изложилъ свои впечатлѣнія отъ этой поѣздки въ своихъ яркихъ фельетонахъ въ «Южномъ Краѣ» (май и іюнь 1912 года).

Такъ въ повышенной умственной средѣ протекала ранняя юность А. Н.,—и дома и въ школѣ. Эта обстановка создала въ немъ подходящую почву для будущаго ученаго. Хотя А. Н. не избѣгалъ общества товарищей, даже участвовалъ вмѣстѣ съ ними по окончаніи курса въ прогулкѣ на лодкахъ по Невѣ съ цѣлью потопленія опостылыхъ учебниковъ въ ея водахъ, однако, уже и тогда его умъ и воображеніе были полностью заняты научными теоріями, настолько, что онъ и въ то время производилъ впечатлѣніе нѣсколько разсѣяннаго человѣка. Но это не была обычная разсѣянность, происходящая отъ невнимательности къ окружающему, а зависѣла, главнымъ образомъ, отъ поглощенія мысли какою-либо одною идеею.

II.

По окончаніи курса гимназіи, весною 1880 года, А. Н. въ лѣтніе мѣсяцы совершилъ нѣсколько экскурсій, преимущественно пѣшкомъ, по Финляндіи — на Иматру, а съ осени поступилъ на естественное отдѣленіе физико-математическаго факультета Петроградскаго университета. Послѣдній считалъ въ то время среди своихъ преподавателей рядъ крупнѣйшихъ ученыхъ. Химію читалъ Д. И. Менделѣевъ, ботанику А. Н. Бекетовъ и А. С. Фаминцынъ, почвовѣдѣніе В. В. Докучаевъ, агрономію А. В. Совѣтовъ, зоологію Н. Н. Вагнеръ, анатомію Ф. В. Овсянниковъ, физіологію И. М. Сѣченовъ и др. Съ первыхъ же недѣль своего пребыванія въ университетѣ А. Н. на практическихъ занятіяхъ въ ботаническомъ кабинетѣ обратилъ на себя вниманіе А. Н. Бекетова, который, со свойственнымъ ему радушіемъ, открылъ ему двери своего дома, и съ этого времени все университетское развитіе А. Н. пошло подъ непосредственнымъ вліяніемъ этого серьезнаго ученаго и человѣка съ широкимъ гуманнымъ міровоззрѣніемъ. Многіе свободные вечера молодой ученый проводилъ вмѣстѣ со старымъ патріархомъ русской ботаники въ живыхъ бесѣдахъ по научнымъ и общественнымъ вопросамъ. Оба высоко

цѣнили другъ друга. И въ семьѣ А. Н. Бекетова, его женѣ и дочеряхъ, А. Н. тоже пріобрѣлъ сочувствующихъ ему друзей, отзывчивыхъ на его запросы и тревоги — поддержка не маловажная, въ виду существованія среди ученыхъ антагонизма и связанныхъ съ этимъ мелкихъ интригъ.

А. Н. Красновъ въ студенческіе годы.

Впрочемъ, благодаря открытому симпатичному характеру А. Н., далеко не чуждому общественности, вокругъ него всегда группировались другіе сверстники, съ идеальными потребностями. Такъ и въ университетѣ мало-по-малу образовался, параллельно офиціальному Обществу Естествоиспытателей, въ которомъ такъ же, какъ и въ Географическомъ Обществѣ, А. Н. принялъ самое

дѣятельное участіе, еще и кружокъ молодыхъ ботаниковъ. Собирался онъ около уже немолодого тогда, но очень отзывчиваго ботаника, позднѣе академика и извѣстнаго миколога М. С. Воронина, но душою кружка несомнѣнно былъ А. Н.; такъ какъ именно послѣ отъѣзда его въ Харьковъ вскорѣ распался и кружокъ. Въ кружокъ этотъ входили изъ лицъ, пріобрѣтшихъ позднѣе извѣстность, В. Н. Аггеенко, Н. И. Кузнецовъ, Г. И. Танфильевъ, А. А. Антоновъ и нѣкоторые другіе.

Съ перваго же курса Университета А. Н. предается своей страсти къ путешествіямъ, которая сыграла такую видную роль во всей его жизни. Первая его поѣздка была совершена въ предгорія Алтая въ составѣ экспедиціи, снаряженной Министерствомъ Императорскаго Двора. А. Н. проѣхалъ туда черезъ Уралъ, поднялся по рѣкамъ и совершилъ разъѣзды на перекладныхъ черезъ киргизскія степи. Свои геоботаническія изслѣдованія А. Н. производилъ въ Бійскомъ округѣ на Катунскихъ бѣлкахъ и въ Бухтарминской долинѣ. Юный студентъ добросовѣстно исполнилъ возложенныя на него порученія. Частью на лошадяхъ, частью пѣшкомъ обошелъ онъ порученный ему районъ и вернулся лишь тогда, когда истратилъ все выданное ему пособіе буквально до послѣдней копѣйки. Вернувшись домой, онъ просилъ заплатить за извозчика! О своихъ путевыхъ впечатлѣніяхъ, остроумныхъ наблюденіяхъ среди народа онъ писалъ письма своимъ роднымъ. Научныя же наблюденія изложилъ въ поэтически образно написанномъ отчетѣ («О растительности Алтая» [1]), который прочелъ въ засѣданіи Общества Естествоиспытателей. Здѣсь онъ впервые проявилъ способности блестящаго лектора, сразу выдѣлившія его не только среди молодыхъ, но и болѣе старыхъ ученыхъ. Съ этого времени онъ былъ принятъ въ ихъ среду, и сталъ бывать у ученыхъ профессоровъ уже не въ качествѣ студента, а въ качествѣ болѣе молодого товарища.

Въ слѣдующемъ году А. Н. совершилъ вторую поѣздку по Симбирской и Нижегородской губерніямъ, гдѣ производилъ геоботаническія изслѣдованія подъ руководствомъ проф. В. В. Докучаева. Поѣздка эта дала А. Н. обильные матеріалы, которые онъ использовалъ отчасти въ его отчетахъ Географическому Обществу, отчасти въ большой работѣ, написанной имъ на золотую медаль—«О зависимости между почвою и растительностью въ Юго-Восточной Россіи», — въ слѣдующую зиму.

[1]) «Труды Спб. Общества Естествоиспытателей», 1886 г.

[2]) «Матеріалы по изученію русскихъ почвъ», подъ редакціею А. Совѣтова и В. Докучаева, вып. 2 и 3, 1886 и 1887 гг.

Интересна была въ этой поѣздкѣ встрѣча А. Н. съ крестьяниномъ Сергѣемъ Новожиловымъ, не оставшаяся безъ вліянія на жизнь ихъ обоихъ впослѣдствіи. Увлеченный талантливостью и способностью русскаго простолюдина, А. Н. занялся образованіемъ Новожилова, не покидая его изъ вида и впослѣдствіи. Когда А. Н. переѣхалъ въ Харьковъ, онъ выписалъ Новожилова туда, устроилъ его при географическомъ кабинетѣ, обучилъ фотографіи. Новожиловъ дѣлалъ много снимковъ для научныхъ работъ А. Н. Сына же Новожилова А. Н. воспитывалъ въ своей семьѣ и довелъ до высшаго учебнаго заведенія.

Въ 1885 году А. Н., только-что окончившій курсъ университета, совершилъ большую экскурсію въ Калмыцкія степи, — частью одинъ, частью въ качествѣ помощника профессора горнаго института И. В. Мушкетова. Цѣлью его изслѣдованій на этотъ разъ было «показать зависимость, существующую между почвами и растительностью Калмыцкихъ степей, отыскать связь между областями различной древности, ихъ почвами и флорою, и ближе познакомиться съ составомъ и свойствами травъ, встрѣчающихся на сыпучихъ пескахъ Каспійскаго побережья, дабы указать между ними формы, годныя для закрѣпленія барханов»[1]). Какъ видно изъ этихъ словъ, у него теорія шла объ руку съ практикой, и высшія научныя соображенія немедленно проводились въ жизнь. Это была самая характерная черта А. Н. Онъ никогда не вырождался въ тотъ типъ кабинетнаго ученаго, какимъ обыкновенно представляютъ у насъ людей науки. Онъ широко охватывалъ предметъ, деревья никогда не заслоняли у него лѣса; будучи въ то время только ботаникомъ по спеціальности, онъ интересовался во время своего путешествія также и всякими другими явленіями. Поэтому и въ отчетѣ, читанномъ въ Императорскомъ Географическомъ Обществѣ, А. Н. далъ характеристику степей Астраханской губерніи не только въ отношеніи почвы и растительности, но и фауны и населенія. За этотъ отчетъ Географическое Общество избрало его въ свои дѣйствительные члены.

Свои впечатлѣнія отъ поѣздки по этому, въ то время еще дикому и пустынному, краю А. Н. очень живо и картинно разсказывалъ въ частныхъ кружкахъ — между прочимъ на воскресныхъ вечерахъ въ редакціи «Недѣли». Это дало мысль П. А. Гайдебурову пригласить А. Н. описать свои впечатлѣнія въ

[1]) Геоботаническія изслѣдованія въ калмыцкихъ степяхъ. Изд. Имп. Русск. Геогр. Общ. т. XXII.

очеркахъ для «Книжекъ Недѣли». Такъ началось въ этомъ журналѣ печатаніе путевыхъ впечатлѣній А. Н. Онъ дѣлился и впослѣдствіи на страницахъ того же журнала своими путевыми впечатлѣніями—вплоть до самаго прекращенія изданія «Недѣли». Въ названномъ журналѣ напечатаны, какъ его первыя впечатлѣнія отъ поѣздокъ по Россіи и въ Западной Европѣ, такъ и описанія его большихъ путешествій по Азіи. Путевые очерки А. Н. по своей живости, яркости красокъ, сразу обратили вниманіе читающей публики на молодого ученаго.

Зиму 1885-86 годовъ А. Н. оставался въ Петроградѣ, гдѣ готовился къ магистерскому экзамену, заканчивалъ разборку и систематизацію собранныхъ имъ коллекцій, хранящихся и донынѣ въ Университетѣ и Ботаническомъ, саду и подготовлялся къ новому большому путешествію въ Тяньшанскія горы, составившему цѣлую эпоху въ его научной дѣятельности.

Путешествіе это было снаряжено Императорскомъ Географическимъ Обществомъ и имѣло спеціальною задачею изслѣдованіе ледниковъ группы Ханъ-Тенгри. А. Н. былъ прикомандированъ къ экспедиціи, какъ ботаникъ, для изученія флоры высокихъ нагорій этой группы. Однако, съ согласія Общества, А. Н. расширилъ свою задачу и изучилъ также предгорія Заилійскаго Алатау и долину рѣки Или между китайскою границею и берегами озера Балхаша.

А. Н. выѣхалъ изъ Петрограда уже въ мартѣ 1886 г. и прибылъ въ Вѣрный 25 марта. Отсюда онъ выѣхалъ дальше, снабженный необходимыми со стороны мѣстной администраціи предписаніями, въ сопровожденіи двухъ джигитовъ и казака. Верхомъ на лошади, имѣя сзади пару наемныхъ верблюдовъ, А. Н. совершалъ изслѣдованіе дотолѣ совершенно неизвѣстной въ естественно-историческомъ отношеніи Области Сыртовъ; онъ прошелъ путемъ Пржевальскаго извѣстный, по описаніямъ этого путешественника, перевалъ Бедель и посѣтилъ городъ Учъ-Турфанъ въ Кашгаріи.

Изслѣдованія свои А. Н. производилъ съ упорствомъ и неутомимостью. Такъ, изслѣдуя флору въ долинѣ рѣки Текеса, А. Н. потерялъ въ потокѣ рѣки Агіаза (притока Текеса) свою лошадь и не пошелъ дальше только за полнымъ отсутствіемъ проводниковъ, такъ какъ среди пограничныхъ русскихъ поселянъ совершенно не оказалось людей, знакомыхъ съ этой мѣстностью. Не желая тратить время на представленія китайскимъ властямъ въ городѣ Учъ-Турфанѣ, А. Н. прожилъ въ немъ подъ видомъ доктора. Изъ Учъ-Турфана А. Н. вернулся черезъ перевалы Заук-

шинъ, черезъ Караколъ и проходы Койсу и Алматинскую щель, сдѣлавъ путь въ 3.700 верстъ, цѣлыми днями не слѣзая съ лошади. При этомъ онъ везъ съ собою гербарій, содержавшій около 9.000 растеній, собранныхъ несмотря на самыя неблагопріятныя условія. Слѣдуетъ добавить, что экскурсію эту А. Н. совершилъ на самыя ограниченныя средства.

Выполняя свою научную задачу, А. Н., вѣрный своему привязчивому сердцу, не забывалъ и человѣческихъ отношеній. Во время путешествія онъ завязалъ массу знакомствъ во всевозможныхъ кругахъ общества. Между прочимъ, онъ встрѣтился въ степи съ однимъ молодымъ киргизомъ, нѣкимъ Сыртановымъ, и такъ увлекъ его своими разсказами, что Сыртановъ поѣхалъ въ Петроградъ получать университетское образованіе. Въ Петроградѣ они были нѣкоторое время дружны, и А. Н. ввелъ его въ нѣкоторые профессорскіе дома.

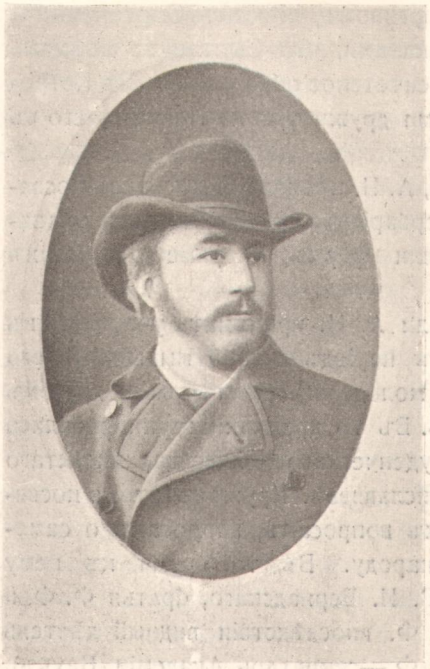
Вернувшись въ Петроградъ, А. Н. нѣсколько мѣсяцевъ посвятилъ разборкѣ привезенныхъ гербаріевъ, среди которыхъ оказалось немало новыхъ видовъ или формъ, впервые открытыхъ А. Н. на Тянь-Шанѣ.

Научныя занятія не мѣшали А. Н. принимать участіе и въ общественной жизни. Въ этотъ періодъ жизни мы видимъ его въ средѣ тогдашней передовой молодежи, вмѣстѣ съ его другомъ по гимназіи В. И. Вернадскимъ. Въ то время они группировались около научно-литературнаго студенческаго общества, закрытаго впослѣдствіе при ректорѣ Владиславлевѣ. Кружокъ этотъ посвящалъ много времени этическимъ вопросамъ, вопросамъ о саморазвитіи и объ отношеніи къ народу. Въ то время къ нему принадлежали, кромѣ А. Н. и В. И. Вернадскаго, братья Ф. Ф. и С. Ф. Ольденбурги (старшій Ф. Ф. впослѣдствіи видный дѣятель по народному образованію, С. Ф.—секретарь Академіи Наукъ), С. Э. Крыжановскій (впослѣдствій государственный секретарь), кн. Д. И. Шаховской (земскій дѣятель), К. А. Агафоновъ (литераторъ), С. А. Храповицкій и друг. Посѣщалъ А. Н. также и кружокъ, собиравшійся вокругъ г-жи Калмыковой, изъ котораго впослѣдствіи возникло книгоиздательство „Посредникъ“, съ опредѣленнымъ народническимъ направленіемъ.

Сдавъ зимою 1887 года магистерскій экзаменъ, весной того же года А. Н. отправился въ заграничную командировку отъ университета въ Западную Европу для закончанія своего научнаго образованія.

III.

Свою заграничную командировку А. Н. началъ съ путешествія по Европѣ. Необходимо сказать, что въ тѣ времена пособія оставленнымъ при университетѣ выдавались вообще довольно скудно. Своихъ же средствъ у А. Н. не было. Поэтому путешествіе приходилось совершать на очень скромныхъ началахъ, между тѣмъ, молодому ученому хотѣлось видѣть собственными лазами очень многое. Поэтому А. Н. выѣхалъ въ 3 классѣ и такъ доѣхалъ до Швейцаріи, гдѣ нѣкоторое время занимался у Шретера въ Цюрихѣ флорою альпійскихъ ледниковъ.



Портретъ А. Н. Краснова, относящійся къ дохарьковскому періоду его жизни.

Оттуда онъ направился частью пѣшкомъ, частью по желѣзной дорогѣ, изучать въ жизни то, съ чѣмъ уже познакомился въ кабинетахъ.

Благодаря общительности характера и основательному знанію французскаго и нѣмецкаго языковъ, А. Н. сразу удалось увидѣть очень многое. Нѣсколько разъ онъ присоединялся къ группамъ швейцарскихъ студентовъ, путешествовавшихъ со своими профессорами, и, можно сказать, исходилъ всю Швейцарію, тѣмъ болѣе, что А. Н. не жалѣлъ своихъ силъ и однажды даже заболѣлъ отъ переутомленія, послѣ большихъ переходовъ по горамъ, и долженъ былъ нѣсколько дней просидѣть въ гостиницѣ. Природа Швейцаріи произвела сильное впечатлѣніе на А. Н. своей красотою, хотя онъ все время сравнивалъ ее съ видѣнными уже имъ не менѣе величественными, и болѣе дикими красотами Алтая и Тянь-Шаня. Но, будучи въ Швейцаріи только туристомъ, А. Н. очень сожалѣлъ, что не могъ познакомиться съ ея

Проф. А. Н. Красновъ—директоръ Батумскаго сада.

народомъ—толпа туристовъ заслоняла народъ, и Швейцарія въ общемъ произвела на А. Н. впечатлѣніе исполинскаго отеля.

Изъ Швейцаріи А. Н. спустился въ Италію. Въ первыхъ письмахъ его изъ этой страны звучитъ досада на незнакомство съ итальянскимъ языкомъ. Однако, лингвистическія способности А. Н. были такъ велики, что, спустя нѣсколько дней, онъ уже путешествуетъ по Италіи частью пѣшкомъ, частью въ 3 классѣ, въ обществѣ итальянскихъ солдатъ и простонародья, съ которыми свободно объясняется, при чемъ его принимаютъ за француза. Проѣхавъ всю Италію, съ сѣвера на югъ, А. Н. остановился на болѣе продолжительное время въ Неаполѣ, гдѣ занимался на морской зоологической станціи.

Къ осени А. Н. черезъ Венецію и Вѣну пріѣхалъ въ Бреславль, гдѣ долженъ былъ слушать лекціи у мѣстныхъ ботаническихъ знаменитостей, Кона и Энглера.

Оба ученые очень радушно приняли своего русскаго коллегу—пригласили бывать у себя дома. Жизнь въ Бреславлѣ пошла очень тихо и однообразно. Большую часть дня А. Н. посвящаетъ своей диссертаціи, начатой еще въ Петроградѣ, отсылая написанныя главы длл печатанія въ типографію Академіи Наукъ. Тамъ печатались въ то время «Записки Русскаго Географическаго Общества», одинъ изъ томовъ которыхъ составила диссертація А. Н. Любознательность А. Н., конечно, привлекла его къ участію и въ студенческихъ коммершахъ и въ засѣданіяхъ Бреславскаго Общества Любителей Естествознанія. Хотя А. Н. принимали вездѣ радушно, но въ общемъ нѣмецкій складъ жизни былъ ему не по душѣ. Онъ очень скоро затосковалъ по Россіи, и писалъ, что если бы не случайная встрѣча съ русскимъ ученымъ, К. Д. Хрущовымъ, онъ бы пропалъ съ тоски. К. Д. Хрущовъ—талантливый петрографъ, много путешествовавшій по Мексикѣ, совершившій цѣлый рядъ цѣнныхъ научныхъ открытій, по свойственной многимъ русскимъ безалаберности, застрялъ въ Германіи, женился на нѣмкѣ и настолько палъ духомъ, что не помышлялъ даже вернуться въ Россію. Знакомство съ А. Н. пробудило его энергію; они говорили по разнымъ вопросамъ цѣлыми днями, и въ концѣ-концовъ подъ вліяніемъ своего молодого друга, К. Д. Хрущовъ вернулся въ Россію, гдѣ впослѣдствіи съ честью занималъ кафедру въ медико-хирургической академіи въ Петроградѣ.

Тѣмъ не менѣе, тоска А. Н. была настолько сильна, что родные и очень расположенный къ нему проф. А. Н. Бекетовъ

ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ХДУ
Інв. № 222505

рѣшили выписать его въ Россію на рождественскія каникулы, чтобы пріободрить его отъ нѣмецкихъ впечатлѣній.

Поѣздка въ Петроградъ очень освѣжила А. Н. Онъ повидался съ своими друзьями и товарищами, привезъ для напечатанія въ «Книжкахъ Недѣли» нѣсколько статей о своихъ заграничныхъ впечатлѣніяхъ, подвинулъ печатаніе своей диссертаціи и въ январѣ мѣсяцѣ снова поѣхалъ въ Бреславль.

Статьи А. Н. въ «Книжкахъ Недѣли» заслуживаютъ особаго вниманія. Казалось бы, что интереснаго можно сообщить о германскихъ и итальянскихъ городахъ, о природѣ Испаніи, которыя въ Россіи знакомы лучше, чѣмъ сама родина. Но А. Н. смотритъ на жизнь и природу Западной Европы съ совершенно особой точки зрѣнія. Онъ сравниваетъ ее съ жизнью азіатскихъ пустынь и китайскихъ окраинъ и приходитъ къ совершенно неожиданнымъ параллелямъ. При всемъ томъ статьи эти написаны ярко, образно, живо и необыкновенно объективно. Достойно отмѣтить, что статьи эти не даютъ почти никакого матеріала для біографическихъ данныхъ—въ противоположность большинству описаній поѣздокъ другихъ авторовъ, преимущественно говорящихъ о себѣ.

Второе пребываніе въ Западной Европѣ переносилось уже гораздо легче. Теперь А. Н. страдалъ только отъ недостатка денегъ, и отъ медленности печатанія диссертаціи въ типографіи Академіи Наукъ. Въ Бреславлѣ онъ собрался прочесть сообщеніе на нѣмецкомъ языкѣ о своихъ путешествіяхъ по Азіи и изложилъ свою теорію происхожденія лесса [1]). Лекція его имѣла большой успѣхъ среди слушателей, и уваженіе къ нему со стороны нѣмецкихъ ученыхъ очень выросло. Когда А. Н. весною, совершивъ прогулку по Исполинскимъ горамъ—тоже частью пѣшкомъ—отправился въ Берлинъ къ знаменитому тогда профессору географіи Рихтгофену, бреславльскіе ученые дали ему свои рекомендательныя письма. И въ Берлинѣ А. Н. былъ принятъ не какъ ученикъ, но какъ товарищъ, уже заявившій себя учеными трудами. Онъ былъ избранъ въ дѣйствительные члены Берлинскаго Географическаго общества (Gesellschaft für Erdkunde), въ которомъ читалъ съ большимъ успѣхомъ сообщеніе о своемъ путешествіи по Тянь-Шаню. Эти ученые мемуары были тогда же напечатаны въ нѣмецкихъ изданіяхъ и положили основаніе извѣстности А. Н. за границей, гдѣ его знали и цѣнили въ ученыхъ кругахъ до послѣдняго времени.

---

[1]) Versuch einer Entwickelungsgechichte der Flora der hochalpinen Gebiete in Thian-Schan. Schlesiches Verein für vaterländische Kultur. 1887.

Изъ Берлина А. Н. отправился въ Галле къ Кирхгофу. Пребываніе въ Галле въ ученомъ нѣмецкомъ обществѣ оставило наиболѣе пріятныя впечатлѣнія на А. Н. Онъ писалъ, что тѣ непріятныя впечатлѣнія, какія онъ переживалъ раньше, окончательно изгладились подъ вліяніемъ пребыванія въ Галле и работы совмѣстно съ Кирхгофомъ.

Изъ Галле А. Н. отправился въ Парижъ, гдѣ изучалъ флору ледниковыхъ областей Альпъ подъ руководствомъ Реневье. Въ Парижѣ онъ встрѣтилъ многихъ своихъ петроградскихъ друзей—между прочимъ, Ф. Д. Батюшкова (впослѣдствіи редактора «Міра Божія»), В. И. Вернадскаго и другихъ. И здѣсь онъ читалъ сообщеніе въ Парижскомъ Географическомъ обществѣ [1]). Отправившись отсюда въ Испанію, онъ не ограничился посѣщеніемъ страны въ качествѣ туриста, но экскурсировалъ по ней, какъ натуралистъ и познакомился съ испанскими учеными.

Заграничная поѣздка завершилась посѣщеніемъ А. Н. Лондонскаго конгресса геологовъ. А. Н. участвовалъ во всѣхъ экскурсіяхъ и торжествахъ, устраивавшихся англичанами по этому случаю, и когда приходилось отвѣчать на привѣтствія по адресу русской, венгерской и балканской группъ, то всѣ выступленія приходилось ему принимать на себя, такъ какъ изо всѣхъ членовъ онъ наилучше владѣлъ иностранными языками.

Къ концу 1888 года А. Н. вернулся въ Петроградъ и сталъ энергично торопить печатаніе своей диссертаціи. Къ концу года она вышла въ свѣтъ, а въ слѣдующемъ 1889 году 18-го марта состоялась и защита этой диссертаціи въ Петроградскомъ университетѣ.

IV.

«Опытъ исторіи развитія флоры южной части восточнаго Тянь-Шаня»—одна изъ выдающихся ученыхъ работъ А. Н. Написана она, какъ результатъ его поѣздки, и потому значительная часть ея описательная. Въ книгѣ А. Н. дается климатологическій и гидрографическій очеркъ Тянь-Шаня; очень подробно описаны открытые А. Н. ледники въ горной группѣ Ханъ-Тенгри, и, наконецъ, въ ней впервые дано подробное описаніе растительныхъ формацій южной части восточнаго Тянь-Шаня и списки растеній, встрѣчающихся въ этой мѣстности.

Эта часть работы, по мнѣнію высказанному проф. Гоби, однимъ изъ офиціальныхъ опонентовъ на диспутѣ, пред-

[1]) Comptes Rendus d'un voyage en Asie. Journal de la Sociéte de Géographie de Paris. 1888.

ставляетъ нѣчто аналогичное съ классическимъ трудомъ швейцарскаго ботаника Криста объ альпійской флорѣ. Главы о путешествіяхъ на Тянь-Шань, начиная съ китайскаго путешествія Юэнь-дзяня въ VII вѣкѣ, и глава, трактующая о вліяніи человѣка на мѣстную флору, заключаютъ въ себѣ очень много новыхъ любопытныхъ свѣдѣній. И вообще въ книгѣ разсѣяны въ изобиліи наблюденія и факты, представляющіе большой научный интересъ. Особое вниманіе въ свое время привлекли къ себѣ страницы, трактующія о происхожденіи лесса, и глава, посвященная вопросу объ эволюціи рода Atraphaxis въ связи съ усыханіемъ Тянь-Шаня.

Вся книга проникнута широкимъ научнымъ духомъ. Изучая развитіе флоры Тянь-Шаня, А. Н. исходилъ изъ впервые формулированнаго у насъ въ ясной отчетливой формѣ воззрѣнія, что существующая флора каждой страны является сочетаніемъ трехъ составныхъ частей растеній, оставшихся отъ древней флоры, въ цѣломъ уже исчезнувшей съ лица земли и господствовавшей на ней въ прежнее время, изъ растеній древней флоры, измѣнившихся и приспособившихся къ новымъ условіямъ, и изъ растеній пришлыхъ изъ сосѣднихъ областей. Разлагая флору любой мѣстности на ея составные элементы и изучая современныя ея развитію измѣненія геологическаго характера, легко замѣтить и даже установить характеръ связи, существующей между явленіями изъ жизни флоры и измѣненіями въ неорганическомъ мірѣ, и начертить исторію развитія флоры. Вмѣстѣ съ тѣмъ, этотъ методъ изученія растительности позволяетъ освѣтить вопросъ о происхожденіи новыхъ видовъ.

Диспутъ состоялся въ ясный теплый весенній день въ воскресенье, 18-го марта. Объ этомъ диспутѣ сохранилось прекрасное описаніе, сдѣланное покойнымъ редакторомъ «Недѣли» П. А. Гайдебуровымъ («Недѣля». 1889 г. № 13), которое и приводимъ въ выдержкахъ.

«Послѣ чтенія curriculum vitae на кафедру взошелъ диспутантъ. Несмотря на полученныя имъ двѣ золотыя медали (въ гимназіи и университетѣ), это совсѣмъ еще свѣжій молодой человѣкъ, съ лицомъ здоровымъ и энергичнымъ, съ увѣренностью во взглядѣ и движеніяхъ. При всей видимой скромности и сдержанности, ото всей его фигуры вѣетъ чѣмъ-то бодрымъ, смѣлымъ и вмѣстѣ привлекательнымъ. Онъ произнесъ краткую рѣчь, въ которой обратилъ вниманіе на значеніе изслѣдованій въ странахъ съ неособенно роскошною природой. Изученіе тропическихъ странъ навело Дарвина и Уоллэса на открытіе естественнаго

подбора и борьбы за существованіе; изслѣдованія, въ особенности неботаническія, странъ пустынныхъ могутъ повлечь за собою открытіе другихъ факторовъ въ дѣлѣ происхожденія видовъ. Особенно благотворными въ этомъ отношеніи должны оказаться, по мнѣнію диспутанта, изслѣдованія Центральной Азіи; обратить вниманіе на эту еще мало извѣстную въ научномъ отношеніи страну и было цѣлью его работы».

«Первымъ возражалъ А. Н. Бекетовъ. Многимъ въ публикѣ было извѣстно, что г. Красновъ—любимый ученикъ маститаго профессора, и такъ какъ самъ профессоръ зналъ, что это не секретъ, то онъ, видимо, хотѣлъ показать свое безпристрастіе въ отношеніи къ диспутанту, и перешелъ черезъ край:—перебезпристрастилъ. Онъ не только не выдвинулъ ни одного крупнаго достоинства диссертаціи, но даже обычные въ подобныхъ случаяхъ поощрительные комплименты какъ-то скомкалъ и проглотилъ, а о мелкихъ недостаткахъ отозвался рѣзко и даже какъ-будто съ раздраженіемъ. Впослѣдствіе стало извѣстно, что г. Бекетовъ сильно волновался за своего любимца въ предвидѣніи возраженій со стороны другихъ оппонентовъ, но хотя таковыхъ оказалось, дѣйствительно, очень много,—г. Бекетовъ напрасно волновался: ученикъ не сконфузилъ своего учителя и выказалъ себя полнымъ хозяиномъ въ своемъ дѣлѣ». Послѣ проф. Бекетова возражалъ проф. Гоби. Его возраженія касались главнымъ образомъ различныхъ мелкихъ дефектовъ. Затѣмъ послѣдовала «цѣлая рать неофиціальныхъ оппонентовъ. Работа г. Краснова, хотя написанная на степень магистра ботаники, касается многихъ вопросовъ и по другимъ отраслямъ науки. Проф. Иностранцевъ вступилъ съ диспутантомъ въ продолжительное пререканіе по вопросу о происхожденіи лесса; проф. Войейковъ, въ качествѣ метеоролога, завелъ рѣчь о климатѣ Тянь-Шаня, о направленіи вѣтровъ въ Азіи въ доисторическія времена—рѣчь настолько длинную и спеціальную, что одинъ изъ профессоровъ не выдержалъ и напомнилъ оппоненту, что диспутъ происходитъ по предмету ботаники, а не метеорологіи. Затѣмъ возражали диспутанту проф. Петри въ качествѣ географа, проф. Костычевъ въ качествѣ агронома, проф. Вагнеръ въ качествѣ зоолога. Присутствовавшее на диспутѣ одно духовное лицо не безъ остроумія замѣтило по этому поводу: «Ну, я подожду еще, чтобы возразилъ Менделѣевъ, какъ химикъ, а тамъ уже попробую и я, какъ священникъ». До этого, однако, не дошло, и диспутъ закончился нѣсколькими горячими словами проф. Докучаева. Онъ очень кстати напомнилъ, что въ теченіе диспута, длившагося около четырехъ часовъ, не

было сказано ничего о самомъ главномъ—о существѣ работы г. Краснова, заключающей въ себѣ столько разностороннихъ матеріаловъ и цѣнныхъ вкладовъ въ науку. Работа диспутанта представляетъ изъ себя не только замѣчательную цѣнность въ ботаническомъ, географическомъ, почвенномъ и другихъ отношеніяхъ, но въ ней заключается столько новыхъ открытій и притомъ сообщенныхъ въ качествѣ не голыхъ фактовъ, а обработанныхъ научно, какъ въ рѣдкой работѣ. Въ качествѣ «почвенника» проф. Докучаевъ отмѣтилъ открытый г. Красновымъ фактъ нахожденія чернозема на южныхъ склонахъ Тянь-Шаня, т. е. тамъ, гдѣ, по выраженію профессора, онъ даже и не снился нашимъ ученымъ. Послѣ рѣчи профессора Докучаева, встрѣченной апплодисментами, деканъ факультета проф. Совѣтовъ провозгласилъ г. Краснова магистромъ ботаники, и многочисленные оппоненты молодого ученаго первые привѣтствовали его обычными лобзаніями».

На этомъ диспутѣ намѣтились друзья и недруги А. Н., сохранившіе свое отношеніе къ нему и на всю слѣдующую жизнь. Одни ученые и въ послѣдующихъ работахъ его не видѣли ничего, кромѣ опечатокъ и неточныхъ цитатъ. Напротивъ, другіе, какъ В. В. Докучаевъ, И. В. Мушкетовъ, А. Н. Бекетовъ и пр. цѣнили широкое научное міровоззрѣніе и яркую научную фантазію А Н. Въ ближайшемъ засѣданіи совѣта университета А. Н. Бекетовъ поднялъ вопросъ о награжденіи диспутанта ученою степенью доктора, въ виду исключительно выдающихся достоинствъ диссертаціи. Предложеніе это, однако, было отклонено преимущественно голосами математиковъ, находившихъ, что не слѣдуетъ создавать прецедента, хотя дѣйствовавшій тогда университетскій уставъ и давалъ такое право (впослѣдствіи такой прецедентъ былъ созданъ).

Кратковременный ученый тріумфъ, чествованіе молодого магистра многочисленными его почитателями,—а затѣмъ передъ А. Н. всталъ вопросъ объ устройствѣ своего будущаго въ матеріальномъ отношеніи.

Въ это время въ русскихъ университетахъ создавались на физико-математическихъ факультетахъ новыя кафедры географіи, науки, которая до тѣхъ поръ въ русскихъ университетахъ не читалась, и вообще въ Россіи почти не существовала. До сихъ поръ А. Н. работалъ преимущественно въ области ботаники. Но его разностороннее развитіе, многочисленныя путешествія, подготовка у П. П. Семенова въ Россіи, Рихтгофена и Кирхгофа въ Германіи—дѣлали для него возможнымъ и занятіе кафедры

географіи. А. Н. Бекетовъ еще во время поѣздки А. Н. въ Западную Европу въ письмахъ совѣтовалъ ему рѣшиться на этотъ шагъ и заранѣе подготовиться для этой цѣли. Послѣ защиты диссертаціи въ Петроградѣ выяснилось, что ни на университетскую кафедру по ботаникѣ, ни на должность директора ботаническаго сада, которая дала бы возможность независимо работать по этой спеціальности, А. Н. нельзя было разсчитывать въ сколько-нибудь близкомъ будущемъ. Съ другой стороны, и кафедры географіи въ столичныхъ университетахъ были уже заняты. Поэтому А. Н. приходилось принять кафедру географіи въ одномъ изъ провинціальныхъ университетовъ,—несмотря на то, что такое рѣшеніе нѣсколько измѣняло его прежнюю спеціальность, а усиленная подготовка къ новой кафедрѣ требовала и отсрочки въ чисто научныхъ работахъ, и что въ то время въ провинціи положеніе ученыхъ и профессоровъ, въ частности, было недостаточно благопріятно. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній между Казанью и Харьковомъ, А. Н. принялъ предложеніе занять кафедру географіи въ Харьковѣ, и съ осени 1889 года переселился въ этотъ городъ.

V.

16-го сентября 1889 года А. Н. прочелъ свою вступительную лекцію въ Харьковскомъ университетѣ. Въ ней дана яркая характеристика географіи, какъ она понималась въ прежнее время, и какъ стала она пониматься учеными географіи съ конца XIX вѣка. Въ заключеніе молодой профессоръ выражалъ надежду, что, такъ какъ географія, какъ наука, возникаетъ одновременно на Западѣ и въ Россіи, то русскіе ученые не будутъ въ ней, какъ въ другихъ наукахъ, только учениками и продолжателями западно-европейскихъ ученыхъ, но будутъ и видными ея дѣятелями. «Наука эта, говоритъ А. Н., широкая по своему плану, требующая какъ широкихъ обобщеній, такъ и умѣнія всею душою понять чуждую природу, чуждый характеръ и привычки, по духу своему, болѣе чѣмъ какая бы то ни было, соотвѣтствуетъ намъ русскимъ, которые, какъ показала наша исторія, наша цивилизація, наша беллетристика, болѣе чѣмъ какой другой народъ, обладаютъ указанными свойствами [1]).

Въ Харьковѣ А. Н. провелъ 23 года — самые дѣятельные годы своей жизни, провелъ ихъ въ неустанной культурной и

[1]) «Географія какъ новая университетская наука». Журналъ Мин. Нар. Просвѣщенія. 1889 г.

научной работѣ. Сразу же послѣ своего пріѣзда ему пришлось создавать свой курсъ, создавать научныя пособія къ нему, географическій кабинетъ, географическую библіотеку, такъ какъ ничего этого въ Харьковѣ не было. Мало того, — желая отводить въ создаваемомъ ихъ курсѣ землевѣдѣнія болѣе значительное мѣсто Россіи, онъ долженъ былъ продолжать ея изслѣдованіе самъ, такъ какъ научная литература о Россіи давала большіе пробѣлы. Наконецъ, изъ желанія говорить въ своемъ курсѣ преимущественно о томъ, что самъ видѣлъ, а не по книжкамъ, А. Н. искалъ случая совершать поѣздки по чужимъ странамъ. Такимъ образомъ, годы, проведенные имъ въ Харьковѣ, были въ то же время годами путешествій.

А. Н. Красновъ въ первый періодъ его харьковской дѣятельности.

Уже въ 1890 году А. Н. весной совершаетъ свою первую поѣздку со студентами на Кавказъ (въ Сванетію). Въ тѣ времена въ Россіи это было новостью. Профессора читали только въ кабинетахъ, и А. Н. положилъ основаніе новому пріему—чтенія среди природы. Для поѣздки своей ему лично пришлось хлопотать и о льготномъ проѣздѣ у желѣзныхъ дорогъ (въ тѣ времена экскурсіоннаго тарифа еще не существовало), и о пособіи въ Министерствѣ народнаго просвѣщенія. Лѣтомъ того же года А. Н. былъ командированъ въ Вашингтонъ на геологическій конгрессъ, на которомъ онъ читалъ сообщеніе о происхожденіи степей, напечатанное на англійскомъ языкѣ въ трудахъ этого конгресса[1]). Воспользовавшись поѣздкой въ Америку, А. Н. проѣхалъ черезъ сѣверо-американскія преріи, къ Соленому озеру, посѣтилъ Іеллустонскій паркъ и Ніагару. Во время поѣздки А. Н. собралъ также обширную англійскую литературу объ американскихъ степяхъ, которою воспользовался впослѣдствіи для своей докторской диссертаціи.

---

[1]) The black earth of the steppes of soutern Russia (Bull. Geolog. Soc. Am. Vol. 3, 1891).

Въ слѣдующемъ году, помимо своей поѣздки на Кавказъ съ студентами, А. Н. все лѣто экскурсировалъ по Полтавской и Харьковской губерніямъ, собирая матеріалы для ряда работъ по флорѣ и вообще природѣ этихъ губерній. Особенно выдѣляется его работа «Рельефъ, растительность и почвы Харьковской губерніи», изданная въ Харьковѣ въ 1893 году.

Въ 1892 г. А. Н. совершаетъ большое путешествіе вокругъ всей Азіи. Выѣхавъ на пароходѣ Добровольнаго флота изъ Одессы, онъ посѣтилъ Яву, Японію, Сахалинъ и Приморскую область и вернулся обратно. Путешествіе это описано въ его очеркахъ, напечатанныхъ въ «Книжкахъ Недѣли» за 1893 годъ, вышедшихъ потомъ отдѣльной книгой подъ заглавіемъ: «По островамъ Далекаго Востока» въ 1896 году. Спустя всего три года, А. Н. беретъ порученіе Удѣльнаго вѣдомства обслѣдовать субтропическія культуры, а главнымъ образомъ культуры чая, которыми вѣдомство предполагало заняться въ Батумской губ. Въ составѣ экспедиціи съ участниками И. Н. Клингеномъ и г. Симонсономъ, которымъ впослѣдствіи было поручено устроить и завѣдывать самыми чайными плантаціями въ Батумской области,—А. Н. объѣхалъ Цейлонъ, южные склоны Гималаевъ, Китай и Японію. Вернулся онъ на родину черезъ Сандвичевы острова и Мексику. Это путешествіе также описано въ очеркахъ, напечатанныхъ въ «Книжкахъ Недѣли» и вышедшихъ отдѣльной книгой подъ заглавіемъ: «Изъ колыбели цивилизаціи» въ 1898 г. Здѣсь мы имѣемъ первое популярное описаніе культурной Японіи, которую до тѣхъ поръ русскіе знали только по путешествію Гончарова «Фрегатъ Паллада». Научно-культурные результаты этого путешествія даны въ большомъ двухтомномъ сочиненіи: «Чайные округа», изданнымъ Удѣльнымъ вѣдомствомъ въ 1897 г. Въ этомъ сочиненіи дано описаніе тѣхъ культурныхъ растеній, которыя можно съ успѣхомъ разводить въ нашей Батумской области. Нѣкоторыя изъ нихъ тамъ уже и разводятся.

Въ промежутки между этими путешествіями А. Н. успѣлъ написать и защитить въ 1894 г. въ Московскомъ Университетѣ свою диссертацію, написанную на степень доктора географіи — «Травяныя степи Сѣвернаго полушарія»[1]). Защита докторской диссертаціи дала А. Н. возможность получить званіе ординарнаго профессора въ 1894 году.

Путешествіе въ составѣ экспедиціи Удѣльнаго вѣдомства было послѣднимъ большимъ путешествіемъ А. Н. Послѣ этого

[1]) Изв. Имп. Общ. Любителей Естествознанія при Московскомъ Университетѣ. Т. LXXXIII.

онъ ѣздилъ почти каждый годъ куда-либо,—такъ, онъ побывалъ еще разъ въ Италіи, съѣздилъ въ Турцію (Константинополь, Принцевы острова, побережье Малой Азіи), въ Египетъ, въ Норвегію, которую обогнулъ черезъ Сѣверное море, и побывалъ на Бѣломъ морѣ. Очень часто совершалъ А. Н. поѣздки на Кавказъ, который объѣхалъ верхомъ, обошелъ пѣшкомъ и по желѣзной дорогѣ отъ Баку до Батума и отъ Владикавказа до Карса, а также и по всему Черноморскому побережью и многократно описывалъ его въ научныхъ очеркахъ («Нагорная флора Сванетіи и особенности ея группировки и пр.» Изв. Имп. Русскаго Геогр. Общ., т. XXVII; «Кавказскія цѣпи горъ, параллельныя главному хребту и ихъ роль въ группировкѣ лѣсной и степной флоры Западнаго Кавказа», Труды Общ. Испыт. Природы при Харьк. Унив., т. XXVII; «Матеріалы для знакомства съ грязевыми вулканами восточнаго Закавказья», Труды Общ. Испытателей Природы при Харьков. Унив., т. XXXIV и многіе другіе), и въ популярныхъ фельетонахъ въ «Недѣлѣ» и въ «Южномъ Краѣ». Но всѣ эти экскурсіи занимали уже не болѣе трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ. Зиму же А. Н. неизмѣнно проводилъ въ Харьковѣ, наѣзжая лишь по дѣламъ и для посѣщенія родныхъ въ Петроградъ.

Въ Харьковѣ А. Н., благодаря своему общительному характеру, очень скоро сошелся со всѣми представителями мѣстной интеллигенціи. Онъ былъ друженъ съ семействомъ профессоровъ Шимкова, Д. И. Багалѣя, съ представителями судебнаго и педагогическаго міра. Харьковская интеллигенція привлекла А. Н. къ общественной дѣятельности. Въ первые же годы своего пребыванія онъ былъ приглашенъ къ завѣдованію Харьковскимъ «Университетскимъ» садомъ. Садъ этотъ, занимающій обширный участокъ города, находился въ пренебреженіи и даже гулять по нему вечеромъ было небезопасно. А. Н. старался придать ему характеръ парка—ботаническаго сада. Характерно, что эта дѣятельность А. Н. была оцѣнена даже низшими слоями населенія, тѣмъ самымъ «ракломъ», для котораго прежній садъ былъ ареною грабительскихъ похожденій. Существуетъ анекдотъ, будто, когда однажды ночью А. Н. проходилъ черезъ этотъ садъ, его самого хотѣли ограбить, но отказались отъ намѣренія, узнавъ въ немъ популярнаго профессора.

Нѣкоторое время А. Н. состоялъ гласнымъ Харьковской городской думы; въ этотъ періодъ онъ былъ избранъ предсѣдателемъ городской музейной комиссіи и устроилъ географическій отдѣлъ городского музея. Какъ живой общественный

человѣкъ, А. Н. принималъ близкое участіе въ дѣятельности Харьковскихъ просвѣтительныхъ учрежденій. Въ Х. Обществѣ Грамотности онъ состоялъ одно время членомъ правленія, а въ издательскомъ комитетѣ О-ва и товарищемъ предсѣдателя. Имъ было написано большое число статей для изданной Обществомъ «Народной Энциклопедіи» (изд. Сытина).

Но особенно много труда положилъ А. Н. на Курсы для рабочихъ. Онъ былъ первымъ, откликнувшимся на призывъ совѣта курсовъ, вступить въ ряды преподавателей и помочь совѣту курсовъ расширить программу до размѣровъ программы Народнаго Университета. Въ скоромъ времени по вступленіи въ совѣтъ курсовъ, А. Н. былъ назначенъ предсѣдателемъ ихъ и поѣхалъ въ Петроградъ къ тогдашнему министру финансовъ С. Ю. Витте, у котораго выхлопоталъ субсидію въ 25.000 руб. на постройку спеціальнаго зданія для Курсовъ рабочихъ. Онъ же выхлопоталъ и дальнѣйшія субсидіи на это у Харьковскаго городского управленія. Самъ А. Н. читалъ лекціи на курсахъ, устраивалъ библіотеку, снабжалъ коллекціями кабинеты. При этомъ А. Н. держалъ себя очень доступно со своими слушателями, входилъ въ ихъ интересы, а нѣкоторыхъ, болѣе молодыхъ и талантливыхъ, приближалъ къ себѣ и давалъ имъ уже систематическое образованіе. Онъ самъ занимался съ ними подготовкой къ экзаменамъ на аттестатъ зрѣлости, и давалъ возможность пройти курсъ высшихъ учебныхъ заведеній, чтобы потомъ вступить работниками уже на интеллигентномъ поприщѣ.

Помимо преподаванія на курсахъ рабочихъ и, конечно, въ университетѣ, А. Н. съ 1899 года былъ приглашенъ читать также курсъ ботаники въ Харьковскомъ ветеринарномъ институтѣ. Тамъ онъ устроилъ небольшой ботаническій садъ съ оранжереей, стремясь осуществить свой взглядъ, изложенный имъ въ литературѣ. Наконецъ, нѣкоторое время А. Н. преподавалъ географію въ одной изъ женскихъ гимназій и женскомъ институтѣ въ Харьковѣ.

Кромѣ преподаванія въ учебныхъ заведеніяхъ, А. Н. очень часто выступалъ, какъ въ Харьковѣ и Петроградѣ, такъ и въ другихъ городахъ въ качествѣ публичнаго лектора. Къ этому у него были спеціальныя прирожденныя способности. Громкій ясный голосъ, выразительныя интонаціи, широкіе, изящные жесты и главное, необыкновенно яркое, образное изложеніе. Онъ умѣлъ наэлектризовать аудиторію; его лекціи даже въ избалованномъ Петроградѣ привлекали многочисленную публику и имѣли блестящій успѣхъ. Въ провинціи же ему приходилось выступать

даже въ театральныхъ залахъ. Лекціи его содержали или популярное изложеніе нѣкоторыхъ географическихъ отдѣловъ, или чаще — сообщенія объ его послѣднихъ путешествіяхъ, или послѣднихъ научныхъ работахъ, а въ послѣдніе годы большинство его лекцій были посвящены Батумскому побережью, его культурамъ и иллюстрировались обильными свѣтовыми картинами, изображавшими успѣхи батумскихъ культуръ.

Особенно много работалъ А. Н. надъ созданіемъ «Курса землевѣдѣнія», который и былъ дважды изданъ—въ Харьковѣ въ 1895—99 годахъ и въ Петроградѣ въ 1909 году. Это первый и до сихъ поръ, кажется, единственный общій курсъ землевѣдѣнія, написанный русскимъ ученымъ. А. Н. высказалъ въ немъ обширную эрудицію, собралъ громадный матеріалъ и мастерски его расположилъ и изложилъ.

Къ сожалѣнію, въ цѣломъ «Курсъ землевѣдѣнія» А. Н. невстрѣтилъ особаго сочувствія въ ученой литературѣ. Ему были поставлены въ вину многочисленныя опечатки, неточныя цитаты и вообще недостатки, подобные тѣмъ, за которые укоряли еще магистерскую диссертацію А. Н. на диспутѣ его офиціальные оппоненты. Поэтому здѣсь будетъ кстати коснуться досадныхъ недостатковъ работъ А. Н., имѣвшихъ такое печальное вліяніе на его ученую судьбу у насъ на родинѣ. Надо замѣтить, что въ своихъ работахъ А. Н. былъ крайне одинокъ. Въ провинціальномъ университетѣ того мрачнаго періода русской жизни, въ которой пришлось работать А. Н., не было ни достаточнаго количества спеціалистовъ въ его области, съ которыми оно могъ бы дѣлиться своими научными интересами, ни тѣмъ болѣе достаточнаго количества учениковъ, которые могли бы быть вмѣстѣ и помощниками А. Н. Работы его часто печатались въ провинціальныхъ типографіяхъ, мало приспособленныхъ въ печатанію ученыхъ работъ, или еще хуже—посылались въ Петроградъ, откуда корректуры получались по почтѣ. Всю черновую работу ему приходилось дѣлать самому. Къ этому надо прибавить еще неразборчивость почерка А. Н., его постоянные разъѣзды, при которыхъ ему не было достаточно времени для чисто кабинетной работы. Приходилось работать урывками, въ очень неблагопріятной обстановкѣ, иногда въ гостиницѣ, или въ чужомъ домѣ. При такихъ условіяхъ, описки и опечатки были неизбѣжными спутниками его статей, тѣмъ болѣе, что лично А. Н., по складу своего характера, не склоненъ былъ придавать имъ того важнаго значенія, которое придавали имъ его рецензенты.

Домашняя жизнь А. Н. протекала въ Харьковѣ довольно тихо. Вся она поглощалась ученой работой и общественной дѣятельностью. На развлеченія, посѣщенія общества времени оставалось мало. Тѣмъ не менѣе, какъ уже сказано было, А. Н. былъ принятъ во многихъ домахъ харьковскаго интеллигентнаго общества. Не забывалъ онъ и своихъ петроградскихъ друзей и родныхъ. Хотя дѣловыя отношенія его съ петроградскими учеными акад. А. С. Фаминцинымъ, акад. И. П. Бородинымъ, проф. И. В. Мушкетовымъ и другими давно кончились, каждый пріѣздъ свой въ Петроградъ онъ неизмѣнно посѣщалъ ихъ и обмѣнивался впечатлѣніями по поводу научныхъ новостей. Отношеніе же его къ своимъ роднымъ и друзьямъ дѣтства было поистинѣ трогательно. Изъ каждаго путешествія привозилъ онъ имъ вещицы на память и никогда не забывалъ посѣтить, на какой бы короткій срокъ ни пріѣзжалъ въ Петроградъ.

10-го мая 1898 года А. Н. женился на Анастасіи Николаевнѣ Радаковой, съ которой познакомился въ домѣ профессора Багалѣя. А. Н. Радакова изъ интеллигентной помѣщичьей семьи (братъ ея В. Н. Радаковъ впослѣдствіи былъ членомъ 1-й Государственной Думы) еще раньше встрѣчалась съ А. Н. въ Харьковскомъ Обществѣ Грамотности. Свадьба была отпразднована очень оригинально, въ сельской церкви подъ Харьковомъ, которая должна была закрыться, за ветхостью, на слѣдующій день, въ селѣ среди цвѣтущихъ яблонь. Среди приглашенныхъ былъ одинъ изъ учениковъ А. Н., тогда еще студентъ, Алчевскій, впослѣдствіи извѣстный теноръ, который спѣлъ молодымъ знаменитую эпиталаму Рубинштейна. Послѣ обѣда, устроеннаго тамъ же среди природы, молодые отправились въ свадебное путешествіе по Европѣ—побывали на Принцевыхъ островахъ, въ Италіи, Швейцаріи и черезъ Петроградъ осенью вернулись въ Харьковъ. Женитьба не измѣнила условій жизни А. Н. Жена его тоже не отличалась свѣтскостью, и жили они попрежнему довольно уединенно. Одно время, А. Н. на полученное имъ небольшое наслѣдство послѣ смерти отца построилъ себѣ домъ въ Харьковѣ, неэкономно такъ, что впослѣдствіи черезъ нѣсколько лѣтъ его пришлось продать и остаться еще съ коекакими долгами; но очень оригинально. При домѣ былъ устроенъ небольшой садъ и оранжерея, въ которыхъ А. Н. разводилъ рѣдкія, преимущественно тропическія растенія, держалъ экзотическихъ птицъ, а въ зимніе мѣсяцы выписывалъ куколокъ для выведенія бабочекъ, которыхъ пускалъ порхать между цвѣтами. Въ такой экзотической обстановкѣ А. Н. любилъ заниматься

своими учеными работами. Въ самомъ домѣ—въ жилыхъ его комнатахъ, обстановка тоже была экзотическая—множество вещицъ, ширмочекъ, статуетокъ, вазъ и т. п., привезенныхъ А. Н. изъ его многочисленныхъ путешествій, украшали комнаты, придавая имъ отчасти музейный характеръ. При послѣдующихъ переѣздахъ на другія, уже частныя квартиры, вещи эти, къ сожалѣнію, мало-по-малу утрачивались, и обстановка въ Батумѣ, гдѣ провелъ А. Н. послѣдніе годы своей жизни, по отзывамъ посѣщавшихъ его лицъ, уже не была такой нарядной.

VI.

Послѣдніе годы жизни А. Н. въ Харьковѣ здоровье стало ему измѣнять. Приходилось ѣздить лѣчиться въ Висбаденъ, на Кавказскія воды. Дальнія путешествія были уже въ тягость. Сгущалась и политическая атмосфера. Въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ почти все время происходили безпорядки. Все это создавало тяжелую обстановку, но бодрость духа не покидала А. Н., онъ предается особо кипучей дѣятельности. Къ этому періоду относится его работа «Начатки третичной флоры юга Россіи» (Харьковъ, 1910). Для нея А. Н., несмотря на болѣзнь, дѣлавшую для него путешествія уже трудными, лично посѣтилъ окрестности Саратова, Камышина, села Приволье Изюмскаго уѣзда Харьковской губерніи, окрестности Кривого Рога Херсонской губерніи и село Тарасовку въ Области Войска Донского. Въ Саратовѣ, Камышинѣ и Тарасовкѣ А. Н. были лично собраны богатыя коллекціи отпечатковъ третичной флоры, легшія затѣмъ въ основу написанной имъ работы. Другія коллекціи были собраны при участіи нѣкоторыхъ другихъ ученыхъ и частныхъ лицъ, интересовавшихся тѣми же вопросами. Коллекціи эти по обработкѣ были подарены А. Н. Петроградскому Ботаническому саду. На основаніи своихъ изслѣдованій, А. Н. приходитъ къ заключенію, что флора, покрывавшая большую часть Средней и Южной Россіи въ третичную эпоху, была очень похожа на туземную флору Батумской области, и эта послѣдняя флора потому похожа на третичную, что въ Батумской области до сихъ поръ сохранились климатическія условія, сходныя съ тѣми, какія когда-то были во всей южной Россіи.

Эта работа была послѣднею работою А. Н. теоретически научнаго характера.

Въ 1911 году издатель «Южнаго Края», въ которомъ А. Н. уже и раньше принималъ дѣятельное участіе, помѣщая

свои фельетоны, содержавшіе по большей части путевыя впечатлѣнія отъ его непрекращавшихся лѣтнихъ поѣздокъ, или статьи, посвященныя Кавказу, надъ поднятіемъ культурной жизни въ которомъ, какъ о томъ ниже скажемъ подробнѣе, А. Н. постоянно работалъ,—пригласилъ А. Н. стать во главѣ редакціи газеты. Послѣ нѣкотораго колебанія А. Н. принялъ это предложеніе и, какъ всегда, горячо и съ увлеченіемъ отдался новому дѣлу. Газета имъ велась въ строго прогрессивномъ духѣ, и при существующемъ у насъ положеніи печати А. Н. въ качествѣ редактора пришлось перенести много тажелыхъ минутъ и осложненій.

По присущей отъ природы А. Н. разсѣянности и нѣкоторой небрежности, которая вредила А. Н. и въ его ученыхъ работахъ, въ своей редакторской дѣятельности А. Н. еще чаще подавалъ поводъ къ столкновеніямъ съ цензурой. То онъ пропуститъ какой-нибудь непровѣренный слухъ, то неосторожное выраженіе. И противъ него былъ возбужденъ цѣлый рядъ уголовныхъ дѣлъ. Такимъ образомъ, по мѣрѣ того, какъ росла извѣстность и популярность А. Н., какъ талантливаго журналиста и редактора, росли и судебные процессы. На 2-мъ Всероссійскомъ писательскомъ съѣздѣ въ Петроградѣ въ 1911 году, А. Н. представлялъ редакцію «Южнаго Края», и съѣздъ почтилъ его избраніемъ въ товарищи предсѣдателя Съѣзда. Зато по возвращеніи изъ Петрограда въ Харьковъ, А. Н. пришлось предстать передъ судомъ судебной палаты съ сословными представителями. А. Н. защищался и самъ, и черезъ извѣстнаго адвоката, и на этотъ разъ кара ограничилась только наложеніемъ на газету крупнаго штрафа.

Такая жизнь, конечно, нисколько не соотвѣтствовала ни состоянію здоровья А. Н., тогда уже весьма разстроеннаго (у него начинался процессъ въ костяхъ ноги, въ концѣ-концовъ сведшій его въ могилу), ни его характеру, очень скромному, благожелательному и мирному, ни его общественному положенію. Поэтому А. Н. сталъ искать выхода изъ создавшагося положенія, сталъ искать иной дѣятельности взамѣнъ литературной и профессорской. Послѣдняя, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе терзала его нервы, не давая достаточно нравственнаго удовлетворенія, такъ какъ онъ не видѣлъ въ послѣдніе годы ни торжества своихъ идей, ни даже появленія молодыхъ учениковъ, которымъ онъ могъ бы ихъ передать. Выходъ онъ нашелъ въ высокой культурной дѣятельности—превращеніи дикаго края въ богатый и

плодоносный, дѣятельности высоко-прославленной еще Гете во II части его «Фауста».

VII.

Мы должны вернуться, однако, нѣсколько назадъ. Еще въ раннемъ дѣтствѣ А. Н. зачитывался описаніями путешествій по тропическимъ странамъ и мечталъ самъ повторить ихъ современемъ. Судьба не допускала его до этого долгое время. Свою юность и первую молодость А. Н. посвятилъ изученію «странъ съ менѣе роскошной природой»,—и путешествія его были преимущественно по степямъ, на сѣверѣ, или въ холодныхъ горахъ сѣверной Азіи. Одно время онъ, казалось, забылъ южную природу, и въ цитированной нами его дѣтской элегіи говорилъ, что полюбилъ сѣверъ. Но его дѣтская любовь въ дѣйствительности никогда не умирала. Въ 1892 году ему впервые удалось увидѣть настоящій югъ. И около того же времени А. Н. увидалъ наше кавказское побережье, и сразу же оцѣнилъ возможность создать здѣсь ту южную тропическую обстановку, которою онъ баюкалъ себѣ нѣкоторое время въ Харьковѣ, когда случайный достатокъ средствъ это ему позволялъ.

Небольшое наслѣдство, полученное А. Н. послѣ смерти его отца, въ 1900 году онъ употребилъ на постройку дачи на отведенномъ ему около Сочи земельномъ участкѣ. Здѣсь на личныя средства, движимый своимъ пристрастіемъ къ южной природѣ, А. Н. дѣлалъ въ сущности важное общественное дѣло—опыты акклиматизаціи разныхъ рѣдкихъ южныхъ декоративныхъ и промышленныхъ растеній. Эти опыты, описанные имъ и въ популярныхъ статьяхъ въ «Южномъ Краѣ» и въ «Книжкахъ Недѣли», и въ спеціальныхъ сельскохозяйственныхъ журналахъ, сыграли видную роль въ заселеніи и культивированіи черноморскаго побережья. Большинство мѣстныхъ садовладѣльцевъ руководствовались его указаніями съ тою разницею, что А. Н. изъ своихъ опытовъ не извлекъ ничего, кромѣ научнаго интереса, а тѣ получили и матеріальныя выгоды.

Но опыты А. Н. въ Сочи скоро прекратились. Косность нашего Русскаго Общества пароходства и торговли до сихъ поръ еще не побудила его устроить сколько-нибудь сносную пристань въ Сочи, а высадка среди моря въ турецкія фелюги была подъ силу только самому А. Н., видавшему всякіе виды во время своихъ путешествій, но его семья согласилась подвергнуться такой операціи только одинъ разъ. Въ результатѣ дача въ

Проф. А. Н. Бекетовъ со своими учениками выпуска А. Н. Краснова (Красновъ рядомъ съ проф. Бекетовымъ).

Сочи не могла служить для А. Н. даже лѣтнимъ пребываніемъ. Сверхъ того, расходы на нее росли съ каждымъ годомъ, и въ результатѣ А. Н. пришлось ее продать около 1904 года.

Съ другой стороны, его опыты въ Сочи убѣдили, что климатъ послѣдняго не исключаетъ настолько холодныхъ зимъ, что онѣ могутъ быть гибельны для субтропической растительности, и что русскіе тропики надо устраивать еще южнѣе, въ Батумской области. Тамъ-то и рѣшилъ А. Н. устроить тотъ южный рай, о которомъ онъ мечталъ съ дѣтства. Съ мечтою устройства этого рая, онъ и носился во время своихъ разочарованій въ Харьковѣ послѣдніе годы.

Съ отличавшею А. Н. въ такихъ случаяхъ энергіею, онъ немедленно принялся за осуществленіе намѣченной идеи. Въ началѣ 1912 года онъ поѣхалъ въ Петроградъ и подалъ главноуправляющему землеустройствомъ и земледѣліемъ А. В. Кривошеину обстоятельную докладную записку, въ которой предлагалъ устроить на Батумскомъ побережьѣ, въ указанномъ имъ мѣстѣ, обширный ботаническій садъ, гдѣ бы производились опыты надъ акклиматизаціей въ Батумской области культурныхъ растеній, и былъ бы ихъ разсадникъ для края. Записка была составлена такъ обстоятельно, серьезно и убѣдительно, что ей сразу былъ данъ ходъ. А. Н. брался стать во главѣ этого дѣла за самое ничтожное вознагражденіе и готовъ былъ немедленно выѣхать въ Батумъ. И уже въ мартѣ мѣсяцѣ А. Н. отказался отъ должности профессора Харьковскаго университета и редактора «Южнаго Края», и уѣхалъ въ Петроградъ устраивать окончательно дѣла по своему переселенію въ Батумъ.

Въ Петроградѣ онъ былъ настроенъ удивительно бодро, но нѣсколько элегически. Развивающаяся болѣзнь угрожала опасностью, и А. Н. шутя говорилъ, что ѣдетъ умирать въ Батумъ, что ему предсказали, будто тамъ онъ проживетъ всего два года. Тогда всѣ смѣялись, и не хотѣлось вѣрить, что предсказаніе можетъ сбыться. Тогда-то А. Н., съ нѣкоторыми друзьями дѣтства, объѣхалъ мѣста, памятныя ему съ юныхъ лѣтъ, и описалъ ихъ въ своихъ фельетонахъ «Южнаго Края»,—мѣста всѣмъ знакомыя и можно сказать прозаическія, въ родѣ Лѣсного, но подъ перомъ А. Н. они вспыхнули свѣтомъ поэзіи, и описанія вышли оригинальными и интересными, какъ и все, къ чему прикасался А. Н.

Къ лѣту А. Н. уѣхалъ въ Батумъ и принялся за дѣло разбивки сада такъ энергично и успѣшно, что въ два года сдѣлалъ то, на что нужно было десять лѣтъ. Его программа сада была

очень широка. На изрѣзанной ложбинами, ущельями и покрытою довольно высокими холмами площади въ 65 десятинъ долженъ былъ возникнуть садъ, распадавшійся на отдѣлы—японскій, чилійскій, флоридскій, гималайскій, мексиканскій, сѣверо-американскій, новозеландскій и др. Болѣе подробно программа эта изложена въ посмертной брошюрѣ А. Н. «Южная Колхида»[1]). Къ концу 1914 года садъ по этой программѣ былъ уже почти совершенно готовъ, несмотря на то, что работа его встрѣчала не мало помѣхъ и со стороны формализма казенныхъ учрежденій, съ которымъ онъ энергично боролся личными увѣщаніями и уговорами, ради которыхъ не лѣнился ѣздить изъ Батума въ Петроградъ, и со стороны разныхъ недоброжелательныхъ критиковъ, желавшихъ показать свои познанія. И замѣчательная черта А. Н.—никогда въ теченіе всей своей жизни не увлекался онъ полемикой ни въ какомъ видѣ; имѣя полную возможность свести счеты со своими недоброжелателями въ газетахъ и журналахъ—ни разу не прибѣгнулъ къ этому средству. Напротивъ, всегда и ко всѣмъ онъ относился благожелательно и благосклонно, дѣлясь своими знаніями и опытомъ, не заботясь, что изъ этого можетъ быть сдѣлано употребленіе противъ него самого, что его идею выдадутъ за свою и т. п. Отъ того въ концѣ-концовъ у него не было враговъ, а иногда имѣлись лишь завистники,—хотя, по правдѣ сказать, А. Н. довольствовался столь не многимъ, никогда не гнался за внѣшнимъ успѣхомъ, да по самой природѣ своей и не могъ за нимъ гнаться, что и серьезно завидовать ему никто и не могъ бы. Отъ того и люди, относившіеся къ нему сначала недоброжелательно, въ концѣ-концовъ, если не были лишены въ душѣ чувства справедливости, старались загладить свое первоначальное отношеніе и помириться съ А. Н.

А. Н. не терпѣлъ пустоты въ своемъ времени. Поэтому и въ Батумѣ дѣятельность его была очень кипуча. Онъ вступаетъ въ Батумское Общество Сельскаго Хозяйства, редактируетъ издаваемый имъ органъ «Русскіе субтропики», который иногда полностью заполняетъ своими статьями, оригинальными и переводными, посвященными мѣстнымъ культурамъ. Кромѣ того, онъ согласился преподавать географію въ одномъ изъ младшихъ классовъ батумской гимназіи. По отзыву бывшаго директора этой гимназіи Г. Г. Генкеля, онъ немедленно успѣлъ вызвать

---

[1]) «Знаніе для всѣхъ». Изданіе П. П. Сойкина. Эта брошюра, прекрасно изданная и богато иллюстрированная, является прекрасной данью памяти «пѣвца Колхиды». *Ред.*

самую сердечную привязанность малышей, которые иначе его не называли, какъ «нашъ профессоръ» [1]).

Въ то же время онъ изучаетъ грузинскій языкъ, заниматься которымъ началъ еще въ Харьковѣ, передъ переселеніемъ въ Батумъ, переводитъ грузинскихъ поэтовъ, изучаетъ исторію края и пишетъ брошюру «Южная Колхида»—въ цѣляхъ пропаганды новаго края.

Осенью 1913 года въ Петроградѣ была устроена выставка «Русская Ривьера». А. Н. явился однимъ изъ самыхъ видныхъ ея дѣятелей, привезъ на выставку образцы пататовъ, тропической овощи, которую онъ уже успѣлъ вырастить къ этому времени въ Батумѣ. Онъ читалъ во время выставки интересныя публичныя лекціи, въ которыхъ знакомилъ петроградское общество съ задачами своей настоящей дѣятельности и съ теоретическими ея обоснованіями.

Выставка эта показала, вмѣстѣ съ тѣмъ и то, что уже было достигнуто краемъ—главнымъ образомъ, въ силу ученыхъ заслугъ самого А. Н., такъ какъ начало культуръ и самая возможность ихъ въ Батумской области была выяснена въ значительной степени его трудомъ «Чайные округи», созданнымъ, какъ результатъ экспедиціи Удѣльнаго вѣдомства 1895 года.

Усиленная работа не могла не отозваться на здоровьѣ А. Н. Лѣтомъ 1914 года ему пришлось ѣхать на Кавказскія минеральныя воды, а оттуда врачи послали его въ Парижъ. Вскорѣ по пріѣздѣ въ Парижъ началась война, и А. Н. съ большимъ трудомъ удалось вернуться на родину черезъ Марсель и Средиземное море. Черезъ Босфоръ А. Н. пришлось проѣхать въ то время, когда въ немъ уже стоялъ «Гебенъ», и Турція готовилась къ объявленію войны. Пушки были наведены на корабль, турки издѣвались надъ русскими пассажирами. Настроеніе А. Н. было тяжелое—онъ проѣхалъ изъ Одессы прямо въ мѣстечко Кочетокъ подъ Харьковомъ, въ лѣсничество, въ которомъ постоянно живетъ его сестра и въ это время находилась мать А. Н., а по сосѣдству и его жена съ дочерью. А. Н. пріѣхалъ поздно ночью и былъ, очевидно, очень разстроенъ. Только мало-по-малу онъ оправился. Такъ какъ Турція все еще не выступала, А. Н. отправился въ Батумъ. Но уже спустя нѣсколько дней ему пришлось уѣхать изъ Батума; къ нему подошелъ турецкій флотъ, и съ суши угрожало турецкое войско. А. Н. переѣхалъ въ Тифлисъ. Здѣсь съ непокидающей его энергіей онъ принялся читать лекціи на высшихъ женскихъ курсахъ,

[1]) «Естествознаніе и Географія» 1915 г., № 1.

продолжалъ редактировать «Русскіе Субтропики», занимался разборкой присылаемыхъ для Батумскаго сада растеній... Около 10 декабря, однако, костный процессъ на ногѣ обострился, образовался глубокій нарывъ. Мѣстные врачи приняли болѣзнь за простую инфлуэнцу. Повышеніе температуры продолжалось. А. Н. перевезли въ больницу, и 19 декабря онъ скончался отъ зараженія крови.

Хоронили А. Н. очень торжественно. Тѣло его было перевезено въ Батумъ и погребено въ Ботаническомъ саду, на томъ мѣстѣ, которое онъ самъ ранѣе указалъ, какъ желательное мѣсто погребенія. Въ выборѣ этого мѣста, сдѣланномъ еще задолго до смерти, сказалась вся глубина художественныхъ переживаній, которыя такъ заполняли внутренній міръ А. Н. «Какъ мнѣ эти тополи, говорилъ онъ въ предсмертномъ предчувствіи [1]), напоминаютъ меня самого: вѣдь, для Кавказа тополь—растеніе чуждое, пришлое, такъ же какъ и я—пришелецъ изъ Донскихъ степей. Но эти ліаны такъ сковали эти тополи, что не вырваться имъ изъ власти Кавказа. Не находите-ли аналогіи со мной? Меня тоже сковалъ Кавказъ своими чудными красотами, я не уйду отсюда... Сдѣлайте отъ могилы просѣку, чтобы мнѣ видна была Чаква, съ окружающими ее снѣговыми горами, кусочкомъ моря, я тамъ впервые началъ работу; тамъ тоже осталась частичка моего я... Какъ красивы эти кактусы на группѣ камней у склона, они вѣдь—символъ смерти... А бесѣдка изъ бамбука внизу? Какъ это красиво! Вѣдь это символъ красоты и легкости жизни... Я люблю море, но боюсь его безпредѣльности, которую не могу объять... Закройте ліанами деревья, чтобы его не было видно»...

П. К.

---

[1]) См. *А. Василевскій.* «Профессоръ А. Н. Красновъ, жизнь его и труды» («Русскіе Субтропики», 1914, № 11—12).

Проф. А. Н. Красновъ, какъ ученый.

Существуютъ ли объективные признаки крупнаго таланта, какъ индивидуальности, отмѣченной особой печатью, выдѣляющей даннаго дѣятеля высоко надъ окружающимъ уровнемъ? Къ такимъ признакамъ, органически связаннымъ другъ съ другомъ, по нашему мнѣнію, относятся: прирожденность таланта, его разносторонность, активность и наконецъ даръ угадыванія истины.

Искусственно создать или воспитать дѣйствительный талантъ мы не въ состояніи. Конечно, и среднія способности при благопріятныхъ условіяхъ, настойчивости и упражненіи могутъ достичь значительнаго изощренія, но и только. Чтобы прокладывать новые пути и смѣло порывать съ старымъ, чтобы мысль могла парить надъ установленными границами, необходимо имѣть нѣчто особенное, заранѣе данное, кроющееся въ самой организаціи. Это и проявляется, съ одной стороны, въ наличности наслѣдственности, а съ другой—въ раннемъ обнаруженіи будущихъ наклонностей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, истинный талантъ многостороненъ. Различныя формы духовной дѣятельности, хотя въ теченіе жизни человѣка и дифференцируются, однако, несомнѣнно, имѣютъ общую органическую основу. Поэтому-то такъ часто въ одномъ и томъ же лицѣ, отмѣченномъ высокой талантливостью или даже геніемъ, соединяются различныя творческія способности (Микель-Анджело, Гете, Левъ Толстой), и выдающійся ученый нерѣдко неотдѣлимъ отъ поэта или художника.

Типичной чертой таланта является его активность. Та сторона духовной организаціи, которая почему-то отъ природы явилась усиленной, вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы содержитъ въ себѣ и стимулъ, толкающій въ сторону постояннаго осуществленія въ дѣйствіи. Въ талантѣ живетъ повышенная потребность удовлетворенія этого стремленія, которая и выливается въ творчествѣ.

Наконецъ, мы говоримъ о талантѣ только тогда, когда онъ кроетъ въ себѣ способность не вообще творить, а творить истину. Что есть истина? – вопросъ этотъ и сейчасъ только

рѣшается въ безчисленныхъ вѣтвленіяхъ нашего духа, и всякая какъ художественная, такъ и болѣе широкая научная истина въ значительной степени познается тѣмъ безсознательнымъ актомъ творчества, въ которомъ какіе-то независящіе отъ насъ процессы ассиціаціи позволяютъ мысли, какъ электрической искрѣ, перескакивать съ старыхъ проводовъ на новые. И если путь этихъ ассоціацій правиленъ, то человѣкъ возносится въ недоступныя для другихъ высокія области созидательнаго творчества и получаетъ право на званіе таланта или генія.

Изъ біографическихъ данныхъ, можно видѣть, что семья и родъ Красновыхъ, откуда вышелъ А. Н., отличалась повышенной интеллектуальностью, несмотря на мало благопріятный окружавшій ихъ общій культурный уровень остальной среды. Цѣлый рядъ родственниковъ А. Н. былъ писателями и частью изслѣдователями, другіе выдѣляются своимъ умственнымъ развитіемъ и усиленной духовной жизнью [1]). Въ самомъ А. Н. Красновѣ очень рано проявляются всѣ тѣ наклонности и влеченія, которыя впослѣдствіи составляютъ содержаніе его жизни.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, уже съ первыхъ шаговъ самостоятельной дѣятельности А. Н. ясно обнаруживаетъ двѣ формы творчества — литературно-художественную и научную. Онѣ проникаютъ все его творчество до конца жизни и, то гармонически сливаясь, даютъ настоящіе шедевры таланта, то, вступая въ антогонизмъ, ведутъ къ отрицательнымъ сторонамъ индивидуальности Краснова, за которыя на него сыпались сарказмы и обвиненія. Отрывокъ стихотворенія А. Н., приводимый въ предыдущемъ очеркѣ и относящійся къ юношескимъ годамъ его, обвѣянъ несомнѣнной силой поэтическаго чувства натуралиста-художника. И послѣдній въ немъ живетъ до самыхъ послѣднихъ дней, даже когда онъ, въ предчувствіи скорой смерти, намѣчаетъ себѣ мѣсто могилы... Тонкій эстетическій вкусъ сопровождалъ Краснова какъ въ его литературно-научныхъ произведеніяхъ, такъ и въ будничной жизни. Онъ мыслилъ и писалъ образами, не всегда точными и отдѣланными, но почти всегда оригинальными, выразительными и красочными. Умъ Краснова, какъ губка, жадно

---

[1]) Въ новомъ изданіи «Энциклопедическаго словаря» *Брокгаузъ-Ефронъ* мы находимъ нѣсколько Красновыхъ изъ Области В. Д., въ томъ числѣ братьевъ и отца А. Н.: Красновъ Николай Ивановичъ—военный писатель и изслѣдователь, Красновъ Петръ Николаевичъ—беллетристъ и военный писатель; Красновъ Платонъ Николаевичъ—писатель; Красновъ Иванъ Ивановичъ—писатель и военный дѣятель; Красновъ Иванъ Кузьмичъ—выдающійся боевой генералъ.

впитывалъ въ себя разнообразныя впечатлѣнія и перерабатывалъ ихъ въ яркія цѣльныя картины. И можно съ полнымъ правомъ сказать, что ни одинъ русскій естествоиспытатель не достигалъ такой силы художественнаго чувства и изобразительности, бившихъ у него, какъ ключъ, изъ глубины таланта. Вотъ, напр., описаніе А. Н. природы пустыни Тянь-Шаня [1]). «Напрасно будетъ здѣсь искать путникъ деревьевъ: ихъ нѣтъ—рѣдко, гдѣ между скалъ блеснетъ здѣсь зеленый кустъ приземистой таволги, прутикъ выродившейся чилиги или степной вишни. Только взоръ внимательнаго наблюдателя отличитъ тамъ и сямъ подъ навѣсомъ скалы или въ ложбинкѣ виднѣющіяся моховинки растеній—лилипутовъ. Рѣдко гдѣ изъ разселины выглянетъ перистый листъ Ferula, ярко-желтый цвѣтокъ Glaucium или Geranium tuberosum. Они не оживляютъ картины, и общее впечатлѣніе пустыни—груды голыхъ раскаленныхъ камней и скалъ, постепенно скрывающіяся въ мутной лессовой атмосферѣ.—Оживляется такая пустыня лишь въ маѣ. Тогда являются ковры тюльпановъ, отовсюду изъ земли появляются громадные полукруглые листья Rheum. Достигая иногда до ½ аршина въ діаметрѣ, распростертые по землѣ, расположенные попарно, они дѣлаютъ ее тамъ, гдѣ поверхность пустыни гладкая и ровная—поразительно похожею на поверхность пруда, заросшую листьями кувшинокъ. Къ этимъ листьямъ, массами вырастающими тамъ и тутъ, присоединяются розетки пушистыхъ листьевъ Scorodosma, на которыхъ, какъ на блюдѣ кочанъ капусты, появляются большія, иногда лишь немного менѣе дѣтской головы, крупныя цвѣточныя ея почки. Не пройдетъ недѣли, какъ изъ листьевъ ревеней и изъ розетокъ Scorodosma вырастаютъ высокія (по поясъ или менѣе) палево-желтыя соцвѣтія. Степь тогда кажется усыпанною кустиками цвѣтовъ—и среди этихъ кустиковъ пробуждается животная жизнь. Массами является сюда степная черепаха; всюду движутся ея щиты, вездѣ видишь, какъ объѣдаются сочные листья, какъ дерутся изъ-за самокъ самцы, стараясь опрокинуть противника на спину. Теперь забѣгаетъ сюда кара-куйрюкъ, появляются стада кулановъ. Но недолго держатся эти соцвѣтія, являющіяся результатомъ траты веществъ, накопленныхъ въ большихъ подземныхъ богатыхъ смолами корневищахъ въ теченіе многихъ лѣтъ. Черезъ нѣсколько недѣль сухіе желтые стволы Scorodosma увѣшаны черными, невыносимо вонючими плодами. Животная жизнь замираетъ, и только черные жуки изъ семей-

[1]) *А. Н. Красновъ*. Опытъ исторіи развитія флоры южной части восточнаго Тянь-Шаня, стр. 238—239.

ства Longicornia объѣдаютъ опадающія сѣмена. Теперь оживаютъ и получаютъ силу живущіе подъ камнями тарантулы и скорпіоны, а все живое бѣжитъ изъ раскаленной, безжизненной, непривѣтливой пустыни»... Или въ слѣдующихъ строкахъ Красновъ описываетъ растительность песковъ [1]). «Внѣшній видъ формаціи Арало-Каспійскихъ песковъ также въ высшей степени оригиналенъ. Онъ вызывалъ удивленіе, нерѣдко восторгъ у большинства путешественниковъ... Подобно прибою морскихъ волнъ, грядообразно тянутся пески Тау-кумъ вдоль Или, то желтою стѣною возвышаясь надъ гладкою, глинистою степью... то вдругъ обрываясь, то правильными грядами, то отдѣльными холмами. И на ихъ ярко-желтомъ фонѣ темными, иногда почти черными пятнами, группами рискиданы разнообразные кустарники формаціи. Лишенные большею частью листьевъ, они всѣмъ своимъ видомъ выражаютъ истомленіе и жажду, жалобно распростираютъ свои вѣтви. У однихъ онѣ въ видѣ длинныхъ зеленыхъ иголъ, заканчивающихъ какъ бы свѣчи безчисленныхъ канделябровъ, безпомощно торчатъ кверху параллельно другъ другу. Это исполинская Ephedra. Рядомъ съ нею возвышается саксаулъ со своими длинными сѣро-зелеными нитями, которыя, свѣшиваясь внизъ, придаютъ большимъ деревьямъ нѣкоторое подобіе старой искривленной, уродливой, лишенной листвы березы. Еще чуднѣе серебряный кустъ куянъ-суёка съ его неподвижными, точно изъ металла вылитыми листочками, среди которыхъ весною развиваются изящныя фіолетовыя соцвѣтія. Тамъ и сямъ поднимаютъ исполинскіе зеленые стержни, усыпанные бѣлыми сѣменами, какъ кораллъ щупальцами полиповъ, Salsola subaphylla... На буграхъ точно исполинскіе пауки растопырили во всѣ стороны свои членистые, изогнутые прутья джузганы, съ красныхъ, какъ кораллъ, вѣтвей которыхъ лѣтомъ на длинныхъ зеленыхъ кистяхъ висятъ нѣжные съ орѣхъ величиной бѣлые шары сѣмянъ—точно тѣ рѣзные изъ слоновой кости шары, которыми такъ славятся китайскіе токари... Ни шелеста, ни шума не слышно въ этомъ фантастическомъ лѣсу, нигдѣ не раздается ни птичьяго гаму, ни пѣнія. Лишь громадныя ящерицы, точно исчадія ада, бѣгаютъ по ломкимъ сучьямъ саксаула, и по песку барахтаются жуки. Вѣтеръ уныло завываетъ въ голыхъ вѣтвяхъ саксаула; когда же онъ затихнетъ, мертвое молчаніе царствуетъ среди бугристыхъ песковъ—и мнится, что находишься въ подводномъ царствѣ на песчаномъ днѣ—такъ отличны здѣшнія растительныя формы отъ тѣхъ, къ которымъ привыкъ глазъ».

[1]) Ibid. Стр. 249.

Чтобы показать все богатство и сочность красокъ, въ которыя выливался описательный талантъ Краснова, мы приведемъ еще выдержки изъ его описанія [1]) «флоры археофитовъ»—лѣсовъ сильно влажныхъ равномѣрно-теплыхъ областей тропиковъ, которыя Красновъ разсматриваетъ за прямой пережитокъ отдаленнаго геологическаго прошлаго и съ которыми онъ былъ знакомъ на основаніи личныхъ наблюденій. «Какъ въ отложеніяхъ отдаленной каменноугольной эпохи, такъ и здѣсь, лѣса областей облаковъ, есть царство прото- и метафитовъ. Здѣсь господствуютъ три вида древовидныхъ папоротниковъ... Ихъ толстые, какъ у деревьевъ нашей полосы, стволы достигаютъ до 30 ф. высоты, и тамъ, гдѣ эти папоротники растутъ, понемногу окружая какое-нибудь мшистое болотце, они въ той туманной атмосферѣ переносятъ васъ въ обстановку отдаленнѣйшихъ геологическихъ эпохъ... Для глядящаго издали на склонъ, поросшій папоротниковымъ лѣсомъ, онъ кажется убраннымъ нѣжными, пушистыми, какъ страусовыя перья, звѣздами, изъ коихъ каждая представляетъ крону исполинскаго дерева; оригинальные чешуйчатые стволы ихъ бываютъ увиты нерѣдко десятками другихъ нѣжнѣйшихъ видовъ тайнобрачныхъ... Оригинальные, то напоминающіе капитель какой-то колонны, то спускающіеся на вѣтви, какъ какая-то громадная лампада исполинскаго храма, висятъ эффектно на различныхъ высотахъ папоротники—Aspidium nidus avis—розетки изящно изогнутыхъ цѣльнокрайнихъ блѣдно-зеленыхъ, какъ исполинскіе листы салата, листьевъ... Вися на такихъ нитяхъ, они напоминаютъ исполинскія зеленыя гнѣзда, годныя для цѣлаго семейства аистовъ. Я еще уподобилъ бы ихъ громаднымъ зеленымъ коронамъ для головъ лѣсныхъ гигантовъ... Но не столько въ видѣ деревьевъ и кустарниковъ или вьющихся ліанъ, сколько въ видѣ разнообразнѣйшихъ эпифитовъ... налипли тайнобрачныя на стволы, вѣтви и даже листья деревьевъ и кустарниковъ—точно желая своими соединенными силами задавить и задушить ихъ, какъ аттакуютъ пигмеи великана, муравьи издыхающую ящерицу или комары издыхающаго льва...»

Благодаря блестящему дару настоящаго художника быстро схватывать черты сходства и различія, Красновъ, при своемъ громадномъ запасѣ личныхъ наблюденій, мѣстами поднимается на такія высоты сравненія, которыя присущи лишь силѣ первокласснаго таланта. Въ слѣдующихъ, напр., яркихъ строчкахъ,

---

[1]) Проф. *А. Н. Красновъ*. Географія растеній. Стр. 103.

звучащихъ красиво и гордо, онъ передаетъ впечатлѣніе, производимое Гималаями [1]).

«Для наблюдателя, стоящаго на равнинѣ Ганга, Гималаи представляются одною громадною стѣной снѣговыхъ вершинъ, доступъ къ которымъ прегражденъ прерваннымъ во многихъ мѣстахъ рѣчными долинами двойнымъ барьеромъ изъ менѣе высокихъ горъ Малыхъ Гималай и Субъ-Гималайскихъ.—Часто, какъ, напр., это было со мною въ округѣ Кангра, стоя въ области холмистыхъ предгималайскихъ уваловъ, вы видите передъ собою закутанныя вершины темныхъ и мрачныхъ, напоминающихъ черныя горы Кавказа, цѣпей Малыхъ Гималаевъ. Вамъ кажется, что это и есть та величественная черная цѣпь, которая служила оплотомъ индійскимъ народамъ противъ центрально-азіатскихъ нашествій. Уже она одна настолько величественна, что можетъ спорить съ нашимъ Кавказомъ. Но когда вдругъ порывы вѣтра разгонятъ висящія надъ нею облака—передъ глазами развертывается картина подавляющей грандіозности. То, что вы принимаете за грозныя тучи, оказывается закутаннымъ ими невѣроятной высоты горнымъ хребтомъ съ вершинами, тонущими въ снѣгахъ, съ голыми скалами и темною зоной хвойныхъ лѣсовъ. Я созерцалъ хребты Тянь-Шаня какъ съ равнинъ Туранской низменности, такъ и со стороны Кашгаріи и долины Иссыкъ-Куля, я любовался главнымъ хребтомъ Кавказа съ переваловъ и ущелій Сванетіи, съ подножія Эльбруса и Бештау, я видѣлъ Альпы у подножія Юнгфрау и въ лицѣ дикихъ панорамъ Церматта,—но ни одинъ изъ знаменитыхъ горныхъ хребтовъ этихъ, не говоря уже о меньшихъ, подобныхъ Алтаю или скалистымъ горамъ Америки, не можетъ произвести впечатлѣнія, подобнаго тому, какое вы получаете отъ Пиръ-Панджала, стоя гдѣ-нибудь на холмистыхъ окрестностяхъ Нурнура. Вы не въ ущельѣ. Вы въ открытой мѣстности, далеко отъ подножія хребта—такъ далеко, какъ далекъ Владикавказъ отъ главнаго хребта Кавказа. И, несмотря на это, шапка валится съ головы, когда вы видите эту увѣнчанную снѣгами каменную стѣну, передъ которою ея аванпостъ, подобный Кавказу темный хребетъ, величію котораго вы только-что удивлялись, кажется мизерными холмами. Вы стоите подъ сѣнью стройныхъ пальмъ въ жаркой мѣстности, среди цвѣтовъ и тропическихъ деревьевъ. И кроны пышныхъ вай у васъ проектируются на фонѣ снѣжныхъ полей, обрамленныхъ облаками, витающими около пиковъ, заслоняющихъ

[1]) *А. Н. Красновъ.* Чайные округи субтропическихъ областей Азіи. Вып. II. Стр. 381 и слѣд.

добрую треть чудно голубого индійскаго небосклона... Вы можете поднявшись на горы до девяти тысячъ футовъ, видѣть всю равнину Индіи подъ вашими ногами, какъ громадную географическую карту, развернутую рукою Творца, съ серебристыми струйками рѣкъ, зелеными пажитями и бурыми выгорѣвшими пустырями, пятнами лѣсовъ и едва замѣтными точками—человѣческими поселеніями. Вы выше облаковъ, они плаваютъ внизу подъ вашими ногами въ голубой атмосферѣ неба, задергивающей бренную землю неопредѣленной, дрожащей дымкою. Картина доступная развѣ только аэронавту или смѣлому горцу, который, пренебрегая усталостью и холодомъ, залезетъ на неприступный пикъ Кавказа въ родѣ Столовой горы»...

Но если Красновъ—художникъ на каждомъ шагу прорывается въ его болѣе спеціальныхъ работахъ, то тѣмъ болѣе, конечно, онъ выступаетъ на передній планъ въ многочисленныхъ описаніяхъ путешествій и вообще статьяхъ популярно-научнаго характера. Всѣ онѣ читаются съ живымъ интересомъ и невольно переносятъ за собой воображеніе въ тѣ страны или въ ту обстановку, которую описываетъ авторъ. Онъ является въ нихъ натуралистомъ того лучшаго типа, который далъ рядъ сдѣлавшихся міровыми популярно-научныхъ картинъ природы [1]); его вниманіе отмѣчаетъ все, а богатая умственная работа объединяетъ пестрый калейдоскопъ впечатлѣній въ нѣчто цѣльное, въ которомъ чувствуется одно и тоже творческое «я» крупнаго ученаго.

---

[1]) Въ этомъ отношеніи можно назвать, хотя бы А. Гумбольдта, о которомъ проф. Д. Н. Анучинъ говоритъ (въ вступительной главѣ къ переводу книги А. Гумбольдта «Центральная Азія». 1915 г.): «А. Гумбольдтъ былъ едва ли не послѣднимъ представителемъ того стараго аристотелевскаго типа ученыхъ, которые пытались охватить своимъ духовнымъ взоромъ все естествознаніе и включали въ кругъ своихъ изученій даже такія области вѣдѣнія, какъ исторія, филологія, археологія, этнографія, статистика и т. д. Всѣ эти разнообразные предметы изслѣдованія подчинялись, однако, у Гумбольда главной, излюбленной имъ области знанія, которую онъ называлъ «физикой земного шара». Мы думаемъ, однако, что этотъ высокій типъ ученаго вѣченъ и только онъ можетъ служить руководящимъ свѣточемъ, но, къ сожалѣнію, этотъ идеалъ полностью съ каждымъ годомъ дѣлается все менѣе и менѣе посильнымъ для единичнаго человѣка, вслѣдствіе колоссальнаго роста науки. И А. Н. Красновъ, благодаря его колоссальной памяти, обширной эрудиціи, личному опыту и широтѣ мысли былъ близокъ къ этому идеалу, если бы въ его судьбѣ не сыграли роковую роль нѣкоторыя отрицательныя стороны его индивидуальности.

Здѣсь нельзя не остановиться на одной совершенно индивидуальной формѣ своего рода пластическаго искусства, въ которомъ выливалось художественно - эстетическое творчество А. Н. Краснова и въ концѣ-концовъ опредѣлило его послѣднюю дѣятельность. Это—влеченіе Краснова къ воплощенію научныхъ ботанико-географическихъ образовъ въ видѣ ботаническаго сада. То, къ созданію чего повторно и какъ бы crescendo приступалъ А. Н., пока въ его воображеніи не возникъ проектъ грандіознаго Батумскаго сада, не было дѣломъ только холоднаго научнаго плана. Красновъ въ данномъ случаѣ, въ буквальномъ смыслѣ слова, творилъ, какъ художникъ или скульпторъ и хотѣлъ при помощи сада вылить цѣлые аккорды сложныхъ переживаній, какъ чисто научныхъ, такъ и эстетическихъ. Страсть къ цвѣтамъ и яркимъ сочетаніямъ красокъ въ немъ, безъ сомнѣнія, заложена была рано и, повидимому, имѣла благопріятную почву для развитія уже въ дѣтствѣ, благодаря окружавшей его обстановкѣ. И позднѣе мы видимъ, что онъ любитъ работать среди острыхъ научно-эстетическихъ впечатлѣній. Коллекціи бабочекъ изъ всѣхъ странъ свѣта, ярко-окращенныхъ и щеголяющихъ всяческими нюансами и переливами; оранжерея, утопающая въ рододендронахъ, орхидеяхъ съ звонко поющими, порхающими нарядными экзотическими птичками; акваріумъ съ переливающими при свѣтѣ электрической лампочки всѣми цвѣтами радуги какими-то рѣдкими рыбками; банки съ благоухающими нарциссами, гіацинтами или нѣжными крокусами на письменномъ столѣ, служили для Краснова какъ бы возбудителями въ его лихорадочномъ умственномъ трудѣ.

Одна изъ самихъ раннихъ попытокъ Краснова созданія ботаническаго сада, въ которомъ смѣлый ботанико-географическій замыселъ соединялся бы съ эстетическими и научно-образовательными задачами, относится къ первымъ годамъ его профессорской дѣятельности. Пріѣхавши въ Харьковъ, Красновъ увлекается мыслью кореннымъ образомъ переустроить Харьковскій «Университетскій садъ» [1]). Онъ берется за дѣло со всей кипучестью своей натуры. Однако, недостатокъ средствъ, без-

[1]) См. его статью, помѣщенную сначала въ «Харьковскомъ Сборникѣ», за 1890 г., а потомъ перепечатанную въ «Бюллетеняхъ Харьковскаго О-ва Любителей Природы» (1915, № 2). Отдѣльныя, удачно посаженныя деревья въ Харьковскомъ Университетскомъ саду и сейчасъ являются молчаливыми памятниками этого кратковременнаго увлеченія А. Н. Въ большинствѣ же случаевъ даже камни альпійской горки, въ буквальномъ смыслѣ слова, исчезли безслѣдно.

участіе университетскихъ спеціалистовъ и вандализмъ публики постепенно его охлаждаютъ.

Въ теченіе нѣкотораго времени А. Н., выстроивши себѣ особнякъ, пытается дать выходъ своей страсти у себя дома. Онъ устраиваетъ оранжерею и пробуетъ разбить цвѣтникъ и садикъ на маленькомъ участкѣ земли. Но и эта попытка, конечно, не могла быть прочной.

Только позднѣе, приблизительно съ 1906 г., Краснову удается осуществить, хотя и въ скромномъ масштабѣ, свои планы. А именно: онъ, состоя преподавателемъ ботаники въ Харьковскомъ Ветеринарномъ Институтѣ, исхлопатываетъ нѣкоторыя средства для устройства оранжереи и ботаническаго садика при послѣднемъ. Съ большой любовью и вкусомъ А. Н. въ теченіе ряда лѣтъ непосредственно руководитъ организаціей сада; какъ художникъ, передѣлываетъ неоднократно его детали и въ концѣ-концовъ превращаетъ его въ цвѣтущій красивый уголокъ, въ которомъ каждая мелочь была продумана и прочувствована и должна была служить, если не воспроизведеніемъ, то, по крайней мѣрѣ, какъ бы символомъ того обширнаго ботанико-географическаго сада, проектъ котораго рисовался передъ умственными взорами Краснова [1]).

Однако, садикъ при Ветеринарномъ Институтѣ не могъ дать дѣйствительнаго удовлетворенія Краснову по многимъ причинамъ. Малая величина участка, занятаго садомъ, не позволяла поставить дѣло въ сколько-нибудь широкихъ размѣрахъ. Климатическія условія не благопріятствовали разведенію большинства южныхъ породъ. Содержаніе же оранжереи съ каждымъ годомъ все острѣе наталкивалось на недостатокъ средствъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ мысль Краснова все больше и больше уносилась къ благодатнымъ «русскимъ субтропикамъ»—Черномор-

[1]) Несомнѣнно, что А. Н. Красновъ обладалъ выдающимся талантомъ культиватора. Въ немъ сочетались чисто садоводственный опытъ, тонкое художественное чутье и богатая наблюдательность, позволявшая ему чрезвычайно умѣло выбирать растенія и распредѣлять ихъ въ зависимости отъ ихъ обычныхъ требованій къ условіямъ обитанія. Такимъ образомъ его сады дѣйствительно опирались на ботанико-географическіе принципы. Этимъ, вѣроятно, объясняется обычная удача его посадокъ. Въ частности, въ садикѣ Харьковскаго Ветеринарнаго Института заслуживаютъ упоминанія, до сихъ поръ успѣшно растущая въ грунту (безъ всякаго прикрытія на зиму), *Osmunda regalis* (пересаженная изъ Адлера и удовлетворительно себя чувствующая на сухомъ, но тѣнистомъ, защищенномъ съ сѣвера мѣстѣ), *Gyngko biloba* (растетъ рядомъ съ Osmunda; въ настоящее время деревцо превышаетъ ростъ человѣка), *бамбукъ* (Bambusa sp.) и нѣк. др.

скому побережью Закавказья. И Красновъ совершаетъ единственный въ своемъ родѣ, полный духовной красоты, шагъ— онъ успѣваетъ увлечь своими планами правительственныя сферы, добивается офиціальнаго признанія своего фантастическаго въ глазахъ коллегъ сада и, бросивши профессуру, переселяется на далекій Кавказъ въ окрестности Батума. Онъ, привыкшій всегда быть въ непосредственномъ общеніи съ пульсомъ западно-европейской культуры, рѣшительно порываетъ съ прежней жизнью и переноситъ свою дѣятельность въ совершенно иныя условія, въ край совершенно иной господствующей національности, въ мѣстность страшную маляріей... Какъ-будто зачарованный своей идеей, въ которой такъ пестро перемѣшаны чисто научныя стремленія съ какой-то тоской по эстетическимъ ощущеніямъ [1]), Красновъ, съ исключительной для его возраста и здоровья, въ особенности у насъ русскихъ, энергіей и настойчивостью весь отдается ей, ея воплощенію, въ смутномъ страхѣ, что дни его сочтены... Въ короткое время въ его рукахъ пустырь началъ вырисовываться въ грандіозное по широтѣ замысла художественно-научное твореніе, но смерть внезапно потушила яркій духовный факелъ...

Мы видимъ, такимъ образомъ, что художественный элементъ проходитъ черезъ все творчество Краснова... Но въ то же время онъ никогда не превращается у него въ тяготѣніе къ самодовлѣющему чистому искусству, а всегда имѣетъ въ своей основѣ никогда не успакаивающійся духъ испытующаго природу крупнаго натуралиста. Увлекаясь красотой формъ и сочетаній, Красновъ, тѣмъ не менѣе, еще болѣе находится въ подчиненіи красотѣ научной идеи и научнаго обобщенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, стремленіе къ послѣднему въ немъ всегда преобладаетъ надъ спокойнымъ методическимъ изученіемъ фактовъ. Его научно-творческой процессъ съ первыхъ же шаговъ явно обнаруживаетъ, такъ сказать, географическій характеръ. Красновъ ботаникомъ въ тѣсномъ смыслѣ слова никогда не былъ. Интересъ къ изслѣдованію и познанію отдѣльныхъ растеній, какъ организмовъ, у него былъ выраженъ слабо. Растеніе для него было лишь тѣмъ географическимъ элементомъ, съ которымъ больше и сильнѣе всего связались въ силу всей суммы условій его симпатіи, и только.

Уже самыя раннія работы Краснова имѣютъ явно ботанико-географическое направленіе съ широкой постановкой вопросовъ, съ теченіемъ же времени оно лишь усиливается и опредѣляется.

[1]) Это видно, напр., изъ его яркой статьи «Сонъ» (см. дальше).

При этомъ характерной чертой мышленія Краснова является его тяготѣніе къ идеѣ развитія вообще и біологической эволюціи въ частности. Онъ всюду ставитъ своей конечной задачей не столько самостоятельное выясненіе, разработку и провѣрку фактовъ, сколько вопросъ о происхожденіи даннаго біо-географическаго явленія въ сложной зависимости отъ всей совокупности дѣйствующихъ причинъ. По этому значительная часть работъ Краснова носитъ характеръ законченныхъ цѣльныхъ монографій («Опытъ исторіи развитія флоры южной части восточнаго Тянь-Шаня», «Травяныя степи сѣвернаго полушарія», «Рельефъ, растительность и почвы Харьковской губ.»), въ которыхъ цѣнность фактическаго матеріала отступаетъ далеко на задній планъ передъ блестящимъ умѣньемъ сцементировать въ одно цѣлое разнородные географическіе элементы, освѣтить ихъ общей идеей и отгадать чутьемъ таланта если не полную истину, то значительное приближеніе къ ней. Самымъ крупнымъ по замыслу научнымъ произведеніемъ Краснова въ этомъ направленіи, суммирующимъ итоги всѣхъ его частныхъ работъ и мыслей, является, безъ сомнѣнія, его «Основы землевѣдѣнія» и въ особенности его «Географія растеній». Въ нихъ вылилось его пониманіе землевѣдѣнія, какъ «философской науки, пытающейся на основаніи выводовъ естественныхъ наукъ объяснить и указать особенности той обстановки, въ которой принуждено жить современное человѣчество»...[1]). Это своего рода трилогія, въ которой передъ читателями должна пройти величавая картина эволюціи поверхности земной коры во всемъ сложномъ взаимодѣйствіи опредѣлявшихъ ее и опредѣляющихъ сейчасъ факторовъ. Современный ликъ земли рисуется Краснову въ образѣ медленной, но непрерывно идущей агоніи тропической и субтропической природы третичной эпохи. И гдѣ бы онъ ни былъ, всюду его мысль ищетъ слѣдовъ этого процесса и дѣлаетъ попытки ихъ раскрыть. Стоя въ пустыняхъ центральной Азіи, онъ переживаетъ перипетіи ея умиранія; поднимаясь въ горы подъ тропиками, онъ несется воображеніемъ къ чахлой природѣ сѣверо-русской тундры, которая генетически должна была когда-то вести начало отъ своихъ аристократическихъ тропическихъ предковъ. Скитаясь по югу Россіи, Красновъ ищетъ отвѣта на тѣ же вопросы въ третичныхъ отложеніяхъ и не останавливается передъ большой экскурсіей въ область палеонтологіи...

---

[1]) *А. Красновъ*. Географія, какъ новая университетская наука. Вступительная лекція, читанная 16 сентября 1889 г. въ Харьковскомъ Университетѣ. («Журн. М-ва Нар. Пр.» ч. CCLVI.)

Идея эволюціи современной растительности изъ третичной нашла благодарную почву вообще у русскихъ ботанико-географовъ, но тамъ она носитъ лишь характеръ вспомогательной посылки для объясненія различныхъ систематическихъ и флористическихъ фактовъ. Въ творчествѣ же Краснова та же идея развитія является сама руководящей цѣлью. Въ этомъ смыслѣ Красновъ долженъ быть названъ выдающимся представителемъ эволюціонизма въ русской наукѣ, и труды его являются въ цѣломъ прекраснымъ крупнымъ вкладомъ въ смыслѣ обоснованія послѣдняго. Причины указаннаго тяготѣнія, безъ сомнѣнія, крылись частью въ органическихъ особенностяхъ таланта Краснова, влекшихъ его въ русло широкихъ художественныхъ обобщеній. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, Красновъ былъ сыномъ эпохи боевого дарвинизма и молодого, быстро разливающагося во всѣ отдѣлы знанія, ученія о принципѣ эволюціи. И Красновъ, съ его впечатлительной, вибрирующей на все натурой, не только не могъ остаться въ сторонѣ отъ этого увлекающаго потока, но навсегда слился съ нимъ...

Просматривая въ настоящее время хотя бы голый перечень работъ и статей А. Н. Краснова, положительно не вѣришь, что все это могъ написать одинъ человѣкъ и притомъ умершій сравнительно рано. И только, зная при жизни А. Н., перестаешь этому удивляться. Это былъ высшій типъ ученаго, въ которомъ мысль господствовала надъ всѣми остальными требованіями жизни и составляла весь смыслъ послѣдней. Она находилась въ немъ въ состояніи постояннаго возбужденія и работы, отодвигая далеко на задній планъ интересы личнаго въ обыденномъ смыслѣ слова благополучія. Конечно, и онъ искалъ счастья, но онъ находилъ его не въ покоѣ и отдыхѣ, какъ другіе, а въ кипучей, никогда не прекращающейся умственной дѣятельности. Словно какая-то сила толкала Краснова впередъ и впередъ, и онъ лихорадочно переходилъ отъ работы къ работѣ, не имѣя даже времени и воли остановиться надъ предыдущей, отдѣлать ее, оградить отъ нападокъ.

Исключительная активность таланта Краснова выражалась не только въ громадной литературной производительности, а также въ его рѣдкой подвижности въ смыслѣ большихъ и малыхъ экскурсій, поѣздокъ и путешествій, но и въ его общественно-просвѣтительной и популяризаторской дѣятельности. Параллельно съ потокомъ мысли въ немъ остро жила потребность дать выходъ ея творчеству. Онъ чрезвычайно охотно выступалъ съ лекціями, при чемъ какъ лекторъ опять-таки проявлялъ всю

А. Н. Красновъ съ проводниками въ Тянь-Шанской экспедиціи.

силу и величину амплитуды своего таланта. Какъ лекторъ, Красновъ пользовался большой популярностью и любовью и собиралъ къ себѣ всегда обширную аудиторію. Въ его лекціяхъ привлекало умѣніе вкладывать въ каждую тему живое широкое содержаніе, изложенное въ картинной, образной, и въ то же время легко понятной формѣ. Плавная непринужденная рѣчь съ смѣлыми индивидуальными выраженіями и сопоставленіями, красивая жестикуляція, неистощимый запасъ личныхъ наблюденій сообщали лекціямъ Краснова, дѣйствительно, притягательный интересъ. Одна изъ самыхъ послѣднихъ публичныхъ лекцій (о Батумской области) была прочитана Красновымъ, почти наканунѣ смерти, по просьбѣ Харьковскаго О-ва Любителей Природы. А. Н. находился въ то время въ Харьковѣ проѣздомъ, возвращаясь изъ-за границы въ Батумъ въ началѣ войны. Несмотря на болѣзнь и напряженное душевное состояніе, въ связи съ тревогой А. Н. за участь Батума, А. Н. все-таки не смогъ отказать въ просьбѣ. Не будетъ ошибочнымъ сказать, что Красновъ былъ неотдѣлимъ отъ аудиторіи, была ли то аудиторія слушателей, или аудиторія читателей.

Наконецъ, нельзя не отмѣтить, что въ Красновѣ ученый и художникъ окрашивались ярко выраженными общественными симпатіями. Онъ не былъ жрецомъ науки, для котораго послѣдняя является какимъ-то фетишемъ, и не былъ въ то же время научнымъ космополитомъ. Въ немъ мысль постоянно откликалась на текущую жизнь и притомъ русскую жизнь, и наука для него была орудіемъ культуры, прогресса, могущественнымъ средствомъ развитія своей родины. Въ жизни Краснова былъ даже, правда, короткій періодъ, когда онъ почти всецѣло отдался общественной дѣятельности, а именно, когда онъ взялъ на себя редактированіе газеты «Южный Край». Конечно, этотъ шагъ Краснова нельзя было назвать удачнымъ, такъ какъ все-таки А. Н. былъ созданъ для науки, а не для публицистики, тѣмъ не менѣе онъ характеризуетъ всю силу общественныхъ симпатій, которыя жили въ А. Н.

Почему же человѣкъ, которому было такъ много дано, прошелъ какъ метеоръ, оставляя яркій, но быстро потухающій слѣдъ? Почему А. Н. Красновъ былъ при жизни почти забытъ русскими учеными, и имя его было окружено не ореоломъ міровой славы, а какой-то нездоровой атмосферой ироніи и пренебреженія? Такъ ли мы избалованы богатствами мысли, что выбрасываемъ, какъ ненужное, даже крупныя сокровища, разъ

они съ изъяномъ, или же, быть можетъ, мы просто не умѣемъ отдѣлить благородный металлъ отъ покрывающаго его налета?

Судьба проф. А. Н. Краснова, дѣйствительно, вызываетъ чувство горечи и за нее отвѣтствененъ не только онъ самъ, но, пожалуй, въ еще большей степени всѣ мы.

Несомнѣнно, что въ дѣятельности Краснова были такія стороны, которыя вполнѣ законно шокировали другихъ ученыхъ и заставляли подвергать жестокой критикѣ его работы. Это та исключительная, невольно возстановлявшая противъ себя небрежность А. Н., съ какой выпускалась имъ большая часть работъ. Онѣ изобиловали опечатками, lapsus'ами, неточными или неоговаренными цитатами. Отсюда естественно создавалось недовѣріе къ самой работѣ. Чѣмъ же объяснялась эта отрицательная сторона Краснова? Тутъ неразрывно сплетались между собой выше отмѣченный словно лихорадочный темпъ и спѣшность творчества Краснова, далѣе его прирожденная разсѣянность, крайняя неразборчивость торопливаго почерка, чрезмѣрное довѣріе къ своей памяти и какой-то трудно-понятный индифферентизмъ къ судьбѣ дѣтищъ своего творчества. Въ послѣдніе годы сюда присоединялось неблагопріятное вліяніе тяжелой хронической болѣзни, отголоска путешествій Краснова, наложившей на него уже внѣшній отпечатокъ и въ концѣ-концовъ сведшей его преждевременно въ могилу...

Но были и другія причины того положенія, въ которомъ находился Красновъ, причины, отвѣтственность за которыя падаетъ уже на общее состояніе русской науки. Есть умы, по самой своей природѣ, обобщающіе, и есть умы фактическіе. Каждый изъ нихъ наиболѣе продуктивенъ въ своей сферѣ. Всѣ завоеванія современной науки являются результатомъ ихъ совмѣстной работы. Въ общей сокровищницѣ человѣческой мысли накопленіе фактовъ мертво безъ объединяющей ихъ работы связующей идеи парящей надъ гранями разрозненныхъ наблюденій. Въ западно-европейской наукѣ оба направленія давно уже дружно и плодотворно работаютъ вмѣстѣ, нерѣдко счастливо соединяясь въ одномъ и томъ же человѣкѣ. При этомъ, благодаря большому количеству работниковъ, съ одной стороны чистые факты немедленно вовлекаются въ кругъ обобщеній, а съ другой—обобщенія не проходятъ мимо, не осуждаются какъ какой-то плодъ никому ненужнаго лирическаго настроенія, но сейчасъ же подвергаются объективной критикѣ и провѣркѣ на фактахъ. Въ результатѣ, содержащееся въ нихъ здоровое ядро освобождается отъ шелухи, и само въ свою очередь даетъ

толчекъ къ дальнѣйшей работѣ въ томъ же направленіи. Современная западно-европейская наука напоминаетъ, такимъ образомъ, своего рода хорошо налаженную мастерскую съ арміей рабочихъ, гдѣ заполнены всѣ мѣста и гдѣ одни дѣлаютъ отдѣльныя части, другія ихъ соединяютъ.

Совершенно иное положеніе вещей мы видимъ у насъ, по крайней мѣрѣ, поскольку рѣчь идетъ объ изученіи своей собственной, русской природы. При крайне медленномъ пульсѣ русской науки, у насъ даже элементарно-фактическое изслѣдованіе стоитъ чрезвычайно низко. Достаточно напомнить, что значительная часть работъ Краснова, будучи написана 20 или даже 30 лѣтъ тому назадъ, до сихъ поръ является почти единственнымъ источникомъ нашихъ свѣдѣній! Не говоря ужъ о такихъ странахъ, какъ Тянь-Шань, можно указать хотя бы на Полтавскую губернію, относительно флоры которой, послѣ труда Краснова, вышедшаго въ 1891 г., не появлялось ни одной сколько-нибудь значительной работы! И это, несмотря на то, что Полтавская губ. лежитъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ двумя университетскими центрами! Можно ли удивляться, что при этомъ условіи живой обобщающій умъ будетъ лишенъ возможности дать полностью то, что онъ могъ бы дать при другихъ условіяхъ, и въ то же время будетъ стремиться къ заполненію зіяющихъ пробѣловъ фактической изученности, хотя бы это и не была его собственная область и призваніе? И Красновъ, дѣйствительно, это дѣлаетъ. Онъ переходитъ отъ одного мертваго поля къ другому и пытается ихъ вспахать. И если при этомъ онъ дѣлалъ ошибки, то вина его ужъ далеко не такъ велика, какъ это кажется тѣмъ, кто можетъ съ удивительнымъ равнодушіемъ и хладнокровіемъ, граничащимъ по существу съ предосудительнымъ безразличіемъ, взирать, какъ проходятъ годы, десятки лѣтъ, а бѣлыя мѣста на картѣ изслѣдованности Россіи все также и остаются бѣлыми мѣстами...

Пусть же по крайней мѣрѣ передъ могилой А. Н., какъ яркаго носителя силы русскаго національнаго духа, забудется его слабое, пусть то великое и вѣчное, что при жизни затѣнялось остротой житейскихъ столкновеній, очистится, сохранится для насъ и для потомства и навсегда сдѣлаетъ память объ немъ высокочтимой, вызывающей законное чувство національной гордости!

В. Таліевъ.

Ботанико-географическія работы А. Н. Краснова.

Какъ нами было уже отмѣчено въ общей характеристикѣ Краснова, онъ былъ по преимуществу ботанико-географомъ, и въ области русской ботанической географіи его заслуги являются крупными и безспорными. Эти заслуги, несомнѣнно, поставили бы имя Краснова высоко среди западно-европейскихъ корифеевъ ботанической географіи, если бы онъ, какъ человѣкъ съ чисто русскими симпатіями и рѣдкой скромностью, не печаталъ своихъ работъ почти исключительно на родномъ языкѣ, хотя и обладалъ прекраснымъ знаніемъ многихъ иностранныхъ языковъ.

Мы не ставимъ своей задачей исчерпывающій очеркъ сдѣланнаго Красновымъ, но остановимся лишь на нѣкоторыхъ его работахъ, кажущихся намъ наиболѣе интересными. Изъ нихъ, конечно, прежде всего обращаетъ на себя вниманіе его первая большая работа «Опытъ исторіи развитія флоры южной части восточнаго Тянь-Шаня», «разсужденіе на степень магистра ботаники А. Н. Краснова» [1]). Въ ней уже ярко выражены всѣ особенности таланта Краснова: ширина кругозора, смѣлость мысли, тонкая наблюдательность, картинность языка и недостаточная внимательность въ обработкѣ фактическаго матеріала. «Опытъ исторіи развитія» составляетъ, конечно, крупный моментъ въ исторіи изученія флоры Тянь-Шаня и при болѣе живомъ темпѣ русской науки могъ бы послужить исходнымъ пунктомъ для цѣлой научной литературы. У насъ же онъ такъ и остался безъ дальнѣйшаго движенія, почти не оказавши преемственнаго вліянія.

Но намъ хочется особенно отмѣтить другую сторону значенія названной работы Краснова въ исторіи русскихъ ботанико-географическихъ воззрѣній. Красновъ въ ней (такъ же какъ въ рядѣ другихъ болѣе мелкихъ раннихъ статей) является отцомъ тѣхъ двухъ ботанико-географическихъ направленій, которыя сейчасъ господствуютъ въ русской литературѣ и которыя дифференцировались изъ прежняго общаго «геоботаническаго» на-

[1]) Записки И. Р. Географическаго О-ва. 1888.

правленіе. Одно изъ нихъ, развивающее идеи Энглера, подходитъ къ фактамъ систематики и флористики, главнымъ образомъ съ точки зрѣнія историческаго развитія растительнаго покрова въ результатѣ различныхъ геологическихъ судебъ поверхности земли въ прошломъ. Другое выдвигаетъ на передній планъ связь растительности съ почвами и въ почву переноситъ центръ тяжести ботаническаго изслѣдованія. Второе направленіе въ своихъ первоисточникахъ тѣсно примыкаетъ къ трудамъ и идеямъ проф. Докучаева и можетъ быть названо чисто-русскимъ [1]). Представителями перваго теченія являются такіе крупные современные русскіе ботаники, какъ проф. Н. И. Кузнецовъ и его школа, Д. И. Литвиновъ, І. К. Пачоскій, представителями второго въ большей или въ меньшей степени— П. И. Танфильевъ, А. Я. Гордягинъ, В. Н. Сукачевъ, Б. А. Келлеръ и другіе.

«Опытъ изслѣдованія флоры ю. ч. в. Тянь-Шаня» А. Н. Краснова и является первой русской работой, въ которой принципы этихъ двухъ теченій не только проведены, но и *теоретически* формулированы. Во взглядахъ Краснова сочеталось вліяніе, съ одной стороны, Докучаева, ученикомъ котораго онъ былъ и съ которымъ много работалъ, а съ другой—западно-европейскихъ географовъ, съ идеями которыхъ онъ во время своего пребыванія за границей также близко познакомился. Но въ то же время Красновъ сохраняетъ самостоятельную позицію и благодаря своей тонкой наблюдательности и обобщающему таланту, не только не впадаетъ въ тѣ крайности, которыми характеризуются оба направленія въ ихъ дальнѣйшемъ развитіи у насъ, но и опредѣлено выдвигаетъ третій элементъ обязательный въ ботанико-географическихъ построеніяхъ, но обычно игнорируемый,—*процессъ видообразованія.*

Въ введеніи къ разсматриваемой работѣ А. Н. излагаетъ принципы своего пониманія задачъ и методовъ ботанической географіи [2]) и дѣлаетъ это съ обычной своей талантливостью. «Передъ географами растеній, говоритъ онъ, теперь лежитъ ин-

---

[1]) Въ настоящее время оно, однако, начинаетъ сливаться съ болѣе широкимъ *ойкологическимъ* направленіемъ въ ботанической географіи, получившимъ свое первоначальное развитіе въ Западной Европѣ.

[2]) Слѣдуетъ отмѣтить, что у Краснова мы, повидимому, вообще впервые *въ русской литературѣ* встрѣчаемъ *теоретическую формулировку* задачъ ботанической географіи въ ея современномъ пониманіи. Уже это одно даетъ право на признаніе крупнаго значенія за нимъ въ исторіи русской научной мысли.

тересная задача — прослѣдить на основаніи, имѣющихся данныхъ, исторію образованія современныхъ флоръ изъ древней палеоарктической. Если бы всѣ страны сѣвернаго полушарія имѣли одинаковое прошлое — сдѣлать это было бы не трудно. Но мы знаемъ, что исторія эта была весьма различна, и пути измѣненія флоръ были неодинаковы. Кромѣ того, самое поверхностное наблюденіе показываетъ, что весьма многіе виды одарены прекрасными средствами для переселенія. На нашихъ глазахъ многія американскія растенія, помимо желанія человѣка, вторглись въ Европу..., точно такъ же, какъ много видовъ европейскаго происхожденія переселилось на другіе материки. Такія переселенія происходили, очевидно, и въ древнѣйшія, недоступныя нашимъ наблюденіямъ времена, — и, находя то или другое растеніе въ изучаемой странѣ, трудно сказать, есть ли это неизмѣненный потомокъ палеоарктическаго вида данной мѣстности, или пришлецъ изъ чужой страны. Трудность эта увеличивается еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что флоры третичнаго періода намъ извѣстны лишь изъ немногихъ мѣстъ и въ лицѣ немногихъ представителей»... «Обозначивъ флору всякой данной страны формулою $F = f_{I} + f_{II} + f_{III}$, гдѣ F есть совокупность всѣхъ нынѣ живущихъ формъ, f_{I} до нынѣ уцѣлѣвшіе и не измѣнившіеся палеоарктическіе виды, f_{II} непосредственный результатъ измѣненія палеоарктическихъ видовъ подъ вліяніемъ измѣненія условій жизни въ данной странѣ и f_{III}—виды, переселившіеся въ позднѣйшую эпоху,— мы увидимъ, что для различныхъ странъ значеніе этихъ слагаемыхъ весьма неодинаково. Въ общемъ можно различать три типа флоръ. Первый изъ нихъ, представителемъ котораго является Японія и нѣкоторыя части Сѣверной Америки, со времени третичнаго періода и до настоящаго времени отличался постоянствомъ условій жизни. Здѣсь было мало условій для сильнаго измѣненія формъ, а на нѣкоторыхъ островахъ мало данныхъ и для переселеній извнѣ. Потому здѣсь флора близка къ палеоарктической и приближается къ идеальной формулѣ: $F = f_{I}$..... Большая часть западной Европы можетъ быть представительницей другого типа. Ходъ историческихъ событій былъ здѣсь особенно бурный, непостоянный... Европа была страною постояннаго движенія формъ, страною переселеній... Флора здѣсь стремится приблизиться къ идеальному случаю $F = f_{III}$.» Наконецъ, «Средняя Азія можетъ служить типомъ третьяго рода странъ. Съ давно прошедшихъ временъ и до настоящей минуты климатъ страны постоянно измѣнялся, но измѣненія эти происходятъ все въ одну и ту же

сторону (усыханія и усиленія континентальности)... Постоянное и все усиливающееся дѣйствіе однихъ и тѣхъ же факторовъ на флору не могло не вызвать въ ней соотвѣтствующихъ приспособленій и измѣненій... Здѣсь флора ближе всего къ идеальному случаю F = f II.»

Однако, эта близость все же неполная, и формула флоры остается та же: F = f I + f II + f III, лишь съ преобладаніемъ f II. Какъ же можно выдѣлить изъ нея «остальные менѣе многочисленные элементы»? Простое «сравненіе списковъ, хотя бы даже списковъ странъ типа F = f II, не даетъ само по себя возможности судить о томъ, какіе элементы флоры суть древніе, палеоарктическіе, какіе суть эмигранты и какіе результаты измѣненія, достигнутаго позднѣйшими измѣненіями жизни». Недостаточно для этого и простыхъ геологическихъ данныхъ. Для анализа флоры, особенно для странъ континентальныхъ, Красновъ предлагаетъ методъ, называемый имъ *сравнительной геоботаникой.* Подъ послѣднимъ терминомъ онъ понимаетъ «ученіе о зависимости между характеромъ ботаническихъ формацій растительнаго царства и жизнью и исторіей горныхъ породъ, служащихъ этимъ формаціямъ почвой. Такимъ образомъ, въ основу геоботаники ложится почвовѣдѣніе въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова и ученіе о ботанической формаціи».

Но, выдвигая, какъ важный ботанико-географическій фактъ, существованіе тѣсной связи между жизнью почво-образующей породы и ея растительностью, Красновъ далекъ отъ того пониманія этой связи, въ какое вылилось почвенно-ботаническое направленіе въ дальнѣйшее время и при которомъ въ концѣ-концовъ почва совершенно затемняетъ растеніе. Для Краснова жизнь почвы и жизнь растительнаго покрова имѣютъ каждая самостоятельную цѣнность; онѣ лишь идутъ обычно параллельно вслѣдствіе сходства общей совокупности условій. Отсюда, напр., столь правильная связь степной растительностью съ черноземомъ. Благодаря этой связи, мы можемъ по *совокупности* видовъ растеній судить о почвенной жизни и обратно, зная исторію и жизнь почвы, мы можемъ a priori ожидать на ней ту или другую растительность. Вмѣстѣ съ тѣмъ, изучая растительность почвъ одной и той же области находящихся въ различныхъ моментахъ развитія, по мнѣнію Краснова, можно узнать «характеръ слагаемыхъ формулы F=f I+f II+f III и, путемъ сопоставленія, отдѣлить древніе неизмѣнившіеся элементы древніе измѣнившіеся и, наконецъ, молодые пришлые элементы». «Продѣлавъ то же со всѣми формаціями страны, поставивъ измѣненія

видовъ изъ типа f II въ связь съ измѣненіями природы страны, мы получимъ исторію ея флоры, основанную не на гипотезахъ и предположеніяхъ, а на строго научномъ изученіи ея геологіи и знаніи физіологическихъ процессовъ, обусловленныхъ тѣми или другими особенностями ея климата и почвы».

Для Краснова, въ отличіе отъ большинства послѣдующихъ русскихъ геоботаниковъ, какъ историческаго, такъ и почвеннаго направленія, является характернымъ глубокое сознаніе, что рѣшеніе вопросовъ развитія флоры не возможно безъ постановки общебіологической проблемы видообразованіе, и въ «Исторіи развитія флоры Тянь-Шаня» онъ неоднократно пытается дать конкретное объясненіе происхожденія видовыхъ особенностей разсматриваемой имъ флоры. Своего эволюціоннаго credo онъ вполнѣ ясно не формулируетъ, но и здѣсь все-таки сказывается самостоятельность его, какъ мыслителя и наблюдателя. Въ эпоху, когда дарвинизмъ, въ особенности у насъ, былъ почти единственной признаваемой эволюціонной теоріей, Красновъ, не отрицая значенія борьбы за существованіе и естественнаго отбора, въ то же время явно склоняется къ признанію крупной роли за непосредственно измѣняющимъ вліяніемъ условій существованія съ унаслѣдованіемъ пріобрѣтенныхъ признаковъ.

А. Н. Красновъ неоднократно на протяженіи разсматриваемой работы останавливается на сопоставленіи близкихъ видовъ, изъ которыхъ одинъ является, по его мнѣнію, лишь какъ бы климатической или почвенной модификаціей другого. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ считаетъ возможнымъ выставить смѣлое для того времени положеніе, что дѣятельность видообразованія ужъ не такъ длительна, какъ это принято думать. Исторія почвъ и характеръ отличительныхъ выдовыхъ признаковъ для растительныхъ формъ Арало-Каспійской зоны Тянь-Шаня «наводятъ, говоритъ онъ (стр. 266), на мысль, что онѣ создались въ самое новѣйшее время, можно сказать, на нашихъ глазахъ. Вопреки мнѣнію Декандоля, Криста и др., утверждавшихъ, что со времени третичнаго періода не создано ни одной новой формы, эти виды должны были переродиться изъ соотвѣтствующихъ гидрофиловъ послѣ того, какъ эти послѣдніе очутились въ новыхъ условіяхъ среди чуждой формаціи. Ихъ родоначальники—если не теперь еше живущіе на сосѣднихъ, не завоеванныхъ ксерофитами, формаціяхъ виды—то, по крайней мѣрѣ, формы весьма къ нимъ близкія». Красновъ указываетъ, что въ такихъ случаяхъ ихъ различаютъ какъ разъ такіе же признаки, которые, какъ доказано экспериментально, вызываются условіями влажности. Но

«многія изъ приведенныхъ растеній, говоритъ онъ дальше, имѣются въ настоящее время въ культурѣ... Тѣмъ не менѣе, формы, наблюдавшіяся мною въ ботаническихъ садахъ такихъ городовъ, какъ Бреславль, Петербургъ и Берлинъ, сохраняли съ необыкновеннымъ упорствомъ свои признаки.... Невольно поэтому думается, что всѣ вышеперечисленные и многіе другіе виды суть результаты унаслѣдованія физіологически вызванныхъ особенностей, подъ вліяніемъ непрестаннаго вѣкового, постоянно усиливающагося, измѣненія климата на соотвѣтствующихъ олиготермовъ—гидрофиловъ. Но разъ это было такъ—намъ открываются глаза на цѣлый рядъ вопросовъ о законахъ происхожденія видовъ въ настоящія и прошедшія времена. Если въ измѣненіи признаковъ есть причинность, если не всегда новый видъ есть слѣдствіе слѣпо идущаго естественнаго подбора, сохраняющаго и позволяющаго размножаться случайно возникшимъ lusus naturae[1]), а результатъ воздѣйствія поддающихся изученію факторовъ—мы вправѣ искать законовъ, управляющихъ этими дѣйствіями». Выживаніе, ведущее къ обособленію новыхъ формъ, должно обусловливаться или 1) структурой растенія, почему-либо пригодной и для новыхъ требованій, или 2) способностью къ видоизмѣненію органовъ, измѣненія которыхъ требуютъ вновь создавшіяся условія. «Изъ этихъ органовъ, бываетъ иногда достаточно, чтобы измѣнились лишь нѣкоторые, чтобы растеніе могло выжить—напр., чтобы уничтожить сильно испаряющіе листья. Иногда же требуется полная реформа всѣхъ органовъ. Неспособныя на это формы гибнутъ. Способность къ измѣненію различныхъ органовъ у различныхъ растеній, повидимому, неодинакова... Только детальное изученіе рода съ морфологической и физіологической стороны можетъ дать отвѣтъ, почему у однѣхъ формъ извѣстные органы способны, у другихъ при тѣхъ же условіяхъ не способны къ измѣненію».

Насколько правъ былъ А. Н. Красновъ въ своихъ наведеніяхъ отъ фактовъ живой природы? На это мы можемъ только сказать, что вопросъ и сейчасъ находится въ томъ же спорномъ положеніи. И сейчасъ мысль о видообразовательномъ значеніи прямого измѣняющаго вліянія внѣшнихъ условій на растительный организмъ имѣетъ многочисленныхъ убѣжденныхъ сторонниковъ

---

[1]) Здѣсь А. Н. Красновъ, очевидно, неправильно излагаетъ сущность дарвинизма. Въ еще болѣе рѣзкой формѣ ту же ошибку онъ повторяетъ и гораздо позднѣе. («Лекціи по ботаникѣ». 1910).

въ литературѣ [1]) хотя вопросъ о наслѣдственности пріобрѣтенныхъ признаковъ и стоитъ сейчасъ острѣе, чѣмъ въ тотъ періодъ, когда писался «Опытъ исторіи развитія»... И, повидимому, неоламаркизмъ не далекъ отъ истины въ томъ смыслѣ, что внѣшнія условія такъ или иначе играютъ какъ бы проявляющую и направляющую роль во многихъ видообразовательныхъ процессахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, А. Н. Красновъ является у насъ среди ботаниковъ однимъ изъ немногихъ представителей воззрѣній, близкихъ къ неоламаркизму, притомъ высказывающихъ ихъ на основаніи личныхъ продуманныхъ наблюденій, а не въ результатѣ лишь простого литературнаго знакомства съ вопросомъ. И если имя Краснова отсутствуетъ въ западно-европейской эволюціонной литературѣ, тогда какъ имя Коржинскаго всегда упоминается, то это объясняется въ значительной степени только тѣмъ, что взгляды перваго не были имъ опубликованы на иностранномъ языкѣ.

Слѣдуетъ отмѣтить при этомъ въ взглядахъ Краснова, какъ характерную черту, мысль о существованіи въ организмахъ различныхъ степеней *склонности* измѣняться подъ вліяніемъ внѣшнихъ условій, что дѣлаетъ его точку зрѣнія гораздо болѣ гибкой и согласуемой съ новѣйшими теченіями въ эволюціонныхъ теоріяхъ. Съ этой точки зрѣнія, по моему мнѣнію, заслуживаютъ вниманія и нѣкоторыя другія мысли, высказываемыя Красновымъ. «Допустимъ, говоритъ онъ, что мы имѣемъ видъ способный къ измѣненіямъ, положимъ Artemisia eriocarpa, видъ способный, повидимому, измѣнить лишь одинъ изъ своихъ признаковъ—длину междоузлій въ соцвѣтіяхъ. Понятно, такой видъ дастъ намъ лишь одинъ дериватъ—A. eranthema. Но если у нашего вида не одинъ, а нѣсколько признаковъ, способныхъ измѣняться, спрашивается, что будетъ тогда?. Тутъ, очевидно, мыслимы два случая. Всѣ признаки измѣняются равномѣрно и въ одну сторону. Видъ А дастъ *хорошій* видъ В. Но можетъ быть и иначе. Неуловимая для поверхностнаго наблюдателя разница во внѣшнихъ условіяхъ можетъ у одного изъ представителей вида А вызвать преобладающее измѣненіе одной группы признаковъ, у другого—другой, притомъ признаки могутъ измѣняться на n различныхъ способовъ. Листъ, напр., можетъ стать уже или короче, или меньше, превратиться въ колючку или атрофироваться и т. п. Тогда, очевидно, что видъ А долженъ дать

[1]) См., напр., *Prof. Karl Giesenhagen.* Anzeichen einer Stammesentvickelung im Entwickelungsgang und Bau der Pflanzen (Сборникъ «Die Abstammungslehre». Jena. 1911).

столько различныхъ формъ, сколько можно сдѣлать различныхъ перестановокъ изъ различнымъ образомъ и въ различной степени измѣнившихся органовъ. Общій характеръ измѣненій останется все тотъ же; растеніе останется ксерофиломъ, но оно дастъ столько характерныхъ видовъ, со столь различными признаками, сколько можно сдѣлать различныхъ перестановокъ и комбинацій изъ его признаковъ. Эти виды и измѣненія будутъ стремиться къ извѣстному идеалу приспособленія, гдѣ бы всѣ признаки были измѣнены наисильнѣйшимъ образомъ. Такая конечная форма явится наилучше отвѣчающею вновь создавшимся условіямъ. Она въ концѣ-концовъ одна сохранится, тогда какъ всѣ прочія, если условія, вызвавшія измѣненія, будутъ продолжать дѣйствовать, все усиливаясь,—вымрутъ. Въ общемъ получится картина, какъ-будто неопытный ученикъ, сдѣлавъ сотни и тысячи неудачныхъ пробъ, наконецъ, остановился на одной, наилучшей—и забраковалъ всѣ остальныя. Исторія мірозданія даетъ намъ тысячи примѣровъ подобнаго рода. Достаточно только напомнить о юрскихъ аммонитахъ, которые вдругъ появились, достигли поразительнаго разнообразія формъ—и вновь исчезли, оставивъ въ напоминаніе о себѣ лишь немногихъ сходнымъ образомъ устроенныхъ животныхъ. До сихъ поръ, насколько я знаю, не ставили въ связь съ внѣшними условіями подобныхъ явленій. Но Туркестанскій край, въ своемъ растительномъ царствѣ, даетъ намъ какъ—разъ явленія, аналогичныя съ юрскими аммонитами. Нѣкоторые роды, очень плохо представленные въ зонахъ лѣсной и альпійской, равно какъ и на периферіи материка—въ зонѣ Арало-Каспійской, именно тамъ, гдѣ произошли въ климатѣ сильнѣйшія измѣненія, вдругъ достигаютъ баснословнаго разнообразія видовъ. Роды Astragalus, Allium, нѣкоторыя Salsolaceae, Oxytropis, Atraphaxis, насчитываютъ ихъ десятками... Чуть ли не каждый холмъ, не каждая балка, имѣетъ собственные виды... Вмѣстѣ съ тѣмъ, внѣшній видъ всѣхъ этихъ безчисленныхъ Allium и Astragalus необыкновенно сходенъ. Еще subgenus можно бываетъ отличить довольно легко, но разобраться въ путаницѣ второстепенныхъ признаковъ... можетъ только тотъ, кто на долгое время посвятитъ себя тайнѣ Астрагалологіи...».—Дальше А. Н. Красновъ даетъ формулу теоретическаго «вычисленія» всѣхъ видовъ, могущихъ возникнуть изъ даннаго числа прототиповъ, при чемъ имъ принимается во вниманіе, что не всѣ комбинаціи признаковъ морфологически совмѣстимы. «При вычисленіи могущихъ происходить разновидностей... надо знать, какіе органы и какъ въ данномъ родѣ

могутъ измѣняться и комбинироваться. Но разъ это будетъ извѣстно, есть основаніе надѣяться найти *число видовъ полиморфнаго рода, равное числу прототиповъ, умноженному на сумму всевозможныхъ перестановокъ, сдѣланному изъ m способныхъ на n способовъ измѣняться элементовъ—минусъ тѣ комбинаціи, которыхъ не допускаютъ законы морфологіи и законы соотвѣтствія членовъ для даннаго рода*». Въ дальнѣйшемъ А. Н. Красновъ дѣлаетъ попытку примѣнить свою формулу на конкретномъ примѣрѣ—родѣ Atraphaxis, центръ распространенія котораго «безспорно Тянь-Шань и сѣверная Персія». За форму, стоящую ближе всего къ прототипу, онъ считаетъ описанный имъ же видъ Atraphaxis Muschketovi [1]) — «красивый кустарникъ, превышающій человѣческій ростъ». Анализу рода Atraphaxis Красновъ посвящаетъ цѣлыхъ 9 страницъ. Менѣе детально онъ останавливается также на анатомическомъ строеніи Salsolaceae.

Читая въ настоящее время, почти спустя 30 лѣтъ, всѣ эти строки, трудно не отдать должное силѣ мысли автора. И только слабая преемственность научной работы у насъ сдѣлала то, что идеи Краснова, какъ ботанико-географа—эволюціониста блеснули на мигъ и были забыты. Основная же мысль его, что флора нашихъ средне-азіатскихъ владѣній представляетъ богатѣйшій и благодарнѣйшій матеріалъ для изслѣдованій съ точки зрѣнія видообразованія, остается и сейчасъ, какъ и раньше, глубоко правильной. И можно только пожелать, чтобы, съ одной стороны, русскіе изслѣдователи, наконецъ, направили въ эту сторону свои интересы, а съ другой—отдали должное Краснову и возстановили его заслуги въ исторіи русской біологической науки.

Магистерская диссертація Краснова, содержа въ себѣ массу новыхъ фактовъ, тонкихъ наблюденій и блестящихъ мыслей, однако, сама по себѣ, вслѣдствіе обширности темы и непропорціональной бѣдности фактическаго матеріала, является неизбѣжно слишкомъ спекулятивной. Но заслуживаетъ быть отмѣченной нѣсколько болѣе поздняя работа А. Н., въ которой тѣ же принципы

---

[1]) Какъ извѣстно, *систематическія* работы А. Н. Краснова являлись очень слабыми и описывавшіеся имъ новые виды сплошь и рядомъ оказывались неудачными, но названный видъ Atraphaxis признается и новѣйшими систематиками (см. *Б. А. Федченко.* Растительность Туркестана. П. 1915). Изъ другихъ видовъ, впервые описанныхъ Красновымъ въ флорѣ Тянь-Шаня, сохранили свое значеніе (см. *Федченко,* ibid) *Parrya Beketowi, Chrysosplenium tiansschianicum, Tanacetum Grigorjewi, Saussurea Famintziniana, Pedicularis Maximowiczi, Tulipa Regelii, Triticum Batalini, Stipa Woronini.*

проведены опять-таки весьма послѣдовательно и которая въ то же время оставляетъ болѣе конкретное впечатлѣніе. Это—его статьи, помѣщенныя въ «Землевѣдѣніи» за 1894 г. (кн. II и III) подъ общимъ заголовкомъ—«Изъ поѣздки на дальній востокъ Азіи». Эти статьи, между прочимъ, цѣнны и тѣмъ, что онѣ почти единственныя въ нашей литературѣ, принадлежащія перу русскаго ботаника и представляющія не простое описаніе туристскихъ впечатлѣній отъ тропической флоры, а самостоятельное оригинальное изслѣдованіе послѣдней. Если въ «Опытѣ развитія флоры Тянь-Шаня» Красновъ пытается проникнуть въ глубину процессовъ эволюціи, совершающихся подъ вліяніемъ усыханія, то здѣсь онъ ставитъ своей задачей еще болѣе широкую и яркую проблему—эволюціи растительности сѣверныхъ широтъ, въ частности, русскаго сѣвера съ его тундрой, изъ тропической и субтропической древней флоры. И дѣлаетъ это онъ опять-таки со всѣмъ блескомъ своего таланта, если не рѣшая вопроса въ строгомъ смыслѣ слова, то давая фейерверкъ мыслей и сопоставленій, толкающихъ на дальнѣйшую работу въ томъ же направленіи. И едва ли будетъ преувеличеніемъ сказать, что названныя статьи Краснова даже и сейчасъ имѣютъ мало равныхъ и въ западно-европейской литературѣ...

Онъ начинаетъ свои очерки словами: «Дальній востокъ Азіи, съ тѣхъ поръ какъ его страны стали дѣлаться все болѣе и болѣе доступными для европейцевъ и мало-по-малу раскрыли передъ натуралистами особенности своей природы, является краемъ наиболѣе интереснымъ для географа-эволюціониста». Указавъ на значительную однородность имѣющихъ здѣсь мѣсто климатическихъ условій и въ то же время постепенность смѣны ихъ при движеніи съ юга на сѣверъ, А. Н. говоритъ: «Если охлажденіе сѣвернаго полушарія совершалось постепенно, то столь же постепенно должно было совершаться въ сѣверной половинѣ восточно-азіатскаго побережья перерожданіе его полутропическихъ видовъ въ полярные. Мы и теперь должны поэтому наблюдать всѣ постепенныя стадіи измѣненія этихъ видовъ,—а вся совокупность флоры восточно-азіатскаго побережья должны представить изъ себя одну грандіозную картину эволюціи субтропической третичной флоры въ современную флору умѣреннаго и холоднаго пояса». Съ цѣлью выяснить поставленный имъ вопросъ, Красновъ посѣтилъ въ трехъ различныхъ пунктахъ азіатскаго побережья его высокія горныя вершины, сдѣлавши на нихъ вхожденіе: на Явѣ вулканы Gedeh, Salac, Tong-kulan-prao и Popandajan, равно какъ горы окрестностей хинной плантаціи

Rertemanah; на Kiy-Ciy въ Японіи на горы Onzen-dake и вулканъ Aso Iama, и на Сахалинѣ на хребетъ Пилингу. Въ результатѣ своихъ наблюденій авторъ даетъ три блестящихъ по картинности сравнительныхъ очерка: 1) Растительность горныхъ вершинъ Явы, 2) Растительность горъ южной Японіи и 3) Растительность о-ва Сахалина. Въ особенности интересенъ и богатъ содержаніемъ очеркъ горной растительности Явы. Свои очерки А. Н. Красновъ заключаетъ словами: совокупность этихъ наблюденій «мнѣ кажется, даетъ возможность утверждать, что изслѣдованія, болѣе полныя и детальныя ассоціацій растеній здѣшнихъ горъ и переходныхъ областей могутъ пролить много свѣту на таинственный процессъ образованія флоръ холоднаго пояса изъ тропическихъ. И мнѣ думается, что процессъ этотъ окажется такимъ же, какой былъ мною установленъ для пустынь Туркестана, т. е. естественный подборъ родовъ и видовъ, подходящихъ къ вновь создавшимся условіямъ,—подборъ, сдѣланный изъ элементовъ тропической растительности и—*и параллельно съ нимъ идущее* видоизмѣненіе, если хотите,—вырожденіе ряда формъ подъ вліяніемъ постоянно дѣйствующаго, постепенно усиливающагося вліянія такого фактора, какъ общее охлажденіе нагорныхъ и полярныхъ областей нашей планеты...»

Только-что упомянутые очерки А. Н. Краснова имъ были напечатаны въ одинъ годъ съ появленіемъ большой его работы, послужившей докторской диссертаціей [1]), «Травяныя степи сѣвернаго полушарія» (Изв. И. О-ва Люб. Ест., Антр. и Этн., т. LXXXI, 1894). Эта работа, давшая автору искомую имъ ученую степень, въ общемъ была опять-таки мало оцѣнена въ русской литературѣ. Между тѣмъ, она выдѣляется въ литературѣ «степного вопроса» въ различныхъ отношеніяхъ. Прежде всего уже ширина масштаба изслѣдованія, захватывающаго дѣйствительно почти всѣ степи сѣвернаго полушарія, притомъ въ значительной степени на основаніи личныхъ наблюденій автора, ставитъ трудъ Краснова на особое мѣсто. Дѣйствительно, онъ и сейчасъ, черезъ 20 лѣтъ, является не только на русскомъ языкѣ, но и вообще, единственной по своей полнотѣ монографіей степей съ точки зрѣнія ихъ внѣшняго географическаго habitus'а. Глава же его, посвященная травянымъ степямъ Америки, представляетъ собой

---

[1]) Какъ-разъ въ той же II кн. «Землевѣдѣніе» за 1894 г., гдѣ помѣщена статья о Явѣ, находится и подробное описаніе диспута проф. А. Н. Краснова на степень доктора географіи. Въ немъ, между прочимъ, отмѣчено, что это «былъ первый докторскій диспутъ по географіи въ Россіи».

для русскаго читателя единственный источникъ для ознакомленія съ послѣдними. «Травяныя степи» интересны и со стороны попытки ихъ автора выяснить флористическій генезисъ элементовъ растительности различныхъ степей, вопросъ, представляющій высокое теоретическое значеніе и въ то же время до сихъ поръ остающійся почти не затронутымъ въ цѣломъ.

Какъ извѣстно, А. Н. Красновъ на основаніи своего сравнительно-географическаго метода приходитъ къ заключенію, что «самой главною и общей рѣшительно для всѣхъ степей чертой является равнинность» и что «въ этой равнинности и лежитъ какъ условіе самаго существованія степи, такъ и причина всѣхъ ея особенностей. Всѣ другія условія, выставлявшіяся другими изслѣдователями, суть по б. ч. лишь слѣдствія этой основной причины». Такъ, большее богатство солями степныхъ почвъ есть не причина образованія степи, а сопутствующій результатъ плохого ея дренажа, скопленіе же растворимыхъ солей одинаково вредно какъ для лѣса, такъ и для степи. Если степь въ силу плохого дренажа въ условіяхъ сухого климата переходитъ въ солонцы и пустыни, то и, наоборотъ, въ условіяхъ влажнаго климата она переходитъ въ луговую степь, сырой лугъ, травяное болото, тундру. Другими словами, для А. Н. Краснова степь есть лишь частный случай вообще *открытыхъ травянистыхъ пространствъ*.

Взглядъ А. Н. Краснова не встрѣтилъ сочувствія, такъ какъ предлагаемая имъ универсальная формула для рѣшенія вопроса— равнинность рельефа и недостаточность дренажа, слишкомъ обща и не содержитъ въ себѣ достаточно конкретнаго элемента физіологической причинности. Вмѣстѣ съ тѣмъ, хотя степь, съ одной стороны, обычно связана, дѣйствительно, съ *болѣе или менѣе* равниннымъ рельефомъ, тѣмъ не менѣе, отнюдь не всегда даже идеальная равнина обязательно и безлѣсна, а съ другой—равнинность пространствъ, занятыхъ степной растительностью, очень часто лишь относительная. Несомнѣнно, однако, что идеи Краснова мало обратили на себя вниманіе и потому, что онѣ далеко выходятъ за предѣлы обычнаго пріема рѣшенія степного вопроса на основаніи ограниченнаго круга наблюденій, съ точки зрѣнія какого-нибудь одного частнаго принципа. А. Н. Красновъ, какъ тонкій наблюдатель, съ обширнымъ запасомъ опыта, не могъ не замѣтить, что то географическое явленіе, которое мы называемъ «степью», не можетъ быть сведено съ физіологической точки зрѣнія къ какой-нибудь одной причинѣ, что условія «степи» чрезвычайно разнообразны и что въ природѣ болото, степь,

солонецъ, дѣйствительно не ясно разграничены и легко переходятъ другъ въ друга. Безспорно, дальше, изъ другихъ работъ Краснова, что онъ считалъ обычнымъ типомъ явленій—осыханіе заболоченныхъ пространствъ и превращеніе ихъ въ степь въ болѣе тѣсномъ смыслѣ слова. Разрубить этотъ гордіевъ узелъ степного вопроса Красновъ и думалъ своей формулой, но она, съ одной стороны, по существу все-таки не давала опредѣленнаго отвѣта, а съ другой—оттолкнула отъ его взглядовъ господствующую у насъ почвенную школу, для которой превращеніе болота въ степь до недавняго времени казалось чѣмъ-то такимъ невѣроятнымъ, что если бы его можно было воспроизвести прямо на глазахъ, въ кабинетѣ, то и тогда его отрицали бы....

Изъ работъ, послужившихъ исходными для принятія взгляда на степи, развитаго А. Н. Красновымъ въ его докторской диссертаціи, нужно назвать его изслѣдованія для Полтавской губ., изложенныя въ «Матеріалахъ для флоры Полтавской губ.». (Труды О-ва Исп. Пр. И. Харьк. Унив., т. XXIV, 1891) и позднѣе въ статьѣ «Ботанико-географическій очеркъ Полтавской губ.» («Матеріалы къ оцѣнкѣ земель Полтавской губ.», 1894), и для Харьковской губ.—«Рельефъ, растительность и почвы Харьковской губ.», 1893). Въ названныхъ работахъ авторъ даетъ общую характеристику типовъ растительности упомянутыхъ губерній съ точки зрѣнія ихъ развитія и связи съ почвами и рельефомъ. Особенно интересно написана послѣдняя. Къ недостаткамъ ихъ относится чрезмѣрная бѣглость матеріала и обычная для автора неточность. Но при оцѣнкѣ ихъ значенія и вообще заслугъ Краснова въ дѣлѣ изученія русской растительности нельзя не подчеркнуть съ особенной силой, что эти работы и сейчасъ остаются, если не единственными общими работами для названныхъ губерній, то во всякомъ случаѣ и до сихъ поръ основными, руководящими. И если мы припомнимъ, что подобныя работы, хотя бы и съ тѣми же недостатками, и по сейчасъ совершенно отсутствуютъ даже для такихъ губерній, каковы Московская, Кіевская, лежащія около старѣйшихъ Университетскихъ центровъ; что Красновъ, производя *ботаническія* изслѣдованія Полтавской и Харьковской губ., былъ представителемъ *кафедры географіи*; что, наконецъ, иниціатива этихъ изслѣдованій исходила не отъ Университета и университетскихъ ученыхъ обществъ, а отъ земства и сельскохозяйственнаго общества, то для насъ будетъ безспорнымъ, что явно и тайно ироническое отношеніе, преслѣдовавшее работы Краснова при его жизни, должно смѣниться глубокимъ уваженіемъ къ его высокому образу вѣчно-мятущагося

Проф. А. Н. Красновъ со студентами на Кавказѣ.

научнаго духа и сожалѣніемъ, что такой типъ ученаго у насъ, къ сожалѣнію, рѣдокъ...

Наиболѣе выдающимся ботанико-географическимъ трудомъ А. Н. Краснова, въ которомъ онъ синтезируетъ всѣ свои наблюденія и мысли въ этой области, безъ сомнѣнія, является его «Географія растеній», входившая въ составъ широко задуманныхъ «Основъ землевѣдѣнія». Можно смѣло утверждать, что если бы названный трудъ появился на нѣмецкомъ языкѣ, то имя А. Н. Краснова въ Россіи пользовалось бы такой же авторитетностью въ ученыхъ кругахъ, какъ имя Варминга, Шимпера и т. п. Но такъ какъ онъ появился на русскомъ языкѣ, то вызвалъ лишь острую критику своихъ отрицательныхъ сторонъ, положительныя же стороны были совершенно не освѣщены и не оцѣнены.

«Географія растеній» Краснова отмѣчена рѣзко индивидуальными чертами. Прежде всего въ ней послѣдовательно проведенъ принципъ исторической эволюціи. «Растительность земного шара есть плодъ чрезвычайно долгой и сложной исторіи развитія видовъ, подъ вліяніемъ измѣненія условій жизни, теперь еще продолжающагося. Группировка видовъ обусловлена не теперь только существующими условіями, но и бывшими. Центры формированія видовъ, хотя бы они были по условіямъ жизни одинаковы или аналогичны, даютъ виды далеко неодинаковые въ силу ихъ изоляціи другъ отъ друга. То же самое можно сказать и объ областяхъ угасанія древняго типа флоръ. Онѣ создались не сразу, онѣ также въ свое время представляли свои центры творенія и если за долгое существованіе этихъ флоръ характерныя черты ихъ сгладились, то онѣ сгладились не настолько, чтобы сдѣлать ихъ тождественными. Разныя области угасанія отличаются другъ отъ друга не только видами, сохранившимися отъ угасанія, но, повидимому, и группами, искони вѣковъ ихъ отличавшими другъ отъ друга»... «Всѣ флоры современности по сравненію съ флорами древними, третичными, представляютъ какъ бы продукты вырожденія этихъ послѣднихъ. Они бѣднѣе семействами, ихъ развитіе менѣе пышно. Не знавшая засухи и зимъ флора древнихъ геологическихъ періодовъ была флора вѣчно зеленыхъ растеній... Но со средины третичнаго періода, мы все чаще и чаще начинаемъ встрѣчаться съ знакомымъ намъ типомъ деревъ съ опадающей листвой. Этотъ типъ является сперва въ околополярныхъ странахъ, затѣмъ становится все чаще и чаще въ средней Европѣ и, наконецъ, проникаетъ почти до самыхъ тропиковъ. *Почка* есть первая стадія приспособленія для борьбы съ періодомъ холода, ее же мы встрѣчаемъ съ значительными,

впрочемъ, отличіями въ организаціи у растеній странъ съ періодически повторяющимися засухами. Но на ряду съ образованіемъ почекъ и опадающихъ листьевъ въ растительномъ царствѣ двухъ упомянутыхъ выше типовъ климатовъ наблюдаются и другія измѣненія. Цѣлый рядъ семействъ, какъ Compositae, Liliaceae, Cruciferae, Papilionaceae, оказываясь наиболѣе способными переносить засуху и морозъ, даютъ намъ большой процентъ выживающихъ формъ. Особенности организаціи растеній этихъ заключаются не только въ цѣлесообразности устройства цвѣтка, но и въ томъ, что они... обладаютъ способностью или давать *однолѣтніе побѣги*... или сокращать періодъ вегитаціи..., образуя типъ растенія однолѣтняго. Чѣмъ болѣе усиливаются крайности холодовъ и сухости, тѣмъ болѣе господство упомянутыхъ семействъ становится замѣтнымъ, тѣмъ болѣе рѣзкія черты принимаютъ упомянутыя выше приспособленія. Полярный климатъ и климатъ пустыни являются какъ бы предѣлами идущей въ этомъ направленіи эволюціи... Мы имѣемъ области, гдѣ эти крайности все еще усиливаются и достигаютъ наибольшихъ размѣровъ. Таковы арало-каспійская пустыня, горныя области центральной и субарктическія пустыни сѣверной Азіи. Тутъ, если можно выразиться, область агоніи растительной жизни. Если въ лицѣ субтропическихъ областей и влажныхъ нагорныхъ высотъ, мы имѣемъ дѣло *съ областями постепеннаго угасанія* древнетретичныхъ формъ, то тутъ мы имѣемъ дѣло съ *центрами творенія* новыхъ современныхъ растительныхъ видовъ». Эти идеи преемственности, угасанія, измѣненія, приспособленія и положены въ основу выдающагося труда Краснова и всего построенія изложенія. Онѣ же лежатъ въ основаніи и предлагаемой имъ интересной собственной ботанико-географической классификаціи, остающейся, какъ и вся книга, до сихъ поръ безъ вниманія со стороны русскихъ ученыхъ [1]).

Подобное отношеніе къ произведеніямъ своихъ русскихъ выдающихся людей, характеризующееся какой-то боязнью признать ихъ хорошія стороны и стремленіемъ видѣть только отрица-

---

[1]) Такъ, напр., въ вышедшемъ въ 1914 г. переводѣ нѣмецкой книги *П. Гребнеръ* «Географія растеній» подъ ред. проф. *М. Голенкина*, сильно переработавшаго текстъ оригинала и пополнившаго его дополненіями на основаніи русскихъ источниковъ, «Географія растеній» А. Н. Краснова совсѣмъ вообще не упоминается. Какъ «единственное подробное руководство по географіи растеній на русскомъ языкѣ», приводится *Гризебахъ* «Растительность земного шара» (перев.), трудъ хотя и классическій, но вышедшій въ 1874—1877, написанный въ духѣ идей доэволюціоннаго періода и вообще безконечно устарѣвшій въ общемъ и въ частностяхъ.

тельное, въ данномъ случаѣ особенно бросается въ глаза потому что въ своей «Географіи растеній» А. Н. Красновъ замѣчательнымъ образомъ во многихъ пунктахъ совпалъ съ воззрѣніями нѣмецкаго ботанико-географа *Шимпера*, трудъ котораго, вполнѣ заслуженно получившій большую извѣстность, «Pflanzen-Geographie auf physiologischer Grundlage»[1]) вышелъ почти одновременно съ трудомъ Краснова. Объ этомъ сходствѣ во взглядахъ послѣдній говоритъ въ «Заключеніи» слѣдующее: «Въ біологическомъ отношеніи, равно какъ и по облику господствующихъ формъ, растительность земного шара гораздо удобнѣе дѣлится по климатическимъ группамъ, а не по отличіямъ въ систематическомъ составѣ и принятое нами дѣленіе къ нашему удовольствію нашло отголосокъ въ вышедшемъ въ свѣтъ въ моментъ печатанія этихъ заключительныхъ строкъ обширномъ трудѣ Шимпера, посвященномъ тому же вопросу. Мой уважаемый коллега, которому судьба дала возможность посѣтить большинство странъ, посѣщенныхъ и мною, къ моему удовольствію приходитъ къ дѣленію флоръ очень близкому къ тому, которое предложено мною, и выводы, къ которымъ пришли 2 лица, работающія въ противоположныхъ концахъ Европы, независимо одинъ отъ другого, могутъ служить лучшимъ доказательствомъ ихъ справедливости» [2]).

Между тѣмъ даже *В. И. Липскій*, хотя и подвергнувшій «Географію растеній» Краснова» рѣзкой критикѣ, тѣмъ не менѣе, въ концѣ-концевъ, признаетъ, что «въ русской литературѣ это все-таки пока единственная б. или м. полная... ботаническая географія». Въ «Новомъ Энциклопедическомъ словарѣ» Брокгаузъ и Ефронъ (т. 13) въ статьѣ «Географія растеній», принадлежащей *В. Н. Сукачеву*, «Географія растеній» Краснова при длинномъ спискѣ иностранныхъ источниковъ опять-таки блистаетъ отсутствіемъ.

[1]) Въ литературномъ указателѣ, приложенномъ къ вышеупомянутому переводу Гребнера при трудѣ Schimper'a, стоитъ даже спеціальная отмѣтка редактора: «одно изъ важнѣйшихъ сочиненій по географіи растеній».

[2]) Эти слова Краснова подали поводъ одному изъ рѣзкихъ критиковъ—«уничтожителей» трудовъ его—Е. Чепурковскому («Ест. и Геогр.» 1911, № 5) бросить въ лицо тяжкое обвиненіе въ глубокомъ сознательномъ искаженіи истины. А именно, по словамъ названнаго критика трудъ Шимпера вышелъ не одновременно съ «Географіей» Краснова, а «на пять лѣтъ раньше», слѣдовательно, приблизительно въ 1894 г. На какія данныя опирается г. Чепурковскій, я не знаю. Насколько я лично могъ выяснить, годъ выхода въ свѣтъ 1-го изд. Schimper'a всегда датируется 1898. Между прочимъ, въ рецензіи «Географіи растеній» Краснова (Тр. Бот. С. И. Юр. Унив., 1900, в. III), въ общемъ мало благопріятной, но и не закрывающей глаза на положительныя стороны, проф. М. И. Голенкинъ говоритъ: «Сходство взглядовъ проф. Краснова на принципы дѣленія флоръ земного шара со взглядами проф. Шимпера, высказанными *одновременно* съ нимъ, отмѣчаемое авторомъ, говоритъ въ пользу ихъ справедливости, а одновременность выхода книгъ *о полной самостоятельности* русскаго автора»..

Достаточно ближе познакомиться съ другими работами Краснова, легшими въ основаніе и его «Географіи», чтобы объективно убѣдиться въ правильности его словъ о независимости его взглядовъ отъ взглядовъ Шимпера. Вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя не отмѣтить, при общемъ сходствѣ построенія того и другого труда, и существенныхъ различій. Если въ «Географіи растеній» Шимпера физіологическій принципъ разработанъ гораздо глубже, чѣмъ въ «Географіи» Краснова, то зато въ ней отсутствуетъ элементъ исторической эволюціи, который придаетъ труду Краснова бо́льшую ширину и разносторонность. Кромѣ того, для насъ русскихъ послѣдній потому стоитъ ближе, что по понятнымъ причинамъ, онъ гораздо больше удѣляетъ вниманія русской растительности, притомъ на основаніи собственнаго опыта и первоисточниковъ, въ большинствѣ случаевъ оставшихся недоступными Шимперу. Если, наконецъ, принять во вниманіе, что многія страницы «Географіи» Краснова написаны поистинѣ увлекательнымъ языкомъ, ты мы не можемъ не повторить высказаннаго уже раньше пожеланія (см. «Бюллет. Харьк. О-ва Любит. Прир.», 1915, № 1), что «ее нужно переиздать, тщательно проредактировавши и снабдивши необходимыми примѣчаніями и дополненіями» [1]). Это долгъ русскихъ ботанико-географовъ не только передъ памятью самого автора «Географіи», но и передъ русскимъ обществомъ и русской наукой.

Индивидуальную особенность «Географіи растеній» А. Н. Краснова представляетъ также то вниманіе, которое онъ удѣляетъ культурнымъ растеніямъ. Это частью объясняется вообще его большимъ личнымъ знакомствомъ съ данной областью и любовью къ ней, частью же и правильнымъ по существу соображеніемъ, высказываемымъ имъ по другому поводу, что культурная растительность въ современномъ ботаническомъ ландшафтѣ играетъ съ каждымъ годомъ все большую роль и что описываемыя въ книгахъ «ботанико-географическія области» все болѣе и болѣе превращаются въ нѣчто нереальное, историческое прошлое.

Нашу характеристику проф. А. Н. Краснова какъ ботанико-географа, мы закончимъ нѣсколькими словами по поводу его фито-палеонтопологическихъ работъ. Его большое изслѣдованіе

---

[1]) Съ чувствомъ удовлетворенія приходится констатировать, что эта мысль встрѣчаетъ уже сочувствіе среди русскихъ ученыхъ и есть основаніе надѣяться на ея осуществленіе (см. проф. *Н. И. Кузнецовъ* въ «Вѣстникѣ Русск. Флоры». 1916, в. I), точно такъ же говоритъ о переизданіи «замѣчательнаго труда» Краснова «Географіи растеній», какъ о нравственномъ долгѣ товарищей покойнаго.

«Начатки третичной флоры Юга Россіи» (Тр. О-во Исп. Пр. при И. Х. Унив., т. XLIV, 1911) вызвало въ свое время рѣзкую критику (см. Тр. Ботан. С. Юр. Ун., т. XIII, в. 1, 1912, реф. И. Палибина), въ которой подчеркивается большое количество дефектовъ и совершенно ничего не говорится о какихъ бы то ни было заслугахъ. Однако, изъ другой статьи того же автора («Къ вопросу о третичной флорѣ сѣвернаго Кавказа». Юбилейн. Сборн. въ честь 25-лѣтія научной дѣятельности проф. Николая Ивановича Кузнецова, 1913) видно, что по крайней мѣрѣ нѣкоторыя данныя А. Н. Краснова представляютъ безспорный научный интересъ. Если принять во вриманіе, что коллекціи, опредѣленныя Красновымъ, сохранились, то, очевидно, что ошибки, допущенныя имъ, легко могутъ быть съ теченіемъ времени исправлены. Между тѣмъ, Красновъ съ обычной энергіей, взявшись за трудъ, предпринялъ рядъ поѣздокъ, собралъ значительный матеріалъ и, обработавши и опубликовавши его, далъ такимъ образомъ возможность для дальнѣйшаго движенія того же вопроса. Въ данномъ случаѣ наше вниманіе обращаетъ на себя другая сторона. Вопросъ о связи различныхъ элементовъ современной флоры Россіи, въ особенности Кавказа, съ третичной флорой въ новѣйшей русской ботанико-географической литературѣ ставится на каждомъ шагу, но мы напрасно стали бы искать у авторовъ, касающихся его, активное стремленіе разрѣшить его наиболѣе правильнымъ путемъ—путемъ палеонтологическимъ. Самое большее, мы встрѣчаемъ ссылки на случайныя находки, сожалѣніе о скудости палеонтологическихъ данныхъ, и въ дальнѣйшемъ—умываніе рукъ и рѣшеніе сложнѣйшихъ проблемъ историческаго прошлаго поверхности земли на основаніи голыхъ фактовъ современнаго распредѣленія тѣхъ или другихъ видовъ. Кто же въ данномъ случаѣ больше грѣшитъ передъ наукой, они ли, или Красновъ, который не считалъ возможнымъ при рѣшеніи глубоко интересовавшихъ его всю жизнь вопросовъ исторической эволюціи стоять на подобной точкѣ зрѣнія и, не имѣя, вмѣстѣ съ тѣмъ, никакихъ основаній разсчитывать, что за ту же задачу въ ближайшее время возьмутся спеціалисты-фитопалеонтологи, самъ взялся за работу въ чуждой ему области. Во всякомъ случаѣ, намъ кажется, что этотъ трудъ Краснова является прежде всего глубокимъ нѣмымъ укоромъ русской фитопалеонтологіи, которая въ темпѣ своего развитія совершенно не удовлетворяетъ основнымъ запросамъ тѣсно примыкающей къ ней исторической ботанической географіи...

Фактъ общеизвѣстный, что мы, русскіе ученые, боимся признавать талантъ и значеніе за своими соотечественниками и ихъ

трудами, разъ они не засвидѣтельствованы предварительно Западной Европой. Будемъ же, по крайней мѣрѣ, теперь, когда рѣчь объ эмансипаціи русской науки у всѣхъ на устахъ, достаточно самостоятельными, чтобы видѣть въ своемъ не только дурное, но и хорошее. Не будемъ бояться назвать крупнымъ талантомъ за то только, что онъ имѣлъ рядъ отрицательныхъ сторонъ, и не будемъ отказываться отъ того умственнаго богатства, которое онъ намъ оставилъ, хотя бы и въ недостаточно обработанномъ видѣ! Возьмемъ на себя значительную часть отвѣтственности за его промахи, творчество же вѣчнаго безсмертнаго духа поставимъ на должную высоту! Тогда мы смѣло скажемъ нашимъ западно-европейскимъ товарищамъ, что въ лицѣ проф. Андрея Николаевича Краснова не только русская, но и вообще міровая ботанико-географическая наука потеряла выдающагося представителя, блестящаго синтетическаго мыслителя-художника, равнаго по своей потенціальной силѣ общепризнаннымъ корифеямъ науки!

В. Таліевъ.

А. Н. Красновъ, какъ географъ.

Когда были основаны кафедры географіи въ университетахъ, однимъ изъ первыхъ профессоровъ, занявшихъ эту кафедру, былъ А. Н. Красновъ. Большой подготовкой къ дѣятельности его, какъ географа, были его путешествія въ среднюю Азію, а кромѣ того, заканчивая за границей свою диссертацію, онъ подготовлялся къ будущей дѣятельности профессора географіи, слушая цѣлый рядъ лекцій и работая по географіи и другимъ наукамъ, соприкасающимся съ ней. Оставаясь до конца жизни гео-ботаникомъ и работая въ этомъ направленіи, А. Н. ставилъ гораздо шире задачи ботаническаго изслѣдованія, чѣмъ простое флористическое изслѣдованіе данной мѣстности. Задачи же научной географіи А. Н. понималъ, какъ широкое обобщеніе всѣхъ соприкасающихся между собой научныхъ дисциплинъ. Въ его глазахъ географія была философской наукой, задачей которой является обосновать и поставить во взаимную связь всю совокупность особенностей данной мѣстности. Вся природа, вся окружающая картина данной мѣстности не есть только фонъ, на которомъ развертывается разнообразіе человѣческой жизни, а органическая часть послѣдней.

Такой взглядъ на географію, особенно когда при этомъ былъ уже большой матеріалъ личныхъ наблюденій, самыхъ различныхъ, невольно создавалъ большое разнообразіе дѣятельности А. Н. Это разнообразіе интересовъ и работъ вызывало подчасъ осужденіе и обвиненіе въ томъ, что А. Н. разбрасывается въ своей дѣятельности. Всѣ четыре основные элемента географическаго описанія: геологическое строеніе земли, выразившееся во внѣшнихъ формахъ, климатъ, растительный и животный міръ и жизнь человѣка, сливаясь въ одно гармоническое цѣлое, представляли для А. Н. сущность всякаго географическаго изученія. Можетъ быть, элементъ гео-ботаническій и выступалъ на первый планъ, но это дѣлалось не произвольно. Этотъ перевѣсъ происходилъ не только, потому что А. Н. былъ ботаникомъ по своимъ начальнымъ работамъ, но скорѣе его душа вообще тяготѣла къ той грандіозной картинѣ, которую пред-

ставляетъ земля съ своимъ разнообразіемъ формъ поверхности и картина растительности, которая покрываетъ послѣднюю. Стоитъ только вчитаться въ его описанія природы, все равно какой, роскошной ли тропической, или скудной природы полупустынь средней Азіи, въ нихъ всюду чувствуется безконечная любовь къ природѣ и способность глубоко понимать и чувствовать ее. Это было личное качество души А. Н., а потому человѣческій міръ въ его работахъ отступаетъ на второй планъ. Онъ не былъ такъ близокъ А. Н., не интересовалъ его такъ, какъ остальныя части географическаго описанія, а если интересовалъ, то совершенно уже съ другой стороны, но не какъ антропологическій и этнографическій элементъ географіи. А. Н. иногда указывалъ на ошибочность сліянія такихъ двухъ наукъ, какъ антропологія и географія, и ставилъ въ большую вину нѣкоторымъ антропологамъ проведеніе представленія о родствѣ двухъ столь различныхъ и по методу, и по объему изученія наукъ.

Въ своихъ географическихъ воззрѣніяхъ А. Н. примыкалъ къ школѣ съ наиболѣе широкими обобщающими задачами. Ученикъ нѣмецкихъ географовъ, А. Н. ушелъ отъ нихъ и ближе стоялъ къ французскимъ, изъ нѣмецкихъ же къ Филиппсону и Геттнеру. Школа чистыхъ гео-морфологовъ была по его мнѣнію школой черезчуръ узкой, она не охватываетъ всего понятія географіи; въ работахъ этой школы ему не хватало живой природы, всей біо-географіи. Только сопоставленіе всѣхъ различныхъ сторонъ, всѣхъ особенностей природы данной мѣстности, сводка ихъ въ одно цѣлое, результатомъ чего и получается полнота географическаго описанія, даетъ широкій взглядъ на отдѣльную ли страну, или на весь земной шаръ. Такая точка зрѣнія А. Н. на географію являлась наиболѣе обобщающей и вела къ философскому взгляду на всю совокупность фактовъ географіи, къ философіи ея—геософіи.

Свои взгляды на географію А. Н. проводитъ въ описаніяхъ тѣхъ мѣстностей, которыя ему приходилось посѣщать. Его большое путешествіе на востокъ для изученія чайныхъ округовъ дало ему возможность описать эти страны такъ полно, какъ ему хотѣлось, а не заниматься только изученіемъ обработки чая, съ чисто практической стороны. Результатомъ такого отношенія получилась полная картина природы Цейлона, Китая, Японіи, и на фонѣ этой гармонической картины вырисовывается культура субтропическихъ растеній, которыя А. Н. такъ всегда старался перенести и въ наши русскіе субтропики, въ Батумскую область.

Но наиболѣе полно и подробно А. Н. излагаетъ свои взгляды на географію въ своихъ лекціяхъ и въ «Курсахъ землевѣдѣнія». Планъ его курса мало измѣнился отъ перваго изданія до послѣдняго, онъ скорѣе лишь расширялся и дополнялся. Въ чемъ можно упрекнуть всего больше этотъ курсъ, то, конечно, въ черезчуръ обширномъ матеріалѣ. Въ большомъ курсѣ землевѣдѣнія трудно провести основную идею географіи—связи между твердой сушей, ея геологическимъ строеніемъ, климатомъ, воздѣйствіемъ внутреннихъ и внѣшнихъ факторовъ на созданіе формъ суши и зависимости всей живой природы отъ этихъ формъ. Гораздо проще, гораздо живѣе А. Н. это дѣлалъ при популяризаціи тѣхъ же самыхъ фактовъ, когда упрощалъ матеріалъ, приспособляя его для широкой аудиторіи. Въ такихъ случаяхъ этотъ оригинальный планъ выступалъ въ полной своей опредѣленности. Между прочимъ, въ такомъ видѣ онъ почему-то встрѣтилъ довольно сильную критику. Да и большой «Курсъ землевѣдѣнія» А. Н., какъ и многія другія его работы, не были встрѣчены дружелюбно. Онъ вызывалъ критику, подчасъ изумительно странную и придирчивую, какъ хотя бы критика Е. Чепурковскаго въ «Естествознаніи и Географіи» (1911. № 5).

Очень много можно было бы сказать о характерѣ работъ А. Н. Это были всегда работы спѣшныя и порывистыя; отсюда и проистекали всѣ ихъ недостатки. Постоянно занятый все новыми и новыми планами и работами, А. Н. обыкновенно и не могъ уже дать окончательную отдѣлку написанной работѣ. Далѣе у него не было погони за внѣшностью. Рисунки часто были или неудачно подобраны, или неудачно выполнены. Взять нѣсколько рисунковъ какой-нибудь мѣстности и выбрать изъ нихъ лучшіе, А. Н. не стремился и не имѣлъ времени. Самый языкъ его статей былъ хорошъ, когда онъ выливался у него непосредственно. Но отдѣлывать, выправлять, а тѣмъ болѣе посуществу передѣлывать свои статьи для А. Н. было очень трудно. Отсюда тѣ ошибки, тѣ «перепутанныя этикетки», на которыя нападали критики, при чемъ за внѣшними погрѣшностями, даже легко въ сущности устранимыми, не видѣли тѣхъ мыслей, тѣхъ идей, которыя заслуживали полнаго вниманія.

Другая большая работа А. Н. была его «Географія Россіи», написанная по-нѣмецки для изданія Kirchhoff'а «Географія Европы». Это описаніе Россіи построено въ духѣ Геттнера и Филиппсона, съ идеями которыхъ совпадаютъ и идеи А. Н. Вся задача его заключается главнымъ образомъ въ томъ, чтобы на подробномъ описаніи геологически-морфологическаго устройства поверх-

ности дать картину страны, связанную съ ея климатомъ и растительнымъ міромъ, и показать, какъ при данныхъ условіяхъ развивалась жизнь человѣка и какія особенности послѣдняя представляетъ въ различныхъ частяхъ страны.

Другой работой, гдѣ на описаніи небольшой области А. Н. даетъ развитіе тѣхъ же излюбленныхъ идей, было изслѣдованіе Харьковской губерніи: «Рельефъ, растительность и почва Харьковской губерніи». Правда, вслѣдствіе спеціальной задачи, человѣческій элементъ здѣсь устраненъ. Такое устраненіе, однако, какъ бы отчасти возмѣщалось работами, дополнявшими этотъ необходимый элементъ. А именно: А. Н. предпринялъ работы по антропологическому изслѣдованію населенія Харьковской губ. Работа была напечатана въ «Географическомъ сборникѣ» кружка студентовъ-естественниковъ: «Объ антропологическихъ типахъ Харьковскаго уѣзда и г. Харькова». Другая болѣе полная — «Объ антропологическихъ излѣдованіяхъ въ Харьковскомъ и Валковскомъ уѣздахъ», напечатана въ Русскомъ Антропологическомъ Журналѣ, 1900 г. Эти работы не удачны; А. Н. не былъ антропологомъ и та самостоятельность двухъ наукъ географіи и антропологіи, на которой такъ настаивалъ А. Н., здѣсь сказалась. Задачи и методы ихъ такъ различны, сліяніе такъ искусственно, что все это и отразилось въ изслѣдованіяхъ населенія. Изслѣдовалъ А. Н. главнымъ образомъ только призывныхъ новобранцевъ. Въ самую невозможную погоду, подчасъ по ужаснымъ дорогамъ, отправлялся А. Н. на призывные пункты въ какое-нибудь село и здѣсь старался использовать матеріалъ, который въ буквальномъ смыслѣ пролеталъ передъ глазами. Это и было слабой стороной изслѣдованія: можно было успѣть взять лишь два, три измѣренія и записать цвѣтъ глазъ и волосъ. Матеріалъ получался слишкомъ недостаточный и слишкомъ малоцѣнный. Даже тогда, когда А. Н. пробовалъ дѣлать измѣренія цѣлыхъ проходящихъ партій новобранцевъ, то все же получались лишь небольшія партіи изборныхъ представителей мужскаго населенія различныхъ мѣстъ Россіи. Надо собственно удивляться той энергіи, какую проявлялъ здѣсь А. Н. Проѣхать поздно осенью, въ октябрѣ или ноябрѣ, куда-нибудь въ Ольшаны (село Харьковской губерніи), по отвратительной дорогѣ, ночевать въ самыхъ иногда неудобныхъ условіяхъ, чтобы въ результатѣ получить такой небольшой матеріалъ, для этого нужна была дѣйствительно и большая энергія, и большая вѣра въ то, что добытыя данныя уяснятъ что-нибудь. Можетъ быть, здѣсь скрывалась очень глубокая психологическая особенность А. Н. Вѣчно увлекающійся, постоянно

занятый различными планами и идеями, все новыми и новыми, А. Н. чувствовалъ, что для многаго не хватаетъ фактическаго матеріала. Онъ бросался за нимъ, но собрать его въ достаточномъ количествѣ у него не хватало ни возможности, ни времени. Ему вдругъ хотѣлось подтвердить ту или другую свою идею, и онъ начиналъ подбирать къ ней матеріалъ. Но нигдѣ недостатокъ послѣдняго такъ не чувствуется, какъ при антропологическихъ работахъ. Обслѣдована въ этомъ отношеніи Россія болѣе чѣмъ недостаточно. Какъ-разъ конецъ работъ А. Н. совпалъ съ такими трудами по антропологіи, какъ работы Ripley и Деникера. А. Н., увлекаясь схемой распредѣленія расъ въ западной Европѣ то у одного автора, то у другого, желалъ продолжить эту схему и на востокъ. Въ короткое время получить антропологическія данныя въ большомъ количествѣ было не возможно, а мысль работала, схватывая по существу правильныя положенія.

Во время археологическаго съѣзда А. Н. занялся сборомъ этнографическаго матерьяла, главнымъ образомъ по матерьяльной культурѣ мѣстнаго населенія. Весь сборъ и вся работа его по этнографіи шли подъ сильнымъ увлеченіемъ нѣкоторыми нѣмецкими авторами—Фробеніусомъ, Р. Андре и др. Въ данномъ случаѣ было одно изъ тѣхъ непродолжительныхъ увлеченій А. Н., которое заставило его броситься въ новую область. А. Н. всего больше интересовался и здѣсь идеей эволюціи: формъ одежды, жилища, предметовъ обихода и т. д. Это было приложеніе эволюціонныхъ идей общей этнографіи къ изслѣдованію мѣстной этнографіи и подборъ матерьяла согласно съ этой идеей. Кажется, ни въ одной научной области А. Н. не былъ понятъ такъ мало, какъ въ этой. Его статья о постройкахъ Харьковской губ., съ массой фотографій, была возвращена съ просьбой обработать болѣе научно. Кромѣ подбора матеріала, А. Н. хотѣлъ показать въ этой работѣ очень интересный ходъ постепеннаго развитія городского мѣщанскаго домика изъ простой малорусской хаты путемъ послѣдовательныхъ измѣненій отдѣльныхъ частей. Его очень огорчило возвращеніе статьи, онъ жаловался и указывалъ на требованіе обработки, совершенно излишнія требованія обстоятельнаго литературнаго предисловія, сводки литературы. То и другое, по мнѣнію А. Н., было не нужно, даже совершенно излишне въ подобной статьѣ. Остальной этнографическій матеріалъ послѣ этой неудачи остался не обработаннымъ. Статья о постройкахъ попала въ какой-то иллюстрированный журналъ и осталась тамъ никому

неизвѣстной, а для читателей того журнала совершенно не нужной.

Въ дѣятельности А. Н., какъ географа были два очень интересныя начинанія съ чисто педагогической стороны. Это его студенческія экскурсіи и студенческій географическій кружекъ. А. Н. стоялъ на точкѣ зрѣнія, что преподаваніе географіи безъ экскурсій теряетъ наполовину свое значеніе. Какъ бы ни иллюстрировать лекціи фотографіями, картинами и картами, это остается до извѣстной степени мертвымъ матеріаломъ, если не представляется возможности показать то же самое въ природѣ. А. Н. былъ хорошо знакомъ съ постановкой преподаванія географіи за границей, гдѣ экскурсіи идутъ постоянно, какъ обычное дополненіе къ университетскому курсу. Осуществленіе экскурсій за границей облегчается и разнообразіемъ ближайшихъ окрестностей, и возможностью при весьма непродолжительномъ переѣздѣ достигнуть, очень интересной мѣстности. Переѣздъ одной ночи достаточенъ, чтобы попасть въ центральныя части Альпъ даже изъ сравнительно отдаленныхъ университетскихъ городовъ. Но при организаціи экскурсій въ Харьковскомъ университетѣ А. Н. встрѣтился съ цѣлымъ рядомъ трудностей. Первая изъ нихъ—это громадное разстояніе,отдѣляющее Кавказъ отъ Харькова, Кавказъ же А. Н. выбралъ для экскурсій, какъ мѣстность, дающую наиболѣе разнообразный и цѣнный матеріалъ для демонстрацій. А. Н. выхлопоталъ для первыхъ экскурсій даровой проѣздъ, и эти льготы по желѣзной дорогѣ (тогда не существовало совсѣмъ еще льготнаго проѣзда для экскурсій) только и дали возможность съ небольшими затратами совершить экскурсіи. Небольшую матеріальную помощь далъ и университетъ. Благодаря всѣмъ этимъ условіямъ, столь далекая экскурсія обходилась очень дешево. Но другое трудное условіе А. Н. не удалось, конечно, побѣдить—это отдаленность разстоянія. При экскурсіи въ двѣ недѣли надо было терять еще третью на переѣздъ туда и обратно, что отзывалось на продуктивности работы, сильно утомляя экскурсантовъ. Для экскурсіи А. Н. сначала бралъ Военно-Грузинскую дорогу, а потомъ остановился на Военно-Осетинской, какъ болѣе показательной. Очень тяжелой стороной этихъ экскурсій была полная неподготовленность данныхъ дорогъ къ прохожденію ихъ съ экскурсіей. Ихъ можно проѣхать, не останавливаясь, т. е. безъ всякой пользы, а дѣлать остановки было очень трудно и тяжело по полной неприспособленности станцій для ночлега. А. Н. время отъ времени жалуется на усталость студентовъ во время экскурсій и на то, что изъ-за усталости пропадаетъ всякій

научный интересъ, и экскурсія не даетъ всей той пользы, которую могла бы дать. При созданіи и организаціи этихъ экскурсій приходится опять-таки удивляться той энергіи А. Н., съ какой онъ взялся за это трудное дѣло, и его организаторскому таланту, т. е. тѣмъ качествамъ, которыя были въ немъ всегда такъ ярко выражены.

Географическій студенческій кружекъ былъ созданъ А. Н., какъ дополненіе къ его лекціямъ, замѣняя обычный семинарій, но въ отличіе отъ послѣдняго, кружекъ привлекалъ къ себѣ студентовъ и другихъ факультетовъ, которые интересовались, географіей, антропологіей и этнографіей. Кружекъ то собирался, то замиралъ на нѣкоторое время, то опять возобновлялся, смотря по тому, было ли достаточное количество участниковъ, были ли доклады, а, главное, насколько у А. Н. хватало времени и энергіи для кружка. Онъ былъ безспорно душой и вдохновителемъ работъ. Работы давались въ видѣ рефератовъ о различныхъ вновь вышедшихъ сочиненіяхъ на русскомъ или иностранномъ языкахъ, иногда являлись отчеты объ экскурсіяхъ, и даже доклады о самостоятельныхъ работахъ и изысканіяхъ. Самыя засѣданія велись А. Н. и отличались полной непринужденностью и большимъ оживленіемъ; это была живая совмѣстная работа и прекращеніе ея или перерывъ вызывали всегда большое огорченіе.

Въ статьяхъ А. Н. есть еще одна очень интересная сторона. Его статьи зачастую носятъ извѣстную долю публицистики, которая какъ-то прокрадывается всюду. Это, пожалуй, придаетъ имъ даже еще большую живость. При описаніи чужихъ, далекихъ странъ у А. Н. постоянно являются сравненія, сопоставленія съ Россіей, но такого рода сопоставленія не есть просто выясненіе незнакомаго матеріала путемъ сравненія съ болѣе знакомымъ, близкимъ. При всѣхъ такихъ параллеляхъ какъ то проскальзываетъ у А. Н. желаніе отмѣтить тѣ или другія стороны, какъ лучшія, чѣмъ въ Россіи, какъ желательныя для заимствованія и подражанія изъ быта и жизни далекихъ странъ. Иногда кажется, что нападая на недостатки, или же пользуясь сравненіемъ, А. Н. желаетъ указать на слабыя стороны русской жизни и подчеркнуть аналогичные недостатки русской жизни, или намѣренно преувеличиваетъ всѣ хорошія стороны, чтобы показать ихъ отсутствіе въ русской жизни. Во всѣхъ этихъ нападкахъ чувствуется желаніе исправить недостатки, внести улучшеніе. Такое отношеніе автора къ матеріалу дѣлаетъ его очерки весьма жизненными, но зато и очень субъективными, съ очень большимъ личнымъ элементомъ. Примѣровъ подобнаго

отношенія можно было бы привести довольно много и въ описаніи «Чайныхъ округовъ Азіи», и въ описаніи жизни Сандвичевыхъ острововъ, да и въ другихъ небольшихъ очеркахъ.

Только, сопоставляя всѣ разнообразныя работы и начинанія А. Н., можно ясно представить, какія различныя области онъ затрагивалъ, какъ ко многому его влекло. Получалось разбрасываніе, быстрый переходъ отъ одного къ другому въ ущербъ углубленію въ данный вопросъ, въ ущербъ его детальной разработкѣ. Это было главное отрицательное качество дѣятельности А. Н., которое порождало у него спѣшность работы, обиліе опечатокъ и недосмотровъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ вызывало рѣзкую критику, обвиненіе въ небрежности и поверхности. А между тѣмъ, какую массу идей, мыслей будятъ всѣ эти работы, сколько различныхъ начинаній, очень интересныхъ, разбросано въ нихъ мимоходомъ! Въ каждой книгѣ А. Н. интересовалъ не новый матеріалъ, не разработка подробностей, а новая мысль, которую онъ подхватывалъ, бросалъ своей аудиторіи, пропагандировалъ. Обиліе мыслей, блестящихъ идей, которыми увлекался и самъ А. Н., составляетъ главную цѣнность всѣхъ его работъ, всей его дѣятельности и далеко искупаетъ всѣ тѣ недочеты, на которые обрушивались критики.

А. Покровскій.

Просвѣтительная дѣятельность проф. А. Н. Краснова среди рабочихъ.

Въ концѣ девяностыхъ годовъ минувшаго вѣка среди рабочихъ на харьковскихъ фабрикахъ и заводахъ стало извѣстно, что при мастерскихъ желѣзной дороги открылись вечерніе курсы. Рабочіе, начиная отъ подростковъ до лицъ съ многочисленными уже семьями, забывая изнурительную усталость 10-тичасовой работы въ душныхъ, пыльныхъ и грязныхъ помѣщеніяхъ, спѣшили послушать лекціи. Не смущались при этомъ и дальнимъ разстояніемъ и шли, напр., изъ района паровозостроительнаго завода до желѣзнодорожныхъ мастерскихъ 40—50 минутъ. Но интересъ къ этимъ лекціямъ возросъ чрезвычайно, когда сталъ читать лекціи проф. А. Н. Красновъ. Рабочіе безошибочно увидѣли въ А. Н. «необыкновеннаго», «безкорыстнаго» [1]).

Черезъ 2—3 года открылись курсы для рабочихъ при ремесленномъ училищѣ на Петинской улицѣ [2]). Лучшая пора этихъ курсовъ неотдѣлимо связана съ именемъ А. Н. То была пора, когда умственная атмосфера рабочихъ была, можно сказать, насыщена научными интересами. Нерѣдко можно было встрѣтить группы рабочихъ, въ которыхъ обсуждались вопросы изъ области геологіи или ботаники, изъ астрономіи, географіи, исторіи, политической экономіи и т. д.

А. Н., излагая ту или другую научную дисциплину, всегда стремился давать слушателямъ истинное знаніе, которое, какъ онъ всегда говорилъ, должно быть свободно и отъ политическихъ, и отъ партійныхъ, и отъ религіозныхъ тенденцій. Лекторъ,—утверждалъ А. Н.,—излагая свой предметъ, не долженъ приспособляться къ тѣмъ или инымъ воззрѣніямъ слушателей и общества, онъ долженъ неуклонно стремиться къ истинѣ,

---

[1]) См. «Южн. Край» 24 декабря 1914 г. статья Бѣланова.

[2]) Очеркъ исторіи этихъ курсовъ см. въ «Трудахъ созваннаго Харьковскимъ О-вомъ Грамотности 7—12 іюня 1915 г. въ г. Харьковѣ съѣзда по организаціи разумныхъ развлеченій». 1915 г.; докладъ Совѣта Рабочихъ Курсовъ.

становясь выше всего временнаго и случайнаго. Слушатель долженъ получать на лекціи чистыя знанія, а какъ онъ будетъ примѣнять это знаніе въ жизни—это его личное дѣло.

Такая точка зрѣнія А. Н. встрѣчала противниковъ какъ со стороны нѣкоторыхъ лекторовъ, такъ и среди слушателей. Въ засѣданіяхъ педагогическаго совѣта А. Н. приходилось отражать бурные натиски несогласныхъ. Слѣдуетъ замѣтить, что въ Совѣтѣ Курсовъ, кромѣ педагогическаго персонала, принимали участіе и курсисты-рабочіе по одному человѣку отъ каждаго курса (курсовъ было 4). Нельзя не отмѣтить, что самъ А. Н. къ такому участію въ дѣлахъ курсовъ рабочихъ относился крайне сочувственно. «Участіе въ Совѣтѣ представителей отъ слушателей, говоритъ онъ въ историческомъ очеркѣ курсовъ, имѣло свое хорошее вліяніе на его дѣятельность. Представители никогда не вмѣшивались въ дѣла, находившіяся внѣ ихъ компетенціи, но всегда были готовы прійти на помощь Совѣту имѣющимися у нихъ свѣдѣніями относительно разныхъ недоразумѣній и затрудненій, возникавшихъ у курсистовъ, и, благодаря имъ, Совѣтъ избѣгъ многихъ нежелательныхъ мѣропріятій и постановленій».

Вопросъ о характерѣ лекцій въ ту пору былъ чрезвычайно острымъ, насущнымъ и животрепещущимъ. Это была пора освободительныхъ годовъ, когда мыслящая часть рабочихъ, какъ бы пробудившись отъ многовѣкового сна, бурно рвалась найти разрѣшеніе многихъ вопросовъ какъ экономическаго, такъ и политическаго и религіознаго характера. И положеніе лекторовъ, которымъ приходится касаться названныхъ вопросовъ, было нелегкимъ, такъ какъ ихъ слушатели нерѣдко являлись уже съ сложившимися отрицательными взглядами.

И вотъ, несмотря на то, что А. Н. не придерживался явно выражаемыхъ тенденцій аудиторіи, его лекціи проходили переполненными, и слушатели съ величайшимъ напряженіемъ слѣдили за каждой мыслью. Трудно передать словами то вниманіе, какое выражалось на лицахъ ихъ. Можно сказать, что аудиторія была въ повиновеніи у своего лектора такъ, какъ повинуется музыкальный инструментъ выдающемуся музыканту; или голосъ пѣвца повинуется вдохновленному артисту. На лицахъ слушателей можно было видѣть какъ одно душевное переживаніе смѣнялось другимъ: то вы видите восторгъ, то изумленіе, то глубокую сосредоточенность и серьезность, переходящія въ чувство удовлетворенія и радости.

Общая группа дѣятелей Харьковскихъ рабочихъ курсовъ. Надъ зданіемъ курсовъ — проф. В. Я. Данилевскій, выше его — проф. А. Н. Красновъ. Влѣво отъ него — проф. Л. Л. Гиршманъ и проф. И. П. Осиповъ, вправо — проф. А. С. Бріо, проф. В. И. Савва.

А. Н. читалъ и ботанику, и географію, и геологію. Но съ особеннымъ интересомъ слушались его лекціи по географіи. Тутъ воображеніе слушателя буквально путешествовало вмѣстѣ съ лекторомъ изъ одной мѣстности въ другую, изъ страны въ страну. Лекціи А. Н. въ высокой степени расширяли умственный горизонтъ рабочихъ. Жадный и пытливый умъ ихъ получалъ благотворнѣйшую пищу.

Нельзя не поражаться той любви и энергіи, какія проявлялъ А. Н. къ своему дѣтищу—курсамъ. Словно любящій отецъ, А. Н., ставъ во главѣ ихъ, неуклонно стремился создать возможно лучшія условія существованія ихъ и дальнѣйшаго развитія. Благодаря его энергичному старанію, на курсахъ въ числѣ лекторовъ появились лучшія мѣстныя университетскія силы. Слѣдующее, напр., разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ объ А. Н. одинъ изъ участниковъ рабочихъ курсовъ—проф. В. И. Савва: «Преданный курсамъ всей своей душой, А. Н., въ поискахъ для нихъ лекторовъ, нѣсколько разъ обращался ко мнѣ съ призывомъ читать лекціи по русской исторіи рабочимъ. Перспектива путешествій на отдаленную отъ моей квартиры Петинскую улицу, гдѣ находились курсы, смущала меня, тѣмъ болѣе, что и досугомъ я далеко не обладалъ, но А. Н., приходя ко мнѣ, всякій разъ съ такимъ увлеченіемъ говорилъ мнѣ о слушателяхъ курсовъ, что увлекъ меня, и я согласился читать. Въ назначенный день для первыхъ лекцій А. Н. зашелъ за мною, и мы отправились вмѣстѣ. Я попросилъ его быть на моей первой лекціи, чтобы онъ, какъ уже знакомый съ аудиторіей, сообщилъ мнѣ свое впечатлѣніе отъ моей лекціи. Въ концѣ-концовъ, я настолько привязался къ этимъ курсамъ, что когда мнѣ пришлось уѣхать изъ Харькова, то отъѣздъ былъ для меня тяжелъ и вслѣдствіе необходимости разстаться съ курсами. Рабочая аудиторія была такова, что ее нельзя было не уважать, нельзя было къ ней не привязаться. Явишься, бывало, на курсы усталый, но войдешь въ аудиторію, словно передается тебѣ настроеніе ея, и выходишь послѣ лекціи бодрый, жизнерадостный, съ вѣрою въ человѣка. А. Н. торжествовалъ, когда я подѣлился съ нимъ своимъ впечатлѣніемъ отъ аудиторіи, для меня новой».

Первоначальной цѣлью курсовъ было—дать рабочимъ элементарныя свѣдѣнія изъ области прикладныхъ знаній—черченія, рисованія, геометріи и др. Но А. Н. такая программа, конечно, не могла удовлетворить. Онъ постоянно говорилъ: «Дайте рабочимъ больше знаній, ибо эти знанія, какъ осушительные каналы, превращаютъ болото въ цвѣтущую пашню, искореняя

губительныя язвы невѣжества». Онъ хотѣлъ, чтобы удушливая, сѣрая жизнь людей походила на тѣ цвѣтущіе, благоухающіе сады, которые онъ безконечно любилъ. И вотъ, мечта А. Н. осуществляется. Скромная программа курсовъ въ продолженіе немногихъ лѣтъ расширяется, углубляется, и курсы превращаются въ сущности въ народный университетъ. Первоначально курсы помѣщались въ классахъ ремесленнаго училища. Но это помѣщеніе стало тѣснымъ и неудобнымъ для разросшихся курсовъ. А. Н. сталъ мечтать о постройкѣ собственнаго зданія. Онъ отправился въ Петроградъ и, благодаря его хлопотамъ, для постройки зданія курсовъ была выдана Министерствомъ финансовъ субсидія въ размѣрѣ 25 тыс. руб.

Однако, денегъ этихъ было все-таки мало. Тогда обратились за помощью къ городскому управленію и отдѣльнымъ лицамъ, и въ результатѣ, за годъ съ небольшимъ выросло огромное, прекрасное, благоустроенное зданіе, очагъ просвѣщенія трудовыхъ массъ, «курсы рабочихъ».

А. Н. читалъ лекціи на курсахъ не ежедневно, тѣмъ не менѣе онъ каждый день приходилъ на курсы раньше другихъ лекторовъ, желая вести жизнь курсовъ наилучшимъ образомъ. Если кто-либо изъ лекторовъ не являлся, А. Н. старался не позволять аудиторіи оставаться безъ лектора: онъ самъ всходилъ на кафедру и что-либо импровизировалъ слушателямъ изъ своей неисчерпаемой духовной сокровищницы.

А. Н. былъ изъ числа тѣхъ немногихъ, лучшихъ людей, для которыхъ жизнь есть безпрерывная разумная, одухотворенная дѣятельность, для которыхъ жизнь есть творчество; жить для него значило творить. Когда А. Н., послѣ поразившаго его удара былъ тяжело боленъ, и врачи послѣ нѣкотораго улучшенія сказали, что ему необходимо вести спокойную жизнь и избѣгать всего волнующаго и раздражающаго, онъ говорилъ: «Кому же я нуженъ, если я буду всего сторониться и сидѣть въ четырехъ стѣнахъ? Да лучше я проживу одинъ годъ настоящей жизнью, чѣмъ буду тянуть рядъ лѣтъ никому не нужной жизни».

Глубокая преданность культурно-просвѣтительнымъ идеямъ заставляла его не прекращать работу даже въ самыя трудныя минуты. Такъ, въ 1905 г., когда прекратились занятія вездѣ, а также и на курсахъ, А. Н., не взирая даже на запрещеніе администраціи, продолжалъ свои занятія. Онъ употреблялъ массу усилій на убѣжденіе своей аудиторіи беречь свои курсы и не вносить въ нихъ элементы злободневной политики. И успѣхъ былъ на сторонѣ А. Н., слушатели горячо любили и уважали

своего руководителя. Для нихъ было ясно, что расцвѣтъ курсовъ достигнутъ, благодаря трудамъ и заботамъ А. Н. Но, кромѣ того, они особенно цѣнили въ А. Н. его удивительно внимательное и чуткое обращеніе съ каждымъ въ отдѣльности. Каждый могъ обратиться къ нему съ тревожившими его сомнѣніями и вопросами, и встрѣчалъ отъ него теплый сердечный отвѣтъ. Такое отношеніе для рабочихъ было совершенно непривычно.

Общеніе съ рабочими-курсистами не ограничивалось только курсами. Дверь квартиры А. Н. постоянно была открыта для нихъ. Самъ А. Н. постоянно говорилъ, что лучшими собесѣдниками для него являются курсисты. И для курсистовъ особенно счастливы были тѣ дни, когда они дѣлали вмѣстѣ съ А. Н. экскурсіи въ окрестностяхъ Харькова.

Любовь и признательность рабочихъ къ А. Н. ярко выразились въ томъ адресѣ, который былъ поднесенъ ему отъ лица бывшихъ его слушателей передъ окончательнымъ переѣздомъ его изъ Харькова въ Батумъ:

«Высокоуважаемый и дорогой профессоръ Андрей Николаевичъ! Мы, рабочіе и работницы г. Харькова, узнавъ о Вашемъ отъѣздѣ изъ Харькова, чувствуемъ себя осиротѣлыми, оставленными. Мы видѣли въ Васъ лучшаго нашего друга и учителя. Ваши лекціи—бесѣды, полныя глубокаго знанія, проникнутыя Вашею любовью и желаніемъ дать намъ правильное пониманіе, вѣрное знаніе, оставили въ насъ неизгладимые слѣды. Мы, посѣщая Ваши лекціи, выросли въ своихъ собственныхъ глазахъ. Отъ Васъ мы узнали какъ живетъ міръ, узнали о красотѣ природы и о томъ, какъ человѣку нужно жить въ мірѣ.

Вы тотъ, кому дороги интересы народа. Приглашая на курсы, которыхъ Вы были вдохновителемъ, лучшія научныя силы г. Харькова, Вы тѣмъ самымъ стремились сдѣлать доступными задачи и цѣли науки. Сами Вы, представляя собой народный университетъ, пріобщили насъ, посѣщающихъ курсы, къ великимъ идеямъ, на знамени которыхъ написано: наука и рабочіе. Въ теченіе всего времени Вашей дѣятельности Вы были яркимъ лучемъ путеводной звѣзды, предохраняя насъ отъ нежелательнаго и не нужнаго, указывая вѣрный путь къ достиженію благополучія—пріобрѣтеніемъ знанія и развитіемъ себя въ умственномъ и нравственномъ отношеніи. Вы своей искренностью вызывали въ насъ чувство любви и стремленія къ идеальному и хорошему.

Примите же отъ насъ, глубокоуважаемый Андрей Николаевичъ, наши искреннія чувства сердечной признательности и глубокое желаніе Вамъ здоровья и силы на многіе годы.

Пусть и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Вы будете жить, сила огня Вашей полезной дѣятельности свѣтитъ и грѣетъ окружающихъ Васъ. Живите долго и работайте много и всякъ, кто человѣкъ, скажетъ Вамъ сердечное спасибо.

Пусть и Ваше воспоминаніе о работѣ среди насъ, направленной къ осуществленію добра, способствующей умственному развитію, благосостоянію и прогрессу всѣхъ людей, утѣшитъ Васъ во всѣхъ трудностяхъ, могущихъ встрѣтиться Вамъ на пути.

Харьковъ намъ, рабочимъ, дорогъ въ воспоминаніи о Васъ. Вы же, вспоминая о сдѣланномъ для достиженія правды, будьте счастливы и радостны на всякомъ мѣстѣ».

Но, увы, этому напутствію не суждено было осуществиться! Благородная жизнь преждевременно угасла!

В. Томенко.

Проф. А. Н. Красновъ въ Батумѣ.

(Изъ личныхъ воспоминаній).

Когда я почти четыре года тому назадъ пріѣхалъ въ Батумъ на постъ директора мѣстной мужской гимназіи, то былъ пріятно изумленъ извѣстіемъ, что профессоръ А. Н. Красновъ живетъ въ городѣ, притомъ въ двухъ шагахъ отъ меня. Однимъ изъ моихъ первыхъ визитовъ было, разумѣется, посѣщеніе А. Н., котораго я засталъ больнымъ, сильно постарѣвшимъ и донеузнаваемости измѣнившимся. Андрея Николаевича я знавалъ еще въ бытность нашу студентами Петроградскаго университета. Хотя мы были на разныхъ факультетахъ, однако, въ тѣ отдаленные годы (первая половина 80-хъ годовъ) и студентовъ было въ 5 разъ меньше въ университетѣ, чѣмъ теперь, и жили они сплоченнѣе, тѣснымъ общетоварищескимъ ядромъ. Объединяла насъ наука, насчитывавшая тогда въ Петроградскомъ университетѣ рядъ блестящихъ представителей (я здѣсь назову только А. Д. Градовскаго, проф. Сергѣевича, Коркунова, Фойницкаго, Янсона, ректора И. Е. Андреевскаго изъ юристовъ; Сѣченова, Лесгафта, Менделѣева изъ естественниковъ; Бауера, Ор. Миллера, Ламанскаго, Ягича, Помяловскаго, Латышева, Веселовскаго изъ филологовъ; Боргмана, Поссе, Маркова изъ математиковъ; Васильева, Гиргаса, Хвольсона, Патканова, Позднѣева изъ восточниковъ). Кто хотѣлъ работать, собирался либо въ библіотекѣ, либо въ читальнѣ, либо въ лабораторіяхъ, либо, наконецъ,—какъ это ни странно—въ студенческой столовой-буфетѣ, и тутъ-то происходили бесѣды, западавшія въ памяти на всю жизнь, заключались дружбы, длившіяся не одно десятилѣтіе, сводились знакомства, одно воспоминаніе о которыхъ заставляетъ теперь чрезъ 30 лѣтъ съ лишнимъ радостно биться сердце. Такимъ то образомъ и я, тогда первокурсникъ-филологъ, познакомился съ симпатичнымъ послѣднекурсникомъ естественникомъ Андреемъ Красновымъ, уже тогда, какъ золотой медалистъ и человѣкъ, побывавшій въ ученой командировкѣ, крупной среди студенчества величиною. Помню, меня, классика, чрезвычайно поразили удивительное знаніе греческаго языка и его литературы у естественника

Краснова и та восторженность, съ которою сей по тогдашнему «матеріалистъ» говорилъ о памятникахъ античнаго міра. Эта бесѣда насъ очень сблизила, но вскорѣ затѣмъ Красновъ, окончивъ блестяще курсъ, уѣхалъ за границу, и пути наши разошлись на очень продолжительное время, чему не мало способствовало различіе нашихъ спеціальностей.

Много, много лѣтъ спустя мнѣ, преподавателю исторіи одного изъ среднеучебныхъ заведеній Петрограда, издательская фирма «Просвѣщеніе» предложила перевести на русскій языкъ извѣстный географическій трудъ проф. Сиверса «Азія». По заведенному у фирмы обычаю каждый переводъ украшался именемъ не всегда фактическаго и далеко иногда незнаменитаго ученаго. Важно было, чтобы на обложкѣ красовались слова «подъ редакціею профессора или приватъ-доцента NN». Не будучи спеціалистомъ по географіи, я старался найти для своего перевода дѣйствительно редактора съ настоящимъ именемъ, обращался къ Воейкову и нѣкоторымъ другимъ и совершенно забылъ объ А. Н. Красновѣ, тогда профессорствовавшемъ въ Харьковѣ. Не помню, кто мнѣ указалъ на него, только въ отвѣтъ на мое офиціальное письмо я получилъ столь же офиціально-любезное согласіе взять на себя редактированіе моего перевода «Азіи». Но уже послѣ первыхъ печатныхъ листовъ А. Н. написалъ мнѣ, что я, какъ весьма опытный переводчикъ, ни въ какомъ редакторѣ не нуждаюсь и что онъ, Красновъ, считаетъ свой трудъ, вѣрнѣе, свою подпись фиктивною, а потому сдѣлаетъ соотвѣтствующее заявленіе издательской фирмѣ. Послѣдняя, однако, настойчиво просила А. Н. продолжать числиться редакторомъ. Однако, когда за выпускомъ «Азіи» Сиверса послѣдовало предложеніе перевести «Австралію, Полинезію и Арктическія страны» того же Сиверса и проф. Кюкенталя, А. Н. наотрѣзъ отказался *редактировать*, но зато охотно взялся написать къ моему переводу нѣсколько дополнительныхъ спеціально-ботаническихъ приложеній. Такъ эта книга и вышла безъ редактора, но съ дополненіями профессора Харьковскаго университета Краснова. За тѣ три года, что шелъ переводъ названныхъ двухъ сочиненій, я лишь одинъ разъ видѣлся съ проф. Красновымъ, именно въ 1902 или въ 1903 году. Красновъ тогда пріѣзжалъ въ Петроградъ по дѣламъ, заглянулъ попутно и ко мнѣ. Такъ какъ онъ очень спѣшилъ, то нашъ разговоръ носилъ чисто-дѣловой характеръ. Но меня поразила въ А. Н. его жизнерадостность и энергія, а также неизмѣнная ласковость и привѣтливость.

Прошелъ рядъ лѣтъ, и я оказался въ Батумѣ. Во время своего визита А. Н. Краснову я былъ пораженъ перемѣною, происшедшею съ нимъ за какихъ-нибудь 8—9 лѣтъ. Предо мною былъ больной старикъ, жаловавшійся на боли въ ногѣ, съ трудомъ передвигавшійся по комнатѣ, да и то при помощи палки. Но ласковая привѣтливость и свѣтящаяся въ глазахъ доброта оставались прежними. Должно быть, и я не мало измѣнился за истекшіе годы: на прощанье А. Н. вспомнилъ о своемъ сотрудничествѣ со мною, но принялъ меня за моего брата-ботаника (А. Генкеля). Когда же я выяснилъ ему его ошибку, онъ былъ искренно радъ, что рядомъ съ нимъ поселился человѣкъ, близкій ему по духу и интересамъ. Тутъ же А. Н. повѣдалъ мнѣ, что прибылъ въ Батумъ за полгода до меня и рѣшилъ, бросивъ Харьковъ и профессуру, навсегда поселиться въ Батумѣ, въ которой онъ «влюбленъ».

Съ тѣхъ поръ почти не проходило дня, чтобы мы не видѣлись съ А. Н. Когда послѣ перваго офиціальнаго визита профессора къ намъ, ледъ перваго знакомства растаялъ, Красновъ очень часто проводилъ въ моей семьѣ долгіе вечера, и эти вечера съ ихъ бесѣдами о прошломъ и планами насчетъ будущаго навсегда останутся памятными намъ.

Въ то время покойный Красновъ особенно нуждался въ любовномъ къ нему отношеніи; съ одной стороны, болѣзнь, съ другой — множество разочарованій какъ по Харьковской профессурѣ, такъ и по тому дѣлу, ради котораго онъ перебрался въ Батумъ, очень тяжело отражались на его психикѣ. Но завзятый оптимистъ, А. Н. удовлетворялся малѣйшею удачею или одною надеждою на нее, чтобы сразу вновь воспрянуть духомъ и вернуть себѣ прежнюю жизнерадостность. Вотъ въ эти-то тяжелыя времена проф. Красновъ блестяще доказалъ, что трудъ—панацея отъ всѣхъ напастей. Несмотря на больную ногу, не взирая на общее недомоганіе, онъ со всѣмъ пыломъ, свойственнымъ его сангвинической натурѣ, отдался осуществленію своей завѣтной мечты—созданію образцоваго и единственнаго въ своемъ родѣ батумскаго субтропическаго ботаническаго сада. Уже съ самыхъ первыхъ шаговъ покойному пришлось преодолѣть рядъ неимовѣрныхъ трудностей, почти непреодолимыхъ на первый взглядъ. Не только не нашлось мѣста для будущаго ботаническаго сада, но и самая мысль о необходимости таковаго не встрѣчала почти никакого сочувствія ни въ Петроградѣ, въ Главномъ управленіи земледѣлія, ни даже въ Батумѣ среди мѣстной интеллигенціи и плантаторовъ-піонеровъ. Отраднымъ исклю-

ченіемъ являлся лишь военный губернаторъ Батумской области, тогда полковникъ, нынѣ ген.-маіоръ Б. С. Романовскій-Романько. Этотъ выдающійся администраторъ и основательный знатокъ условій Батумской области, человѣкъ, глубоковѣрующій въ грандіозное будущее управляемой имъ области и просто-таки влюбленный въ нее, всѣми силами старался поддержать А. Н. въ его благихъ начинаніяхъ и способствовать осуществленію его завѣтныхъ стремленій. И можно безъ преувеличенія сказать, что, не будь Б. С. Романовскаго, мысль о батумскомъ садѣ такъ, вѣроятно, и осталась бы утопіею.

Другимъ лицомъ, много помогавшимъ А. Н., былъ великобританскій консулъ въ Батумѣ г. Стивенсъ. Чрезъ его любезное посредство покойный профессоръ ускорялъ выписку изъ-за границы необходимыхъ для сада растеній и при его помощи справлялся съ тою частью редактировавшагося Красновымъ періодическаго изданія «Русскіе Субтропики», которая на англійскомъ языкѣ давала резюмэ русскаго отдѣла книжекъ, дѣлая послѣднія такимъ образомъ интересными не только для мѣстнаго общества, но и за границею. Послѣ огромной переписки и нѣсколькихъ личныхъ посѣщеній министровъ въ Петроградѣ удалось, наконецъ, заполучить безвозмездно отъ Главнаго управленія земледѣлія и Управленія Удѣловъ подходящій и давно уже облюбованный имъ подъ ботаническій садъ участокъ земли между станціями Зеленый Мысъ и Чаква. Участокъ этотъ, площадью до 67 десятинъ, подходитъ къ самому морю и пересѣкается по окраинѣ желѣзнодорожнымъ путемъ. Въ то время онъ, за малыми исключеніями, былъ почти сплошь покрытъ густымъ лѣсомъ и только юго-западный склонъ его покато и мягко спускается къ побережью. Цѣнность участка опредѣляется не только его величиною и близостью къ морю, но главнымъ образомъ его природными качествами, его изрѣзанностью, красотою и близкимъ сосѣдствомъ съ Батумомъ (18 верстъ) и Чаквою съ ея плантаціями и чайною фабрикою.

Съ энергіею 25-лѣтняго юноши А. Н. приступилъ къ окультивированію участка и подготовкѣ его. Для этого необходимы были не только большія деньги, но и сочувствіе мѣстнаго общества. Первыхъ не было, второе приходилось искусственно создавать путемъ личныхъ бесѣдъ, печати, рѣчей въ засѣданіяхъ мѣстнаго сельскохозяйственнаго общества, товарищемъ предсѣдателя котораго А. Н. былъ избранъ вскорѣ послѣ своего прибытія въ Батумъ. И на все это хватало силъ и времени у больного А. Н. Буквально съ утра до вечера онъ былъ занятъ

то на участкѣ, то въ обществѣ, то у себя въ кабинетѣ. Одна переписка, которую велъ тогда почти самолично покойный, могла бы другого человѣка поглотить цѣликомъ. Онъ же ей посвящалъ досуги между дѣлами. А тутъ Сельскохозяйственное общество поручило А. Н. еще редактированіе «Русскихъ Субтропиковъ». Бѣда была въ томъ, что это запущенное изданіе[1]) приходилось ставить вновь, привлекать къ нему сотрудниковъ, возиться съ типографіею, бумагою, клише etc., однимъ словомъ, быть одновременно и редакторомъ, и издателемъ, и сотрудникомъ, и переводчикомъ, и компиляторомъ, и секретаремъ, и корректоромъ изданія... и все это при почти полномъ отсутствіи денежныхъ средствъ. И А. Н., по обыкновенію, съ честью вышелъ изъ создавшагося труднаго положенія: при немъ журналъ былъ и содержателенъ, и разнообразенъ, и полезенъ, и выходилъ въ смыслѣ аккуратности почти образцово въ свѣтъ. Большинство книжекъ того времени почти сплошь принадлежатъ перу покойнаго. Кромѣ множества замѣтокъ, рецензій, рефератовъ, проф. Красновъ далъ за одинъ лишь 1912 годъ на столбцахъ названнаго изданія такія цѣнныя статьи, какъ «Батумскій ботаническій садъ и его задачи», «Японія, какъ главнѣйшій источникъ заимствованія изъ странъ Дальняго Востока», «Южная Колхида и ея мѣсто среди другихъ субтропическихъ областей земного шара», «Пеканъ, его культура и будущность въ Колхидѣ», «Японскій орѣхъ», «Хинное дерево и возможность его разведенія въ Батумскомъ краѣ» и мн. др.

Когда почва была достаточно подготовлена и участокъ для сада полученъ, А. Н. рѣшилъ показать мѣстному населенію всю красоту и цѣнность батумской флоры. По его иниціативѣ и подъ его личнымъ руководствомъ расширился и расцвѣлъ городской питомникъ, улицы и дороги города были обсажены благородными лаврами, пальмами и другими растеніями, замѣнившими обычные на югѣ пирамидальные тополя и т. д. Все это устраивалось, такъ сказать, «между дѣломъ». Все его вниманіе было обращено на созданіе ботаническаго сада, который въ какихъ-

---

[1]) Какъ мелкій, но характерный для богатой натуры А. Н. фактъ слѣдуетъ отмѣтить, что, начавши принимать близкое участіе въ названномъ изданіи, онъ сейчасъ же измѣнилъ, во-первыхъ, его первоначальное шаблонное названіе «Батумскій Сельскій Хозяинъ» на болѣе яркое — «Русскіе Субтропики» и, во-вторыхъ, обложку, которая, постепенно улучшаясь, въ послѣдній (1914) годъ редактированія Краснова пріобрѣла чрезвычайно художественный видъ, будучи украшена красивой, въ нѣсколько красокъ, виньеткой Батумскаго побережья. *Ред.*

нибудь 10—11 мѣсяцевъ превзошелъ всѣ самыя смѣлыя ожиданія: тамъ возникли законченные отдѣлы японскій, сѣвероамериканскій, флоридскій, не говоря уже о прокладкѣ массы дорогъ, расчисткѣ лѣсовъ, устройствѣ водоснабженія и т. д. [1]). А. Н. буквально жилъ въ этомъ саду, нерѣдко ночуя въ наскоро сколоченномъ домѣ-сараѣ, поднимаясь съ рабочими (турками и аджарцами) часто до зари и ложась глубокою ночью. И все это въ больномъ состояніи. Но покойный не чувствовалъ за фанатически любимымъ дѣломъ ни физической боли, ни нравственныхъ страданій. Уходя съ головою въ свою работу, онъ только изрѣдка позволялъ себѣ «роскошь», отдыхъ въ кругу немногочисленныхъ друзей. И тутъ, этотъ бодрый, жизнерадостный ученый, выдающійся ботаникъ и географъ, становился прямо-таки обаятельнымъ. Гдѣ бы онъ ни появлялся, тамъ немедленно воцарялось оживленіе и радость. Великолѣпный разказчикъ, человѣкъ съ огромнымъ запасомъ юмора, А. Н. становился центромъ всего вниманія, сѣя вокругъ себя энергію, силу, свѣтъ.

Еще неоцѣнимѣе былъ покойный въ задушевныхъ дружественныхъ бесѣдахъ съ глазу на глазъ. Тутъ воспоминанія дѣтства и юности лились широкою рѣкою. Часы незамѣтно пролетали, перенося насъ въ свѣтлое далекое прошлое, и мы переживали еще разъ всѣ наши идеалистическія упованія и надежды юности.

Слушая Краснова въ такія минуты, поневолѣ забывалъ, что говоришь съ знаменитостью, съ человѣкомъ, обладающимъ европейски извѣстнымъ именемъ, съ выдающимся ученымъ, которому шелъ шестой десятокъ. Поневолѣ въ памяти вставалъ чарующій образъ Краснова—студента во всей его юношеской прелести...

А. Н., какъ будто предчувствуя скорую кончину, торопился работать. Онъ не разъ признавался мнѣ, что, если бы было возможно, онъ поступилъ бы вольнослушателемъ на филологическій факультетъ. Это неудивительно, если вспомнить изумительныя лингвистическія способности покойнаго: онъ свободно читалъ, писалъ и говорилъ на 4 европейскихъ языкахъ, безъ затрудненія читалъ латинскіе и греческіе тексты, превосходно изучилъ (теоретически) грузинскій и турецкій языки, переводилъ грузинскія стихотворенія размѣромъ подлинника на русскій языкъ. По-грузински онъ даже говорилъ довольно сносно.

---

[1]) Подробнѣе о Батумскомъ садѣ я уже писалъ въ другомъ мѣстѣ (см. «Естеств. и Геогр.», 1915, № 1 и «Пермск. Вѣд.» 1915, № 9).

Попутно не могу не упомянуть объ одной характерной чертѣ покойнаго, его чрезвычайной деликатности. Зная, напр., что у меня живетъ одинъ очень бѣдный грузинъ, бывшій ученикъ мой, готовившійся на аттестатъ зрѣлости, А. Н. немедленно предложилъ юношѣ давать ему, профессору, уроки грузинскаго языка. Хотя, какъ мнѣ потомъ разсказывалъ самъ А. Н., проку отъ этихъ занятій и не было никакого, ординарный профессоръ терпѣливо занимался по три раза въ недѣлю у своего юнаго ментора-гимназиста съ единственною цѣлью помочь послѣднему.

Другой фактъ того же порядка: какъ то ѣдемъ мы съ А. Н. по желѣзной дорогѣ въ Ботаническій садъ. На полустанкѣ въ вагонъ входитъ одинъ нашъ общій знакомый, считающій себя выдающимся сельскимъ хозяиномъ и знатокомъ мѣстныхъ условій. Въ разговорѣ съ А. Н. г. Х., человѣкъ грубоватый и мало сдержанный, начинаетъ понемногу повышать тонъ и, наконецъ, на весь вагонъ кричитъ на профессора. Послѣдній съ обычною милою улыбкою вяло отвѣчаетъ на неприличную по формѣ и нелѣпую по содержанію аргументацію собесѣдника. Меня это взорвало, но я не счелъ себя въ правѣ, какъ не спеціалистъ, вмѣшиваться въ дѣло.

Вечеромъ того же дня, когда я въ интимной бесѣдѣ съ А. Н., указалъ ему на недостаточность отпора нахалу, Красновъ, застѣнчиво улыбаясь, отвѣтилъ мнѣ: «А скажите, Г. Г., развѣ я *не слишкомъ рѣзко* отвѣтилъ сегодня Х. Мнѣ казалось, что я былъ *очень несдержанъ* (!)». А. Н. боялся обидѣть наглеца.

Всѣмъ хорошо знавшимъ А. Н., вѣроятно, извѣстенъ фактъ, какъ онъ лѣчилъ свой здоровый глазъ, вмѣсто больного, у знаменитости, ошибавшейся по разсѣянности, не сказавъ знаменитости о происшедшей ошибкѣ, и все это съ единственною цѣлью не обидѣть окулиста... И такихъ случаевъ въ жизни А. Н. былъ, вѣроятно, не одинъ десятокъ.

Въ заключеніе остается сказать нѣсколько словъ о проф. Красновѣ, какъ учителѣ географіи въ мѣстной гимназіи. Видя мои старанія поднять воспитательную и учебную часть батумской гимназіи, покойный А. Н., несмотря на страшную занятость, предложилъ мнѣ помочь въ этомъ дѣлѣ и любезно согласился принять на себя преподаваніе въ двухъ младшихъ классахъ. Естественно, что я ему былъ за это безконечно благодаренъ, тѣмъ болѣе, что А. Н. объявилъ мнѣ о своемъ рѣшеніи повести преподаваніе географіи не по шаблону, а по нормамъ и способамъ, имъ лично выработаннымъ, такимъ, гдѣ работѣ памяти отводилось послѣднее, работѣ же мозга—первое мѣсто.

Я охотно согласился и результатъ получился, какъ и слѣдовало ожидать, блестящій: мальчики не только легко и прочно усваивали даваемыя имъ свѣдѣнія, но съ чрезвычайнымъ увлеченіемъ относились къ урокамъ «нашего профессора», какъ они любовно именовали Андрея Николаевича. Правда, послѣднему, приходилось иногда и повоевать съ тѣмъ или инымъ шалуномъ, но памятуя, что имѣетъ дѣло съ южанами, А. Н. относился къ проявленіямъ ребяческой живости болѣе, чѣмъ добродушно и благожелательно. Неудивительно, что юная аудиторія боготворила своего знаменитаго учителя, среди обширныхъ и многообразныхъ дѣлъ своихъ, нашедшаго время и силы и для нихъ малыхъ сихъ. Но еще сильнѣе было воспитательное и образовательное вліяніе А. Н. на учениковъ старшихъ классовъ гимназіи. Тутъ, въ еженедѣльно происходившихъ (по субботамъ, послѣ всенощной) рефератныхъ собраніяхъ ученическаго физико-математическаго общества, профессоръ неоднократно выступалъ съ докладами и лекціями, буквально очаровывая многочисленную аудиторію. На эти собранія, кромѣ учащихся, мною допускались и нѣкоторыя постороннія лица, интересующіяся соотвѣтственными вопросами и, такимъ образомъ, въ скромномъ и тихомъ Батумѣ творилась большая культурная работа, давались толчки къ серьезной научной дѣятельности. Когда бывало кто-либо изъ молодыхъ преподавателей или наилучшихъ учениковъ выступалъ съ возраженіями противъ положеній Краснова (находились и такіе смѣльчаки), А. Н. прямо-таки гордился этимъ и со свойственнымъ ему одному мастерствомъ въ блестящей популярной формѣ пояснялъ свои мысли. Онъ нерѣдко признавался мнѣ, что въ Харьковѣ у него было ужъ не такъ много настолько дѣльно подготовленныхъ слушателей, какъ въ Батумѣ...

Этихъ немногихъ строкъ, конечно, недостаточно, чтобы сколько-нибудь исчерпывающе охарактеризовать дѣятельность покойнаго Краснова въ Батумѣ. Объ его работѣ тамъ можно было бы написать цѣлый объемистый томъ. Но мнѣ кажется, что и настоящей бѣглой замѣтки достаточно, чтобы послужить хоть маленькимъ вѣночкомъ на могилѣ наиболѣе выдающагося батумца, великаго работника и чуднаго человѣка—незабвеннаго, дорогого профессора Андрея Николаевича Краснова.

Германъ Генкель.

Проф. А. Н. Красновъ въ личной жизни.

(Изъ воспоминаній).

Не стало проф. Андрея Николаевича Краснова! Такъ коротко и просто звучатъ эти слова для лицъ не знавшихъ покойнаго; и какъ много остраго чувства тяжелой утраты они вызываютъ въ тѣхъ, кто близко зналъ его! Для нихъ это былъ человѣкъ въ полномъ смыслѣ слова «не отъ міра сего», полный увлекательнаго стремленія къ лучшей, одухотворенной жизни, глубокой идеалистъ, всю жизнь остававшійся имъ. Всю жизнь онъ стремился помогать другимъ подняться надъ уровнемъ темнаго, неосмысленнаго существованія и проводилъ это какъ въ широкой просвѣтительной дѣятельности, такъ и въ частныхъ личныхъ отношеніяхъ. Формальная дѣятельность и стремленіе къ устройству личнаго благополучія его тяготили. Въ силу этого онъ чувствовалъ себя чуждымъ окружающимъ, видѣлъ, что расходится съ ними въ многомъ. Его тяжело удручало исчезновеніе идеализма среди университетской молодежи, передъ которой ему приходилось читать лекціи. А. Н. испытывалъ духовное одиночество и постоянно искалъ выхода изъ него въ кипучей культурно-просвѣтительной работѣ. Въ теченіе ряда лѣтъ онъ находилъ удовлетвореніе въ своемъ дѣтищѣ—курсахъ для рабочихъ. Ему чувствовалось, что здѣсь его понимаютъ и что здѣсь онъ дѣйствительно полезенъ. Но время шло, мѣнялось настроеніе умовъ, мѣнялись люди. Курсы отошли на задній планъ... А. Н. снова приступилъ къ поискамъ выхода изъ тяготившей его атмосферы и въ результатѣ сдѣлалъ свой послѣдній рѣшительный шагъ: покинулъ университетъ и переселился на Кавказъ, чтобы отдаться здѣсь осуществленію своего грандіознаго, давно вынашеннаго проекта — создать садъ, который долженъ былъ преобразить наши черноморскіе субтропики и сдѣлаться ихъ центральнымъ пунктомъ.

Съ этого момента для А. Н. началась новая жизнь. Нужно было видѣть, чтобы оцѣнить то увлеченіе и юношескую энергію, съ какой принялся онъ за дѣло! Онъ работалъ безъ отдыха, словно, куда-то спѣшилъ, торопился. И дѣйствительно, за одинъ

годъ нельзя было узнать еще недавно дикаго мѣста. Тамъ, гдѣ раньше стояли непролазныя заросли папоротника и перепутывались колючія ліаны, теперь всюду были проложены дороги, расчищены поляны, заложены главнѣйшія насажденія.

Еще черезъ годъ, когда я снова посѣтилъ А. Н. въ Батумѣ, садъ въ важнѣйшихъ чертахъ былъ уже готовъ. Но А. Н., несмотря на это, продолжалъ еще больше торопиться, попрежнему живя своимъ созданіемъ. Напряженная работа отражалась на его здоровьѣ, но на замѣчанія окружающихъ по этому поводу онъ, шутя, отвѣчалъ, что ему осталось немного жить и что онъ долженъ закончить всѣ работы, хотя бы вчернѣ, и тогда только сможетъ спокойно умереть. И А. Н. дѣйствительно, какъ-будто предчувствовалъ близость рокового часа...

Было однажды воскресенье... Погода выдалась особенно хорошая, какая не такъ часто бываетъ въ Батумѣ. Солнце щедро посылало свои горячіе лучи на землю. Въ воздухѣ было тихо, жарко, парило... Покойный А. Н., идя со мною, восхищался днемъ, замѣчая неоднократно, что такъ бываетъ только въ субтропическихъ странахъ. Мы обошли съ нимъ почти весь садъ; наконецъ, пошли по Гималайскому отдѣлу, достигли недавно устроенной аллеи изъ пальмъ, въ концѣ которой была устроена куртина изъ кактусовъ, любимаго растенія А. Н. Влѣво отъ аллеи, чуть выше клумбы съ кактусами, на красивомъ холмикѣ была расчищена площадка, пока ничѣмъ не засаженная. Обратившись въ сторону этой площадки, А. Н. сказалъ: «Вотъ мѣсто моей могилы. Когда я умру, здѣсь должны меня похоронить, чтобы отсюда я могъ видѣть садъ и его окрестности».

На мои слова, что нельзя говорить такъ, что онъ долженъ жить и будетъ еще жить, А. Н., шутя, возразилъ: «Нѣтъ, мнѣ предсказано, что я скоро долженъ умереть». При этихъ словахъ мы взошли на названный холмикъ. «Видишь ли — сказалъ онъ мнѣ — какой отсюда открывается чудный видъ?» «Вижу» — сказалъ я. На западъ, прямо у нашихъ ногъ, какъ съ птичьяго полета, виднѣлась часть ботаническаго сада съ его извилистыми дорогами и насажденіями. За садомъ тянулось удѣльное имѣніе Чаква съ рощами бамбука, криптомерій, съ группами высокихъ, темнолистыхъ, вѣчнозеленыхъ эвкалиптовъ, плантаціями цитрусовъ и чая. Еще дальше чуть виднѣлся Цихисъ-дзирскій мысъ, за которымъ только въ ясную погоду можно видѣть весь Кавказскій хребетъ со снѣжными вершинами, спускающійся какъ бы прямо въ море. На востокъ виденъ былъ Зеленый мысъ, Батумъ съ его чудной бухтой, а за Батумомъ Анатолій-

скія горы. На сѣверъ отъ насъ лежали горы Аджаріи, невысокія, покрытыя пышной дѣвственной растительностью. Въ южномъ направленіи простиралось, кажущееся безграничнымъ, тихое, сверкающее подъ лучами солнца, Черное море — древній Понтъ. Казалось, что вокругъ этого мѣста нарочно соединились всѣ красоты природы въ самыхъ богатыхъ, разнообразныхъ и причудливыхъ сочетаніяхъ. Море и горы, холмы, долины и рѣки, Батумъ и Зеленый мысъ. Сюда доносился плескъ морскихъ волнъ, тутъ слышенъ говоръ горныхъ ключей, пѣніе ютящихся въ заросляхъ птицъ. Отсюда видны уходящіе и приходящіе въ Батумъ пароходы и поѣзда, слышны гудки пароходовъ, свистки проходящихъ поѣздовъ...

И долго мы стояли вмѣстѣ и смотрѣли вдаль, подавленные сказочными видами, открывавшимися съ холмика. Предчувствіе А. Н., къ сожалѣнію, сбылось даже неожиданно скоро... И сейчасъ не хочется вѣрить, что на томъ холмѣ онъ не живой стоитъ, а лишь прахъ его покоится среди ласковой природы «русскихъ субтропиковъ», на лонѣ которой вѣчно мятущійся высокій духъ его нашелъ себѣ послѣднее удовлетвореніе!

І. Чепурный.

Изъ прошлаго.

(Отрывки изъ воспоминаній объ А. Н. Красновѣ).

I.

.... За немногія недѣли до смерти я видѣлъ А. Н. Краснова въ Петроградѣ. Больной, какъ мнѣ кажется теперь, уже ясно чувствовавшій приближеніе неизбѣжнаго намъ всѣмъ конца, А. Н. былъ у меня передъ своимъ отъѣздомъ на Кавказъ. Ему и хотѣлось, и тяжело было туда ѣхать. Тревожила мысль о судьбѣ дорогого ему ботаническаго сада, который только передъ войной, казалось, окончательно началъ выливаться въ опредѣленное созданіе, отвѣчавшее старымъ мечтамъ и долгимъ надеждамъ. И война грозила разрушить все. Пробираясь съ большимъ трудомъ и большими страданіями долгимъ кружнымъ путемъ изъ Парижа въ Петроградъ, онъ все время думалъ о полномъ крушеніи дорогого ему дѣла—правда, мелкой песчинкѣ въ вихрѣ міровой катастрофы, но съ ней была связана его личная мысль и личная воля. Лишь здѣсь въ Петроградѣ онъ узналъ о томъ, что война не разрушитъ и не измѣнитъ предположенной организаціи сада. Но онъ все-таки ѣхалъ въ Батумъ въ тревожномъ настроеніи; онъ глубоко и сильно переживалъ міровую трагедію, понималъ больше другихъ всю огромность начавшейся исторической развязки. Вопросъ отношенія расъ и въ частности вопросы о нѣмецкой колонизаціи интересовали его давно. Я нахожу слѣды этихъ интересовъ въ своихъ гимназическихъ воспоминаніяхъ, въ старой юношеской перепискѣ—а позже, съ начала 1890-хъ годовъ, вновь нѣмецкій Drang nach Osten рисовался ему въ стихійно-фантастическихъ формахъ; онъ былъ въ ужасѣ отъ, казалось ему, систематической организованности нѣмецкихъ колоній въ Россіи, въ жизни которыхъ онъ видѣлъ сознательный планъ чужой государственной организаціи. Жизнь въ Харьковѣ, поѣздки на югѣ Россіи заставили его внимательнѣе всмотрѣться въ происходящее внѣдреніе въ русскую жизнь чужероднаго, сильнаго культурой, трудомъ и организаціей племени, въ которомъ онъ съ юности видѣлъ величайшую опасность для родины—опасность, не сознаваемую русскимъ обще-

Проф. А. Н. Красновъ въ группѣ съ дѣятелями и слушателями рабочихъ курсовъ.

ствамъ и создаваемую работой самой правительственной власти. А. Н. выступалъ тогда и въ печати съ предостереженіями, мысль объ этомъ его тревожила и мучила годами. Именно она сдѣлала изъ него человѣка оппозиціоннаго настроенія. Въ молодости, въ разгаръ живыхъ политическихъ и соціальныхъ интересовъ молодежи того времени, А. Н. оставался чуждъ этимъ вопросамъ, былъ аполитикомъ по современному выраженію, сторонникомъ чистой культурной работы. И среди всѣхъ другихъ болѣе крупныхъ и глубокихъ явленій, направившихъ его сверстниковъ къ политическимъ и общественно-политическимъ интересамъ и обязанностямъ, къ борьбѣ за освобожденіе—для А. Н. поводомъ перелома его политическихъ воззрѣній явилось чуждое широкимъ кругамъ общества сознаніе внутренней нѣмецкой опасности, пониманіе роли правительства того времени въ ея созданіи. Я живо помню то впечатлѣніе, какое тогда, много больше 20 лѣтъ тому назадъ, произвело на него это бытовое явленіе русской жизни. Онъ весь былъ въ ужасѣ, страхѣ, негодованіяхъ, преувеличеніяхъ, принималъ логическія, возможныя слѣдствія за реальные факты. Какъ наблюдатель быта—географъ въ широкомъ смыслѣ этого слова, онъ подошелъ случайно къ этому явленію и вдругъ увидѣлъ сознательный по злой волѣ или стихійный, поддерживаемый по легкомыслію, процессъ въ жизни родного народа, къ которому онъ уже въ дальнѣйшемъ не могъ относиться, какъ чуждый текущихъ волненій ученый изслѣдователь. Въ разговорахъ того времени съ А. Н. объ этой нѣмецкой опасности мнѣ живо помнятся бывшія у меня за много мѣсяцевъ или немного лѣтъ передъ тѣмъ яркія впечатлѣнія отъ разговоровъ съ другимъ крупнымъ русскимъ человѣкомъ, историкомъ быта и народныхъ массъ, пришедшимъ къ тѣмъ же выводамъ въ гораздо болѣе глубокихъ, сильныхъ и стройныхъ рамкахъ, чѣмъ къ какимъ пришелъ къ нимъ А. Н. Это былъ М. П. Драгомановъ, впервые въ своихъ замѣчательныхъ статьяхъ, болѣе 40 лѣтъ тому назадъ, обратившій вниманіе русскаго общества на происходившій сознательно-стихійный процессъ на грани двухъ крупныхъ національныхъ единицъ, видный для него на протяженіи вѣковъ и являвшійся факторомъ, ярко вліявшимъ на ходъ исторіи. Историкъ и натуралистъ-географъ, рѣзко отличные и по личному характеру, и по кругу своихъ интересовъ, и по глубинѣ философско-политическаго образованія, сошлись въ оцѣнкѣ этого событія и для обоихъ сознаніе его значительности, непонятное тогда окружающимъ, сыграло огромную роль во всемъ ихъ политико-общественномъ міровоззрѣніи и въ ихъ созна-

тельной жизни въ обществѣ. А. Н. впервые на этомъ вопросѣ познакомился съ работами и мыслями Драгоманова. Драгомановъ не дожилъ до 1914 года; но передъ А. Н. этотъ годъ открылъ заволоченную туманомъ бездну; для него стало реальностью то, чего онъ страшился, что предвидѣлъ и чему боялся вѣрить. Въ развертывавшихся событіяхъ, грандіозныхъ и сами по себѣ, онъ сразу почувствовалъ и то еще болѣе страшное, чего въ нихъ, можетъ быть, и нѣтъ, но что онъ себѣ давно логически, въ образномъ чувствѣ художника, столь въ немъ сильномъ, рисовалъ въ формахъ вѣковѣчной исторической стихійной борьбы двухъ племенъ, спорящихъ за мѣсто на солнцѣ, борьбѣ, въ которой по ея стихійности, онъ не видѣлъ соглашенія.

Передъ усталымъ жизнью, больнымъ человѣкомъ встали грозныя видѣнія, давно глубоко проникшія его живую личность и напрягавшія его силы; они какъ бы становились реальностью. Впечатлѣніе войны было для него слишкомъ сильно...

Но и здѣсь онъ не забылъ другихъ привычныхъ для ученаго интересовъ науки, которой онъ отдалъ всю свою жизнь. Нашъ послѣдній разговоръ былъ болѣе далекъ отъ грозныхъ событій дня. Онъ былъ направленъ на организацію русской науки. Лѣтомъ я прочелъ интересную книгу Оливера The makers of Britisch botany и меня заинтересовала въ біографіи англійскихъ ботаниковъ ярко сквозившая отдѣльность развитія ботаники въ Англіи отъ ея развитія на континентѣ, съ одной стороны, и съ другой—рѣзкое отраженіе поколѣніями въ ихъ научной работѣ мірового характера англійской государственной организаціи, того, что мы наблюдаемъ и въ работѣ нѣмецкихъ натуралистовъ въ отличіе отъ работы русскихъ натуралистовъ за послѣднее столѣтіе. Мы не выходили почти за предѣлы Евразіи, англичане и нѣмцы издавна изучали и тропики, и полярныя страны, не оставляли безъ вниманія ни одной страны... Ихъ имена встрѣчаются всюду. Флора всего міра подвергалась на мѣстѣ ихъ изученію. А. Н. съ молодости стремился къ тропикамъ; и въ Россіи въ Батумѣ онъ пытался создать уголокъ природы, столь чуждой привычкамъ и познаніямъ русскихъ натуралистовъ, работающихъ въ области описательнаго естествознанія. Онъ ярко и сильно чувствовалъ то значеніе, которое для развитія русской науки должно имѣть болѣе обычное и болѣе доступное проникновеніе въ новую для насъ зону въ подтропическую природу. Книга Оливера его не удовлетворяла, и онъ считалъ, что она мало даетъ ему новаго и не передаетъ всей оригинальности англійскихъ ботаниковъ систематиковъ въ области географіи

растеній, въ которой онъ самъ былъ самостоятельнымъ мыслителемъ. Это былъ нашъ послѣдній разговоръ—о будущей организаціи русской науки, о необходимости болѣе планомѣрнаго расширенія географической области ея изученія, проникновенія ея въ новыя страны, въ частности, въ области подтропической и тропической природы...

II.

Разговоръ этотъ—послѣднее общеніе съ ушедшимъ другомъ—страннымъ образомъ коснулся—въ другой обстановкѣ и въ другихъ формахъ—тѣхъ стремленій, которыя особенно сильно были у него, но захватывали и меня въ далекіе, съ трудомъ пробивающіеся въ воспоминанія, годы юности и молодости. Старыми мы коснулись въ послѣднемъ свиданіи видѣній молодости.

Еще въ гимназіи, болѣе 35 лѣтъ тому назадъ, когда я познакомился съ нимъ въ 1-ой Петербургской гимназіи, перейдя туда изъ Харьковской, мечты о тропической природѣ, страстное стремленіе ее видѣть и осязать, какъ проявленіе наиболѣе полное жизни, охватывали молодого юношу Андрея. Вижу овальное, очень смуглое лицо, съ ярко блистающими глазами, съ оригинальными медленными, но нервными движеніями, ясной, красивой рѣчью, залетавшей все дальше и дальше въ несбыточныя мечты подъ вліяніемъ развертыванія своихъ плановъ передъ слушателями. При этомъ онъ откидывался назадъ и очень своеобразно и высоко подымалась его голова. Онъ всегда былъ одной изъ тѣхъ натуръ, для которыхъ обсужденіе своихъ мыслей и плановъ и ихъ развертываніе передъ другими являлось одной изъ формъ творческаго мышленія. Объ этихъ планахъ онъ могъ говорить часами и здѣсь въ бесѣдѣ у него рождались и формулировались мысли и желанія...

Жизнь гимназистовъ и студентовъ того времени (1876—85) проходила въ «кружкахъ». Она скрывалась въ недозволенныхъ формахъ общенія, такъ какъ чрезвычайно рѣдко прорывалась въ явныя общества, къ которымъ мы привыкли послѣ 1905 г. Лишь, какъ исключеніе, въ немногихъ счастливыхъ случаяхъ, она вырывалась изъ рамокъ кружковъ въ открытыя «общества»—какъ это было для нашего студенческаго времени, гдѣ А. Н. принималъ участіе въ Студенческомъ научно-литературномъ обществѣ при Петербургскомъ университетѣ (1882—1887) и въ кружкѣ «Молодыхъ ботаниковъ», болѣе или менѣе легально собиравшихся при содѣйствіи проф. А. Н. Бекетова, подъ кровомъ Петербургскаго Общества Естествоиспытателей. Жизнь

и въ эпоху тяжелѣйшей реакціи всюду пробивалась сквозь обволакивавшій ее густой туманъ угнетенія и, какъ мы теперь видимъ, подготовляла неизбѣжныя новыя формы быта, болѣе отвѣчавшія второй половинѣ XIX вѣка, чѣмъ тѣ, какія могли свободно развиваться въ тогдашней Россіи. Эти нелегальныя организаціи въ огромномъ, подавляющемъ большинствѣ были чужды политики. Она проникала въ нихъ лишь иногда, подъ вліяніемъ внѣшняго угнетенія.

Гимназическая жизнь того времени, въ ея духовной сторонѣ, сосредотачивалась по классамъ въ кружкахъ, при чемъ тогда еще не было того общенія между разными классами учебнаго заведенія и разными учебными заведеніями, которое развилось позже и, въ концѣ-концовъ, достигло любопытныхъ и своеобразныхъ, обширныхъ организацій, не оставшихся, конечно, безслѣдными въ жизни русскаго образованнаго общества.

Нашъ классъ былъ своеобразенъ по своему составу и интересамъ. Въ немъ было нѣсколько сильныхъ и яркихъ индивидуальностей. Въ немъ была большая духовная жизнь, независимая отъ гимназическаго преподаванія. Преподаваніе въ общемъ стояло тогда очень низко, даже въ столичной гимназіи, гдѣ были отдѣльные недурные учителя (напр., учитель математики Г. П. Верещагинъ, священникъ о. М. Соколовъ) и во главѣ которой стоялъ порядочный человѣкъ и хорошій искренній классикъ (А. И. Чистяковъ). Главнымъ несчастіемъ являлся мертвый духъ преподаванія, огромное количество времени, которое тратилось на древніе языки, преподававшіеся исключительно плохо. Трудно помянуть это преподаваніе чѣмъ-нибудь хорошимъ, хотя среди учителей классическихъ мертвыхъ языковъ въ нашей гимназіи были лично порядочные люди, м. б. даже имѣвшіе познанія въ древнихъ языкахъ — но эти познанія они не могли передавать намъ, такъ какъ не умѣли говорить по-русски, не отличались умомъ и строго держались офиціальныхъ рамокъ программы, исказившей прекрасный великій міръ Эллады, ея науку, литературу, искусство, разрушившей тѣ стороны исторіи Рима, которыя до сихъ поръ живы въ нашей жизни. Гимназическое преподаваніе эпохи Толстого было классическимъ лишь по названію. Главнымъ несчастіемъ было то, что въ общемъ преподавателями древнихъ языковъ въ это время въ Россіи были или, какъ у насъ, чужіе люди, сторонніе русской жизни и интересовъ нашей страны и потому безсознательно добросовѣстно исполнявшіе антинаціональную офиціальную программу,

или чиновники-полицейскіе, которымъ никакого дѣла не было до идейныхъ заданій школы, болѣе или менѣе добросовѣстно исполнявшіе предписаніе такого же, какъ они, начальства. Несомнѣнно, другихъ исполнителей для полицейской классической системы Толстого и нельзя было найти. Въ первой гимназіи того времени, какъ я теперь вижу, въ общемъ было много лучше, чѣмъ въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ — былъ болѣе порядочный составъ преподавателей, не было тѣхъ безобразныхъ злоупотребленій властью, какія калѣчили наше поколѣніе въ другихъ мѣстахъ Россіи. Но наше отношеніе къ гимназіи было рѣзко отрицательное. Въ частности, преподаватели классическихъ языковъ, чехъ Ѳ. Зборилъ и нѣмецъ Э. Керберъ, безбожно калѣча русскій языкъ, съ которымъ, совершенно не зная его, обязаны были сравнивать формы языковъ греческаго и латинскаго, не смогли ничего внести въ нашу среду, хотя, страннымъ образомъ, матеріалъ класса былъ чрезвычайно благопріятенъ для классической школы. Въ его средѣ былъ живой интересъ и къ жизни, и къ культурѣ классическаго міра, и къ древнимъ языкамъ. Нѣкоторые изъ учениковъ знали много больше, чѣмъ сколько требовалось программами и, главное, знали *иначе*. Среди такихъ знатоковъ классическихъ языковъ вспоминается рано умершій, шедшій своимъ путемъ С. Ф. Энрольдъ, читавшій въ гимназіи классиковъ и увлекавшійся Августиномъ, автобіографію котораго онъ читалъ и перечитывалъ въ подлинникѣ. Былъ имъ и А. Н., увлекавшійся Геродотомъ, котораго онъ прочелъ въ гимназіи цѣликомъ въ подлинникѣ, и съ увлеченіемъ пытавшійся проникнуть въ картину былаго южной Россіи, которая такъ разно отъ современной представляется намъ изъ описаній древняго Грека, но въ которой мы можемъ и теперь уловить черты природы, оставшіяся неизмѣнными и въ его описаніяхъ. Къ нимъ позже вернулась научная мысль А. Н., вновь коснувшаяся въ этихъ работахъ умственныхъ впечатлѣній молодости. А. Н. живо чувствовалъ красоту древней литературы; онъ въ гимназическое время въ подлинникахъ читалъ Тацита, Цезаря, Ливія, Помпонія Мелу, поэтовъ, не въ тѣхъ только отрывкахъ, какими давала ихъ намъ школа. Для него это были живыя книги прошлаго, помогавшія ему въ интересахъ дня, какъ, напр., въ тѣхъ вопросахъ о расовой борьбѣ, которые, въ связи съ славянскимъ движеніемъ 1875 г., интересовали нѣкоторыхъ изъ насъ и сказывались въ нашихъ подпольныхъ гимназическихъ журнальныхъ разговорахъ.

Способность къ языкамъ А. Н. была очень велика. Онъ не зналъ иностранные языки въ тѣхъ предѣлахъ и въ тѣхъ формахъ, въ какихъ это было принято, правда, какъ уже исчезавшій пережитокъ, въ средѣ средняго русскаго дворянства того времени. Онъ изучалъ языкъ частью въ его строеніи, частью охватывалъ его какъ орудіе, открывавшее доступъ въ новыя области литературы и познанія. Въ гимназіи, кромѣ древнихъ языковъ, онъ направилъ свое вниманіе на языки финскій и шведскій, съ которымъ столкнули его лѣтнія, дачныя поѣздки въ Финляндію и въ населенныя финнами окрестности Петрограда И онъ выучился свободно самому трудному—финскому—языку, переводя въ стихахъ Калевалу. Стихомъ онъ владѣлъ недурно. Позже, уже въ университетѣ, онъ легко—для потребностей ученой работы—овладѣлъ другими, нужными ему, языками романской и германской группы.

Интересъ къ языкамъ сказался и въ чтеніи по языкознанію, которымъ мы пополняли мертвую гимназическую грамматику. А. Н. очень увлекался Максъ Мюллеромъ и колебался одно время между естествознаніемъ и языкознаніемъ.

Несомнѣнно, въ гимназическомъ классѣ онъ являлся самымъ яркимъ носителемъ того духа точнаго наблюденія и любви къ природѣ, который былъ совершенно выброшенъ офиціальной программой изъ преподаванія. Уже въ 4 и 5 классахъ онъ обладалъ большимъ знаніемъ окружающей природы, любилъ и умѣлъ наблюдать насѣкомыхъ, растить и опредѣлять растенія. Ранней весной начинались поѣздки въ окрестныя мѣста Петрограда — Шувалово, Удѣльную, Парголово, въ поискахъ за весенней флорой и за міромъ насѣкомыхъ. Въ нихъ дѣятельное участіе принималъ другой страстный натуралистъ Е. И. Ремезовъ, теперь докторъ медицины. Для меня эти стремленія были тѣмъ новымъ и большимъ, что дала мнѣ тогда гимназическая жизнь — ибо мои интересы въ это время были въ другой области—въ области философіи, исторіи, географіи, религіи, слав. языковъ. Страннымъ образомъ, стремленіе къ естествознанію дала мнѣ изуродованная классическая Толстовская гимназія, благодаря той внутренней, подпольной, неподозрѣвавшейся жизни, какая въ ней шла, въ тѣхъ случаяхъ, когда въ ея среду попадали живые, талантливые юноши натуралисты. Въ такихъ случаяхъ ихъ вліяніе на окружающихъ могло быть очень сильно, т. к. они открывали передъ товарищами новый живой міръ, глубоко важный и чудный, передъ которымъ совершенно блѣднѣло сухое и изуродованное преподаваніе офиціальной школы. Въ нашемъ классѣ такимъ

юношей натуралистомъ былъ Красновъ, уже тогда увлекавшійся ботаникой и энтомологіей, любившій и чувствовавшій живую природу. Онъ любилъ не только собирать коллекціи, онъ любилъ не только опредѣлять растенія и животныя — онъ любилъ наблюдать природу, какъ въ ея свободной обстановкѣ, такъ и устраивать террариі и акваріи. Яркими дѣтскими воспоминаніями сохранились въ моей жизни совмѣстныя весеннія и осеннія экскурсіи въ окрестности Петрограда — ловля жужелицъ и быстрыхъ Cicindella, сборы водяныхъ жуковъ, поиски рѣдкихъ растеній. Впервые въ нихъ, по нашей волѣ, а не въ средней школѣ по традиціонной выучкѣ старшихъ, какъ это должно было бы быть, открывался намъ одинъ изъ основныхъ источниковъ воспитанія и жизни — міръ природы, столь мало осознанный, къ сожалѣнію, русскимъ обществомъ. А. Н. издавалъ даже одно время въ 4 или 5 классѣ гимназіи рукописный энтомологическій журналъ, въ которомъ помѣщались наблюденія надъ жизнью насѣкомыхъ, какъ его собственныя, такъ и другихъ товарищей. Журналъ богато иллюстрировался... Съ А. Н. мы впервые занимались химіей, дѣлая опыты, не разъ, благодаря ему (экспериментаторъ онъ былъ нетерпѣливый), кончавшіеся взрывами къ ужасу домашнихъ.

Энтомологическій журналъ послужилъ началомъ журналамъ инаго типа, которые охватывали не только натуралистовъ. Одно время издавалось даже два журнала, затѣмъ слившіеся въ одно; въ нихъ помѣщались статьи научнаго и беллетристическаго содержанія. А. Н. былъ однимъ изъ дѣятельныхъ сотрудниковъ и редакторовъ; вскорѣ онъ перешелъ къ статьямъ критическаго и историческаго содержанія, которыя стали преобладать въ этихъ изданіяхъ. Черезъ года два ихъ существованія, журналъ попалъ въ руки инспекціи, былъ прекращенъ, хотя въ немъ не было почти никакой политики и въ то же время онъ являлся прекраснымъ противовѣсомъ тому теченію къ грубому разгулу, который былъ однимъ изъ выходовъ изъ полицейской формы школы.

Прекращеніе журнала совпало съ переходомъ нашимъ въ старшіе классы и съ образованіемъ кружка. Составъ гимназистовъ до извѣстной степени отражалъ составъ Петербургскаго общества того времени; это б. ч. были дѣти служилаго класса или людей вольныхъ профессій, въ большинствѣ съ не очень ясными и съ не очень сильными политическими настроеніями. Очень немногіе—какъ исключеніе—приносили въ гимназическую среду отраженіе оппозиціоннаго настроенія своихъ семей. Оно стало

нѣсколько ярче чувствоваться лишь послѣ войны 1877—1878 гг., когда уже начавшееся общественное движеніе стало доходить и до нашей гимназической жизни. Мнѣ пришлось жить въ семьѣ, въ которой очень ярко переживались оппозиціонныя настроенія 1878—1881 гг., но я чувствовалъ все время очень малую почву для нихъ въ товарищеской средѣ. А. Н. же принадлежалъ къ культурной средѣ совершенно другого настроенія (отецъ его былъ ученый генералъ, писатель, донской казакъ, интересовавшійся исторіей роднаго казачества) и въ это время совсѣмъ не былъ затронутъ тѣмъ движеніемъ, которое такъ бурно захватило въ тѣ годы часть молодежи, очень мнѣ кажется небольшую, и еще меньшую часть взрослаго общества. Въ тѣсной зависимости отъ настроенія семей, большинство гимназическихъ товарищей, того времени было далеко отъ интересовъ политическихъ или соціальныхъ. Гимназическій кружокъ, который понемногу образовался и выросъ изъ редакцій журнала, старался объединить товарищей на почвѣ дружескаго общенія—сперва на почвѣ шахматной игры, страстнымъ, помнится не очень удачнымъ, любителемъ которой былъ А. Н.—а позже на почвѣ критическихъ обзоровъ литературныхъ произведеній, при чемъ каждый выбиралъ автора по своему желанію. Этимъ объясняется случайность подбора: Достоевскій, а рядомъ Шеллеръ-Михайловъ и Голицынъ-Муравлинъ.

Очевидно, такой кружокъ не могъ быть проченъ — и мало-по-малу сошелъ на нѣтъ по мѣрѣ того, какъ мы росли; событія становились ярче, при переходѣ къ концу царствованія Александра II. Но это общеніе было очень полезно и дало намъ всѣмъ много, такъ какъ въ свободной бесѣдѣ здѣсь сталкивались люди очень различныхъ мнѣній и настроеній и въ то же время въ нашемъ классѣ, среди товарищей А. Н., было нѣсколько человѣкъ очень недюжинныхъ, лишь немногіе изъ которыхъ оставили въ жизни слѣдъ, который могли оставить. Часть очень талантливыхъ людей была забита жизнью—ушла въ наживу или карьеру. Другіе рано умерли. Я уже упоминалъ о своеобразномъ искателѣ правды, острякѣ и весельчакѣ, Энрольдѣ, оригинальной внѣшности — бѣлокуромъ рѣзкомъ долихоцефалѣ. Нельзя не вспомнить еще двухъ-трехъ другихъ — мягкаго, широко образованнаго, тихаго, скромнаго, но очень вдумчиваго Дьяконова, умершаго отъ чахотки очень рано, и физика и математика Тюрина, страннаго, наивнаго и неприспособленнаго къ жизни, нерѣдко страдавшаго отъ насмѣшекъ и шутокъ товарищей, но всегда шедшаго своимъ путемъ и потому постоянно попадав-

шаго въ невѣроятныя положенія. Онъ умеръ уже по окончаніи университета и прошелъ въ нашей жизни непонятый и загадочный, но не безслѣдно для насъ всѣхъ — и для А. Н. — было столкновеніе и общеніе съ нимъ, какъ со всякой личностью, не подчиняющейся общимъ рамкамъ. Студентомъ умеръ и химикъ Владиміръ Зайцевъ, казалось, здоровый силачъ, неотесанный и мягкій, на видъ слесарь или механикъ, весь ушедшій въ химію. Это былъ богато одаренный, скромный человѣкъ, прошедшій суровую школу жизни, идеалистъ и работникъ. Онъ сгорѣлъ неожиданно и непонятно отъ туберкулеза, оставивъ недоконченную статью и анализы въ трудахъ Нижегородской экспедиціи Докучаева.

III.

Университетъ имѣлъ для насъ всѣхъ огромное значеніе. Онъ впервые далъ свободный выходъ той огромной внутренней жизни, какая кипѣла среди насъ и не могла проявляться въ затхлыхъ рамкахъ гимназіи. Выходъ въ университетъ былъ для насъ дѣйствительно духовнымъ освобожденіемъ, и въ университетскіе года личность А. Н. сразу развернулась чрезвычайно ярко и быстро...

Совершенно неожиданно, повидимому, для гимназическаго начальства значительная часть класса поступила на естественный факультетъ, но не всѣ пошли туда по призванію. Нѣкоторые думали потомъ перейти на медицинскій, другіе хотѣли дополнить рѣзкіе и больно чувствуемые пробѣлы образованія. Наконецъ, иные поступили на естественное отдѣленіе, такъ какъ хотѣли отойти подальше отъ тяжелыхъ воспоминаній о гимназической наукѣ, искали науки новой, запретной для гимназиста того времени. А. Н. былъ въ числѣ немногихъ, которые пошли на естественное отдѣленіе по призванію. Натуралистъ съ дѣтства, онъ впервые въ университетѣ нашелъ наконецъ то, чего такъ давно искалъ его проникавшій въ природу умъ.

Петербургскій университетъ того времени въ физико-математическомъ факультетѣ, на его естественномъ отдѣленіи былъ блестящимъ. Менделѣевъ, Меншуткинъ, Бекетовъ, Докучаевъ, Фаминцынъ, М. Богдановъ, Вагнеръ, Сѣченовъ, Овсянниковъ, Костычевъ, Иностранцевъ, Воейковъ, Петрушевскій, Бутлеровъ, Коноваловъ—оставили глубокій слѣдъ въ исторіи естествознанія въ Россіи. На лекціяхъ многихъ изъ нихъ — на первомъ курсѣ на лекціяхъ Менделѣева, Бекетова, Докучаева открылся передъ нами новый міръ, и мы всѣ бросились страстно и энергично въ научную работу, къ которой мы были такъ несистематично и

неполно подготовлены прошлой жизнью. Восемь лѣтъ гимназической жизни казались намъ напрасно потеряннымъ временемъ, тѣмъ ни къ чему ненужнымъ искусомъ, который заставила насъ проходить вызывавшая глухое наше негодованіе правительственная система. Эти мысли получали яркое выраженіе въ лекціяхъ Д. И. Менделѣева, какъ извѣстно человѣка очень умѣренныхъ, скорѣе консервативныхъ политическихъ взглядовъ, который, однако, больше, чѣмъ кто-нибудь другой возбуждалъ въ насъ духъ свободы и оппозиціоннаго настроенія. Ярко и красиво, образно и сильно рисовалъ онъ передъ нами безконечную область точнаго знанія, его значеніе въ жизни и въ развитіи человѣчества, ничтожность, ненужность и вредъ того гимназическаго образованія, которое душило насъ въ теченіе долгихъ лѣтъ нашего дѣтства и юности. На его лекціяхъ мы какъ бы освобождались отъ тисковъ, входили въ новый, чудный міръ и въ переполненной 7-ой аудиторіи Дмитрій Ивановичъ, подымая насъ и возбуждая глубочайшія стремленія человѣческой личности къ знанію и къ его активному приложенію, въ очень многихъ возбуждалъ такіе логическіе выводы и настроенія, которыя были далеки отъ него самого. Толстой въ своемъ чутьѣ политическаго инквизитора, былъ правъ въ своемъ подозрѣніи къ Менделѣеву и не напрасно онъ не допустилъ какъ-разъ въ это время Менделѣева (властью своей, какъ президента) до баллотировки въ Академію Наукъ и вскорѣ послѣ окончанія нами университета, противъ желанія Дмитрія Ивановича, удалилъ его изъ Петроградскаго университета.

Въ университетской жизни Андрея Николаевича можно кромѣ вліянія науки, въ которую онъ все глубже и глубже проникалъ, отмѣтить вліяніе товарищей какъ личное, такъ и университетскихъ группъ—и вліяніе отдѣльныхъ профессоровъ.

Уже къ концу гимназической жизни образовался у него болѣе тѣсный кружокъ товарищей, интересовавшихся естествознаніемъ, въ которомъ, кромѣ Е. И. Ремизова и меня, былъ старшій по классу, рано умершій ботаникъ, В. Н. Аггеенко. Этотъ тѣсный кружокъ, не собиравшійся регулярно, перешелъ и въ университетскую нашу жизнь, явившись центромъ, помогавшимъ намъ разобраться въ сложномъ, новомъ знаніи, которое было намъ внесено университетомъ. Вмѣстѣ мы дѣлали опыты, читали рефераты, обсуждали новыя книги и прочитанное, готовились къ лекціямъ и экзаменамъ.

Вскорѣ, однако, новыя впечатлѣнія измѣнили этотъ намѣчавшійся тѣсный кружокъ натуралистовъ (куда одно время

примыкали Л. А. Обольяниновъ, теперешній земскій и общественный дѣятель, А. К. Медвѣдевъ, теперь профессоръ физіологической химіи, Н. Г. Ушинскій, профессоръ физіологъ и врачъ). Какъ для А. Н., такъ и для его товарищей, начала сказываться спеціализація интересовъ въ проникновеніи въ научную работу, рѣзко отличную для каждаго изъ нихъ. Особенно ярко это сказалось для А. Н. Онъ быстро выдвинулся какъ ботаникъ, близко сошелся съ А. Н. Бекетовымъ и его семьей, всталъ на ноги, какъ молодой, подающій надежды спеціалистъ-ботаникъ. Можетъ быть, даже онъ слишкомъ рано вошелъ въ спеціальную работу, не докончивъ систематическаго научнаго образованія. Еще на студенческой скамьѣ и въ ближайшіе годы по окончаніи курса онъ принялъ участіе въ большихъ поѣздкахъ и экспедиціяхъ, гдѣ ему пришлось дѣйствовать болѣе или менѣе самостоятельно —въ области Алтая, Балхаша, Нижегородскую губернію, а затѣмъ въ Киргизскую степь и Тянь-Шань. Богато одаренный, какимъ онъ былъ, онъ прекрасно справился съ сложными задачами, передъ нимъ стоявшими, но, при его увлекающемся характерѣ, раскрывшіеся и манившіе его новые горизонты, въ концѣ-концовъ, оказались ему не по силамъ и въ концѣ своего университетскаго курса, перемѣнивъ свою спеціальность, сдѣлавшись изъ ботаника географомъ, онъ, какъ мнѣ кажется, сдѣлалъ шагъ, который не отвѣчалъ полному развитію его личности. Эти первые успѣхи научной работы во многомъ измѣнили студенческую жизнь А. Н., заставивъ его уже съ 3 курса уйти въ очень трудную самостоятельную работу, требовавшую отъ него много времени и большаго труда. Онъ отходилъ отъ обычной студенческой жизни.

А. Н. Красновъ, В. И. Вернадскій (спереди), Е. И. Ремизовъ (сзади).

Прежде чѣмъ окончательно сложилась его дѣятельность, онъ столкнулся въ студенческой средѣ съ двумя явленіями, такъ или иначе отразившимися на его духовныхъ интересахъ, хотя и тутъ дѣловитая огромная работа молодого ученаго не позволила ему вполнѣ войти въ раскрывавшіяся передъ нимъ возможности. Въ университетѣ онъ встрѣтился съ живой организаціей, привлекшей въ свою среду, кажется, всѣхъ безъ исключенія выдѣлявшихся своими научными и литературными интересами студентовъ университета 1882—1887 гг. Этимъ центромъ было Студенческое Научно-Литературное Общество, созданное въ 1882 году, благодаря энергіи и моральной силѣ профессора исторіи русской словесности О. Ф. Миллера, благороднаго, чистаго сердцемъ идеалиста-славянофила. Въ этомъ Обществѣ послѣ сходки 1882 года, вызвавшей сближеніе студентовъ различныхъ курсовъ и факультетовъ, объединились на почвѣ научныхъ, философскихъ и литературныхъ интересовъ всѣ живыя силы студенчества того времени. Если мы взглянемъ сейчасъ на списки дѣятелей этого Общества—особенно на списки его научнаго отдѣла, руководившаго его жизнью,—мы увидимъ въ немъ множество всѣмъ извѣстныхъ теперь именъ ученыхъ, историковъ, натуралистовъ, юристовъ, медиковъ, писателей, общественныхъ дѣятелей. Многихъ уже нѣтъ въ живыхъ—но большинство еще живо и сейчасъ на каждомъ шагу встрѣчается въ передовыхъ рядахъ культурной жизни русскаго общества. Едва ли когда-либо такъ захватывался въ единое цѣлое весь цвѣтъ студенческихъ поколѣній. Общество собиралось большею частью въ аудиторіи ботаническаго кабинета въ отдѣльномъ небольшомъ зданіи, въ Ботаническомъ саду университета, которую ему предоставилъ А. Н. Бекетовъ. Въ этомъ Обществѣ дѣлалъ доклады А. Н. и въ первое время—а можетъ быть и до конца—входилъ въ составъ его научнаго отдѣла.

Черезъ членовъ Общества А. Н. Красновъ сблизился и съ другимъ теченіемъ студенческой жизни. Въ началѣ 1880 годовъ на ряду съ чисто-соціалистическими настроеніями, проникнутыми чувствомъ общественной морали, близкими по философскимъ идеаламъ къ научному позитивизму, связанными съ безразличнымъ или отрицательнымъ отношеніемъ къ религіи, искусству и первое время къ политической жизни, существовали другія теченія, близкія къ данному, но не входившія въ его рамки. Они не отличались отъ перваго своими моральными и демократическими стремленіями, одинаково съ нимъ сходились на необходимости работы для обездоленныхъ, для народныхъ массъ,

въ отрицаніи исторически сложившаго порядка вещей. Но они не могли примириться съ тѣмъ отношеніемъ къ религіи, искусству, философіи, политической жизни, наукѣ, которое было связано съ тогдашними соціалистическими настроеніями молодежи. Самъ соціализмъ для многихъ считался трудно соединимымъ съ другими дорогими сторонами человѣческаго духа—съ чувствомъ націи или государства, а еще болѣе съ чувствомъ свободы личности и не могъ считаться научно-доказанной истиной или быть принятъ на вѣру, какъ онъ принимался его адептами. Онъ вызывалъ къ себѣ сомнѣнія или отпоръ. Эти теченія были безформенны, но какъ, разъ къ расцвѣту народовольческаго терроризма и къ моменту, когда слагалась русская соціалъ-демократія, въ этой средѣ складывались и выяснялись кружки, одни изъ которыхъ привели къ толстовству, другіе создали кадры демократическаго земскаго движенія, приведшіе, въ концѣ-концовъ, на политической почвѣ къ союзу освобожденія и къ конституціонно-демократической партіи. А. Н. при его аполитизмѣ всегда очень сильно чувствовалъ моральную и общественно-моральную подкладку жизни. Онъ отрицательно относился къ соціализму уже въ силу очень ярко выраженной у него индивидуальности и дорогой ему идеи государственнаго служенія и чувства національнаго. Поэтому онъ ближе примыкалъ къ теченіямъ, стоявшимъ въ сторонѣ отъ соціалистическихъ кружковъ русской молодежи, и особенно къ одному изъ такихъ кружковъ, который въ университетское время ярко выдвигалъ идею личности и ея усовершенствованія и связь ея съ общественностью, какъ моральныя цѣнности. Этотъ кружокъ, въ составъ котораго входили студенты разныхъ факультетовъ, вскорѣ на почвѣ этической выросъ въ болѣе тѣсный кругъ братства, какъ онъ тогда себя называлъ. Теперь не время касаться исторіи этого кружка—немногіе изъ его членовъ пока ушли изъ жизни, какъ недавно Ѳ. Ѳ. Ольденбургъ [1])—но онъ оказалъ несомнѣнное вліяніе на всѣхъ лицъ, въ него входившихъ или къ нему примыкавшихъ. Многіе изъ его членовъ сохранили связь между собою на всю жизнь. Къ этому кружку былъ близокъ въ университетской жизни и А. Н.; однако, онъ не могъ въ него войти цѣликомъ, частью вслѣдствіе различія во взглядахъ, уже тогда проявлявшагося, но, главнымъ образомъ, потому, что широко развернувшаяся передъ нимъ возможность научной работы, связанная съ далекими путешествіями, рано оторвала его отъ

[1]) Объ этомъ кружкѣ см. воспоминанія кн. Д. И. Шаховскаго. «Русскія Вѣдомости». Сборникъ статей. 1863—1913. М. 1913. Отд. II, стр. 198.

интересовъ студенческой жизни и не позволяла слѣдовать за эволюціей кружка, путемъ совмѣстнаго переживанія впечатлѣній жизни, что является необходимымъ элементомъ кружковщины, тѣмъ болѣе той своеобразной формы ея, которая вылилась въ данномъ случаѣ въ «пріютинское братство», какъ тогда мы его называли. Но связь его съ нѣкоторыми членами кружка никогда не порывалась до смерти.

IV.

Новымъ и крупнымъ факторомъ университетской жизни А. Н. была, какъ я указывалъ, ранняя прикосновенность его къ научной работѣ, въ то время болѣе рѣдкая для студента, чѣмъ теперь, и вліяніе двухъ крупныхъ Петербугскихъ профессоровъ того времени—А. Н. Бекетова и В. В. Докучаева. Подъ ихъ вліяніемъ сладывалась его научная работа и они вызвали тотъ выборъ новой спеціальности—географіи—который опредѣлилъ всю его дальнѣйшую судьбу.

А. Н. Бекетовъ, тогда ректоръ университета, былъ живымъ культурнымъ общественнымъ дѣятелемъ, работавшимъ въ тяжелой обстановкѣ безвременья. Его поколѣнію пришлось заканчивать жизнь въ эпоху реакціи, казалось, разрушившей всецѣло все то, чѣмъ начиналась и жила ихъ молодость. Высшіе женскіе курсы, университетъ, Вольное Экономическое и другія ученыя общества, широкая популяризація естествознанія, постоянное общеніе съ молодежью брали большую часть его времени въ теченіе всѣхъ лѣтъ его профессуры. Однако, никогда при этомъ А. Н. Бекетовъ не бросалъ научныхъ занятій, онъ былъ всю жизнь всецѣло преданъ наукѣ. Его лекціи, которыя пришлось слушать намъ въ самомъ началѣ 1880-хъ годовъ въ 1881—1882, давали намъ много—частью, благодаря ихъ рѣзкому отличію отъ гимназическаго преподаванія, частью потому, что въ нихъ чувствовалась самостоятельная научная мысль. Бекетовъ былъ ботаникомъ, сложившимся еще до выступленія Дарвина; при этомъ его мысль независимо работала въ областяхъ смежныхъ съ тѣми, которыя стали господствующими послѣ 1859 года, и къ охватившему науку эволюціонному ученію онъ отнеся какъ самостоятельно мысливший въ томъ же направленіи послѣдователь. Онъ подходилъ къ эволюціонному ученію до Дарвина и независимо отъ него и навсегда сумѣлъ сохранить къ нему критическое отношеніе человѣка, самостоятельно обработывавшаго окружающія явленія подъ другимъ, независимымъ отъ вскорѣ годсподствующаго научнаго міровоззрѣнія, близкимъ къ нему, угломъ зрѣнія. Это чувствовалось и въ его бесѣдахъ, въ

его статьяхъ, и въ его лекціяхъ. Я помню, что для насъ на ряду съ тѣмъ новымъ міромъ, какой открывался на его лекціяхъ въ жизни растеній, закрытой намъ раньше школьнымъ ученіемъ— эти лекціи были дороги тѣмъ, что онѣ пытались связывать конкретные факты точнаго знанія съ цѣльнымъ и своеобразнымъ философскимъ міровоззрѣніемъ. Страннымъ образомъ у Бекетова сказывалось вліяніе нѣмецкой философіи Фриса (черезъ Шлейдена).

Для А. Н. была, однако, особенно важна другая сторона интересовъ Бекетова, его интересъ къ географіи растеній, къ изученію растенія въ его естественной обстановкѣ. Бекетовъ несомнѣнно оставилъ крупный слѣдъ въ томъ теченіи ботанической мысли, которое ярко складывалось въ то время въ Россіи и которое не только было связано съ изученіемъ флоры, но привело къ такъ-называемымъ геоботаническимъ работамъ. Въ область этихъ явленій подъ вліяніемъ А. Н. Бекетова сразу цѣликомъ ушла мысль Краснова.

На этой почвѣ онъ подошелъ къ вопросамъ физической географіи, геологіи, почвовѣдѣнія. На нихъ онъ столкнулся ближе съ В. В. Докучаевымъ.

На А. Н. Красновѣ на всю жизнь сказывалось вліяніе этой еще болѣе крупной личности, чѣмъ А. Н. Бекетовъ. В. В. Докучаевъ, какъ-разъ въ то время дѣлалъ огромное дѣло, пытался направить русскихъ естествоиспытателей на новый путь. И это ему, одному изъ немногихъ, удалось. Профессоръ минералогіи, В. В. Докучаевъ былъ чуждъ той отрасли знанія, преподавать которую ему пришлось по случайности судьбы. По кругу раньшихъ своихъ интересовъ это былъ геологъ, интересовавшійся динамической геологіей, геологіей лика земли на русской равнинѣ. Его привлекали вопросы орографіи, новѣйшихъ ледниковыхъ и эоловіальныхъ отложеній и отъ нихъ онъ перешелъ къ самому поверхностному покрову, къ почвѣ. Въ ней В. В. угадывалъ новое естественное тѣло, отличное и отъ горной породы и отъ мертвыхъ продуктовъ ея измѣненія. Какъ-разъ въ студенческое время Краснова, съ 1878 г. и, главнымъ образомъ, съ 1881 г. Василій Васильевичъ клалъ основы русскому почвовѣдѣнію, далъ тотъ могучій толчокъ научной мысли и научной работѣ, который чувствуется въ научной жизни до сихъ поръ, уже многіе годы послѣ его смерти. Это былъ русскій самородокъ, шедшій своимъ путемъ, исцѣло сложившійся въ Россіи, совершенно чуждый западу, котораго не зналъ—какъ и не зналъ иностранныхъ языковъ— и куда попалъ уже къ концу жизни. Онъ не имѣлъ ни широ-

каго образованія Бекетова, ни его интересовъ — но онъ обладалъ волей, широкимъ, оригинальнымъ умомъ и былъ прирожденнымъ натуралистомъ. Уже со студенческой скамьи научная ботаническая работа А. Н. Краснова была въ широкой степени охвачена вліяніемъ Докучаева. Вскорѣ онъ принялъ участіе въ его земскихъ экспедиціяхъ въ Нижегородской и позже въ Полтавской губерніяхъ.

И А. Н. Бекетовъ, и В. В. Докучаевъ мало интересовались политикой, отъ которой они стояли, какъ огромное большинство русскаго общества того времени, совершенно въ сторонѣ. Это были чисто культурные общественные дѣятели. Если фактически они увеличивали силу общества, приводили къ новымъ формамъ общественной и государственной жизни—они не это имѣли въ виду при своей дѣятельности. Въ тяжелое время, переживавшееся въ то время университетомъ, особенно Петербугскимъ послѣ 1881—1887 гг., они оба старались спасти, что можно, путемъ всякихъ уступокъ. Помню характерные разговоры въ этомъ смыслѣ съ В. В. Докучаевымъ въ эпоху ректорства проф. Владиславлева или въ тѣ дни, когда серьезно подымался вопросъ о переводѣ Петербургскаго университета въ Аракчеевскую вотчину —Грузино... Оба сохраняли связь съ министромъ Деляновымъ и старались и въ эпоху университетской реакціонной реформы 1884 г. сдѣлать, что можно.

Къ числу такихъ новыхъ творческихъ начинаній въ высшей школѣ въ это время было и созданіе кафедры географіи въ университетахъ. И А. Н. Бекетовъ, и В. В. Докучаевъ оба старались сдѣлать, что можно, лучшаго изъ этой кафедры и подъ ихъ вліяніемъ талантливый ихъ ученикъ А. Н. Красновъ былъ направленъ на работу въ этомъ новомъ пути. Сейчасъ виднѣе, чѣмъ прежде, насколько ошибочно была съ самаго начала поставлена организація этого дѣла, требовавшая невозможныхъ знаній отъ представителя кафедры. Прошло уже около 30 лѣтъ— но кафедра географіи въ университетахъ въ общемъ не стала вполнѣ на ноги. И сейчасъ, какъ и тогда, стоитъ передъ ней та же задача—созданіе географическихъ отдѣленій и раздѣленіе цикла географическихъ наукъ между нѣсколькими преподавателями...

Несомнѣнно, тогда можно было думать, что стоитъ начать, а затѣмъ жизнь улучшитъ и разовьетъ начатое. Такъ и думали многіе. Въ числѣ самыхъ первыхъ молодыхъ ученыхъ, посланныхъ Деляновымъ за границу для подготовленія къ этой новой кафедрѣ, былъ, по рекомендаціи А. Н. Бекетова и В. В. Доку-

Проф. А. Н. Красновъ на ботанической экскурсіи съ слушателями рабочихъ курсовъ.

чдева, отправленъ и А. Н. Красновъ. Изъ прилагаемыхъ отрывковъ переписки моей съ нимъ изъ того времени (1888) видно, какъ сознательно и какъ серьезно онъ готовился къ этому новому дѣлу. Можно даже сказать, что онъ во всей своей жизни, какъ рѣдко кто, остался вѣренъ своему молодому плану и провелъ его до конца безъ большихъ измѣненій. И если, несмотря на это онъ къ концу жизни вновь вернулся къ ботаникѣ и всю жизнь работалъ съ чувствомъ неудовлетворенія и сомнѣнія въ правильности выбраннаго жизненнаго пути, причиной этого являлись не его личныя свойства, а неправильность общей постановки взятой имъ на себя задачи, требовавшей отъ человѣка соединенія несоединимаго.

II 1916. Петроградъ. *В. И. Вернадскій.*

Изъ переписки А. Н. Краснова.

Письма А. Н. Краснова къ В. И. Вернадскому 1888 года.

I.

Berlin, 30 Mai.

Дорогой другъ, Владиміръ Ивановичъ. Напрасно ты укоряешь меня за то, что я не отвѣчаю тебѣ на твои письма. Я тебѣ написалъ ихъ въ Неаполь, по крайней мѣрѣ, три—poste restante,—т. к. адреса ты мнѣ не сообщилъ. Мнѣ же ты пишешь по невозможному адресу—Breslau и притомъ такая улица, какой не существуетъ, тогда какъ я уже третью недѣлю сижу въ Берлинѣ, гдѣ слушаю очень скверныя лекціи Рихтгофена. Удивляюсь, гдѣ ты нашелъ въ Германіи хорошую школу и что ты подъ этимъ словомъ разумѣешь. Заниматься здѣсь вездѣ хорошо и удобно, но школы нигдѣ нѣтъ и всѣ предоставлены самодѣятельности; мнѣ кажется даже, что лекціи читаются болѣе для проформы. Рихтгофенъ читаетъ, положительно, не готовясь, какое-то геологическое попурри, а т.-наз. коллоквіумъ или практическія работы въ семинаріи есть просто рефераты новыхъ работъ по географіи. Вообще Берлиномъ я недоволенъ, и послѣдняя надежда найти руководителя—это Герландъ въ Страсбургѣ. Туда я послѣ лѣтней экскурсіи на Эйфель и т. п. и направляюсь, если до той поры не удастся устроить поѣздку на Яву, о которой я теперь хлопочу. Мнѣ кажется, что, чтобы выработать изъ себя хорошаго географа, надо какъ можно больше, читать и какъ можно болѣе самому видѣть типичныхъ мѣстностей. Тропики я могу посѣтить или теперь, или никогда. Занявъ кафедру, помимо того, что я буду связанъ преподаваніемъ, я долженъ серьезно заняться общественной дѣятельностью на пользу погибающей Россіи. Слѣдовательно, тутъ уже не до Явы или Ріо. Тутъ или кипучая дѣятельность, или Сибирь.

Я очень радъ, что ты въ письмѣ своемъ вернулся къ вопросу, поднятому мною въ письмѣ, посланномъ въ Питеръ. Оно было написано сгоряча, какъ сгоряча было написано твое письмо,

гдѣ ты хотѣлъ навсегда отречься отъ Россіи. Но я теперь скажу, что мои воззрѣнія теперь сформировались и установились. Они сильно, насколько я тебя знаю, расходятся съ твоими и чтобы намъ столковаться, нужно или много разговаривать лично или завести правильную переписку. Я уважаю русскихъ соціалистовъ —уважаю за то, что это люди, которые не сочувствуютъ творящимся въ Россіи мерзостямъ, которые желаютъ блага народу и Руси, словомъ, которые побуждаются хорошимъ благороднымъ чувствомъ стремленія къ правдѣ и истинѣ. Я понимаю нашу молодежь и сочувствую ей, что она отзывчиво относится къ этому движенію, что ею руководитъ тоже стремленіе къ истинѣ и добру. Какъ бы она ни увлекалась, какія бы нелѣпыя формы ни принимало это движеніе, никогда я не позволю себѣ бросить въ него грязью, никогда я не стану врагомъ тѣхъ, которые увлеклись. Насколько я понимаю суть этого движенія, настолько я знаю людей и настолько ты долженъ знать меня, чтобы въ этомъ не сомнѣваться. Но самъ раздѣлять его, вѣрить въ то, во что вѣрятъ наши соціалисты, я не могу; какъ не могу я вѣрить въ чудеса и мощи, такъ какъ это не дозволяетъ наблюденіе и опытъ, такъ же точно не могу я вѣрить и увлеченіямъ соціалистовъ.

Я порядкомъ поѣздилъ по Россіи, я больше твоего вращался въ народной массѣ, какъ русской, такъ инородческой и европейской. Я слишкомъ твердо убѣжденъ въ томъ, что только при извѣстномъ культурномъ, а главное индивидуальномъ развитіи и самосознаніи, возможно достиженіе тѣхъ идеаловъ, о которыхъ мечтаютъ соціалисты. А слѣпая варварская орда, какъ ни пересаживай, какъ ни перестана вливай ея условія жизни и представителей, останется все тѣмъ же самымъ диліювіальнымъ или еще болѣе примитивнымъ царствомъ невѣжества, эксплоатаціи и грубости, въ которыя погрязли наши соотечественники. Толстые, Деляновы, Колупаевы и Разуваевы и пр., и пр. суть продукты этой стихіи, и пока существуетъ стихія, то будутъ существовать и они. Строй тутъ ничему не поможетъ. Въ это можетъ вѣрить только тотъ, кто озлобленъ, кто дѣйствуетъ нелѣпо, руководимый чувствомъ, а не знаніемъ, какъ всѣ славяне, и потому всегда бываетъ разбитъ разумомъ. Стихія и притомъ стихія столь испорченная, какъ народъ русскій (я разумѣю весь ensemble, а не однихъ крестьянъ, также нами идеализированныхъ), не создастъ сама никогда ничего. И въ болѣе культурныхъ государствахъ Европы она игрушка въ рукахъ тѣхъ, которые умѣютъ управлять этой стихіей. Задача людей,

любящихъ этотъ народъ, это свое отечество, по моему, состоитъ въ томъ, чтобы достигнуть того, чтобы стихія эта управлялась тѣми, которые ее любятъ и которые знаютъ ее и понимаютъ, что ей хорошо. Безразлично, по моему, кто будетъ управлять ею, этой массой, но я знаю одно, что если эту массу предоставить саму собою управляться, ею будутъ управлять тѣ, которые лучше понимаютъ ея слабости и играютъ на ея страстяхъ въ пользу личныхъ выгодъ. Это сама масса инстинктивно чувствуетъ...

Мнѣ лично, повторяю, совершенно безразлично, кто будетъ управлять Россіей. Моя задача, чтобы управленіе это было въ рукахъ людей, которые искренно желаютъ блага Россіи, любятъ и знаютъ ее, т. к. любовь безъ знанія любимаго предмета есть лишь зло. Независимо отъ формы правленія тогда только государство и народъ будутъ благоденствовать, когда государственная машина будетъ состоять изъ людей, честныхъ и любящихъ свое дѣло, преданныхъ ему. Повѣрь, если бъ эти люди, согласившись между собой, энергично поддерживая другъ друга, шли бы этимъ путемъ, много зла было бы уничтожено. Если бы та сумма ума и энергіи, которая была потрачена на покушенія, была направлена въ этомъ направленіи, жилось бы гораздо лучше. Что мы все думаемъ о потомкахъ. Мнѣ кажется лучше, чтобы нашему поколѣнію жилось лучше, потомки сами о себѣ позаботятся. А что сдѣлали соціалисты? Своимъ страстнымъ, полнымъ незнаніемъ условій отношеніемъ къ дѣлу, они дали возможность болѣе хитрымъ и сквернымъ людямъ захватить въ свои руки власть, и творить теперь такія пакости, какихъ трудно было и вообразить, и чѣмъ далѣе, тѣмъ хуже. И повѣрь, будетъ еще хуже, ибо слишкомъ много мерзкихъ необузданныхъ элементовъ есть въ нашемъ народѣ. Что же дѣлать? скажешь ты. По моему приготовлять людей, желающихъ блага Россіи, понимающихъ въ чемъ состоитъ народное благо и знающихъ этотъ народъ—людей, которые дружно и энергично поддерживая другъ друга, создали бы истинный строй, и, съ другой стороны, содѣйствовали возможно скорѣе поднятію умственнаго и нравственнаго уровня народа. Въ Россіи это можетъ сдѣлать энергичная горсть. Она это можетъ сдѣлать, не трогая народа, и совершенно безразлично при какомъ угодно образѣ правленія и строѣ. Вотъ мое убѣжденіе. Какъ слѣдуетъ дѣйствовать, укажу въ слѣдующемъ письмѣ. Отвѣчай скорѣе. Адр. мой: Berlin, Albrechtstr. 20.

Здѣсь въ Берлинѣ цѣлая министерская шайка молодыхъ людей, изучающихъ римское право и готовящихся занять различнѣйшія кафедры въ русскихъ университетахъ. Повидимому, все будущіе Владиславлевы. Вечеръ проведенный съ ними возбудилъ во мнѣ глубокое омерзеніе. Боже, что же это будетъ. Единственный порядочный человѣкъ, котораго я до сихъ поръ здѣсь видѣлъ это Баронъ Толль, остзейскій нѣмецъ.

II.

Берлинъ, 1 іюня 1888.

Дорогой другъ, Владиміръ Ивановичъ. Теперь или никогда! Теперь или никогда можешь ты посѣтить чудный тропическій міръ, чтобы отдохнуть на лонѣ природы и, набравшись новыхъ силъ и впечатлѣній, вернуться освѣженнымъ въ наше несчастное отечество, чтобы посвятить себя работѣ на его благо. Послѣ ты—профессоръ,—ты общественный дѣятель. У тебя подрастетъ сынъ, будутъ, вѣроятно, и другіе. До того ли тебѣ будетъ пускаться въ дальнія плаванія, сопряженныя съ расходомъ и рискомъ. Теперь у тебя только жена и младенецъ. Мушкетовъ и цѣлый рядъ мужей покидаютъ же ради научныхъ экспедицій на нѣсколько мѣсяцевъ своихъ женъ. Было бы излишней нѣжностью съ твоей стороны не слѣдовать ихъ примѣру. Послѣдуй моему совѣту, оставь жену у Сергѣя. Жизнь за границей, особенно при вашихъ скромныхъ потребностяхъ, такъ дешева, что ты на получаемыя тобой съ имѣнія деньги легко можешь ее устроить мѣсяцевъ на шесть въ Лондонѣ или Берлинѣ.

Самъ же составь мнѣ компанію и поѣзжай на Яву. Поѣздка, длящаяся 6 мѣсяцевъ, будетъ стоить около 2000... Какъ хорошо могли бы мы теперь путешествовать, дѣлиться впечатлѣніями, наблюдать совмѣстно. Какое бы прекрасное вышло раздѣленіе труда. Какую полную картину тропическаго міра вынесемъ мы съ тобою. Яву, Борнео, Кракатау, подумай только, какая чудная перспектива. По пути мы бы съ тобой выяснили всѣ наши недоразумѣнія и спорные вопросы. Притомъ разсчитай, путешествовать совмѣстно дешевле: комната, слуга, все это стоитъ полцѣны. Кромѣ того, голландцы и туземцы не то, что нѣмцы или итальянцы, и повѣрь, пріятнѣе путешествовать съ землякомъ. Право, не откладывай въ долгій ящикъ своихъ тропиковъ. Повѣрь, не полна жизнь того человѣка, который не видѣлъ этого чуднаго міра. Вмѣстѣ съ тобой потомъ издали бы мы книгу подъ заглавіемъ: «Путешествіе двухъ русскихъ натуралистовъ по Большимъ и Малымъ Зондскимъ Остро-

вамъ», гдѣ изложили бы наши мысли, наблюденія и впечатлѣнія.

Европа отъ тебя никогда не уйдетъ. Всегда, взявъ отпускъ, ты можешь сюда съѣздить. Тропики же могутъ улыбнуться навѣки. Лови же ихъ пока не поздно. Помни, пора намъ вступить на службу на благо Россіи. Хотя на дняхъ ты былъ готовъ отъ нея отречься, но я этому не вѣрилъ и не вѣрю. Я знаю, что ты ее любишь, хотя, быть можетъ, не такъ понимаешь ея благо, какъ я. Нашъ долгъ посвятить себя ей. Ну, а пока судьба насъ кинула за границу, пользуйся минутой и лови, лови то, что можетъ ускользнуть изъ рукъ. Итакъ, мы ѣдемъ.

Жду отвѣта, чтобы точнѣе сговориться относительно плана дѣйствій и мѣста свиданія. Твой другъ А. Красновъ.

III.

Дорогой В. И., перечитывалъ еще разъ твое письмо и все болѣе и болѣе съ нимъ не соглашаюсь. Мнѣ кажется, ты имѣешь весьма неясное представленіе о географіи и если бы ты началъ читать курсъ этой науки, то на дѣлѣ у тебя вышло бы попурри изъ двухъ факультетовъ: естественнаго и филологическаго. Чтобы разъ навсегда поставить нашу переписку на правильную почву, я позволю себѣ изложить мой взглядъ на географію и ея преподаваніе. Если этотъ взглядъ ложный, то, мнѣ кажется, лучше теперь же, пока не поздно, отказаться отъ географіи и заняться ботаникой, хотя, признаюсь, познакомившись съ нѣмецкими профессорами, я почувствовалъ къ этой наукѣ глубокое отвращеніе. Я представляю себѣ занятія географіей такъ: 1) *Лекціи.* Онѣ необходимы. Распадется мой курсъ на три части: Erdkunde, Länderkunde Eurasiens, Länderkunde остальныхъ пяти частей свѣта.

Характеръ лекцій: 1) Erdkunde. Я понимаю географію, какъ описаніе явленій жизни земного шара въ данную эпоху его развитія, и объясненіе этихъ явленій. Чтобы ихъ научно описать, надо знаніе физики и естественныхъ наукъ и геологіи. Задача лектора поставить въ связь выводы астрономіи, астрофизики, геологіи, касающіеся земнаго шара, вывести изъ нихъ, какъ слѣдствіе, современные климаты, распредѣленіе явленій динамической геологіи, почвъ, растеній и животныхъ и человѣческихъ племенъ. Это курсъ Erdkunde, чтеніе этого курса необходимо и должно происходить съ возможно большимъ числомъ демонстрацій. Должны показываться типичныя животныя и растенія (т. к. ихъ не покажутъ, именно, ни зоологи,

ни ботаники), фотографіи съ объясненіями, модели и т. п. Явленія вулканизма не мѣшаетъ даже демонстрировать. Я не знаю до сихъ поръ ни одного учебника, гдѣ бы было все перечисленное поставлено въ надлежащую связь. Это задача лектора. Это высшая философія. Тутъ должны излагаться и теоріи, и гипотезы, и факты, говорящіе за и противъ нихъ. Лекціи должны быть увлекательны, заинтересовывать слушателей. Детали не необходимы, онѣ не удержатся все равно въ памяти, но профессоръ долженъ вліять на слушателей такъ, чтобы они читали возможно болѣе параллельно. При географическомъ кабинетѣ должна быть библіотека, и профессоръ долженъ вліять, чтобъ она читалась. Тутъ въ деталяхъ знакомятся ученики съ физической геологіей, гео-ботаникой, климатологіей, антропогеографіей и т. п.

Вся сила знанія нѣмцевъ состоитъ въ томъ, что они сами читаютъ, сами работаютъ, а у насъ только зубрятъ лекціи и учебники обязательнаго курса.

2) Länderkunde есть детальное Erdkunde. Разсматриваются материки, стараются указать особенности очертанія формы и природы различныхъ ихъ частей и объяснить явленія природы различныхъ странъ исторіей (геологіей) материковъ и современнымъ распредѣленіемъ физическихъ факторовъ, къ которому слушатели подготовились изученіемъ Erdkunde. Разбирается исторія образованія территорій той или другой страны, исторія образованія ея растительнаго, почвеннаго и животнаго покрова. Въ заключеніе дается картина жизни различныхъ формацій, иллюстрируется фотографіями и коллекціями. Въ фокусѣ всей этой картины стоитъ человѣкъ. Его образъ жизни, его умственное и нравственное развитіе должно быть поставлено въ связь съ характеромъ страны, и исторіей образованія того человѣческаго общества, гдѣ разсматриваемое племя живетъ. Въ заключеніе обрисовывается, возможно рельефнѣе, жизнь описываемаго государства, народа или племени, поставленнаго, по возможности, въ связь съ его исторіей и природой страны. Эвразія, какъ страна, гдѣ лежитъ наше отечество, разбирается возможно подробнѣе, Африка, Америка и Австралія описываются по сравненію съ болѣе доступной Евразіей. Конечно, желательно и ихъ изложить подробнѣе. Но надо помнить, что курсъ всего 4-годичный, и тутъ задача лектора поставить всѣ явленія въ связь, воспользоваться выводами исторіи, геологіи, ботаники и т. п. Необходимо ярко обрисовать природу, завлечь слушателя и направить его на библіотеку соотвѣтствующихъ книгъ и пособій

3) Colloquium долженъ начинаться лишь съ третьяго курса и быть двухгодичный. Личность профессора здѣсь должна стушевываться. Это собраніе товарищей, интересующихся предметомъ. Colloquium долженъ быть двоякаго рода: студенты дѣлаютъ рефераты о той или другой вновь вышедшей книгѣ, слушатели дѣлаютъ возраженія, спорятъ и т. д. Профессоръ, какъ лицо болѣе начитанное и опытное, дѣлаетъ наравнѣ съ прочими свои замѣченія, которыя извѣстнымъ образомъ направляютъ споръ. Понятно, что бесѣды эти будутъ имѣть пользу при полной простотѣ и равноправности отношеній; въ бесѣдѣ не должно быть и слѣда офиціальности. Чайный столъ—лучшее мѣсто для такихъ бесѣдъ.

На четвертомъ курсѣ colloquium принимаетъ другой оттѣнокъ. Студенты пробуютъ свои силы. Профессоръ избираетъ ему самому хорошо извѣстную губернію. Зима посвящается тому, чтобы въ colloquium'ѣ студенты ознакомились съ литературой о ней. Этимъ путемъ ученики узнаютъ точнымъ образомъ, гдѣ и какъ доставать и какъ пользоваться матеріаломъ для изученія своего отечества. По окончаніи серіи colloquium дѣлаются экскурсіи. Спеціалисты по своимъ отраслямъ дѣлаютъ наблюденія. Профессоръ даетъ только тонъ, указываетъ на типичныя мѣста, на имѣющіе значеніе для географіи пункты, даетъ наставленія въ смыслѣ Führer Richthofen'a, по даннымъ собственнаго опыта. Студенты наблюдаютъ то, что ихъ болѣе интересуетъ, но каждый уже знаетъ, что будетъ интересно и ново для другого. Они учатся наблюдать разносторонне, дѣлая свое собственное дѣло. Результаты наблюденій реферируются въ концѣ. Это составляетъ цѣнный вкладъ въ науку.

Ученики научаются, руководясь общей, болѣе широкой идеей, наблюдать и изучать свое отечество. Потомъ заброшенный въ глуши провинціальный учитель будетъ знать, что ему дѣлать съ его вынесенными изъ университета знаніями ботаники и зоологіи, что интереснаго для него и для науки дастъ тотъ уѣздъ, куда забросила его судьба. Онъ будетъ знать, какъ и что наблюдать ему, будетъ умѣть сообщить ученикамъ новое объ окружающемъ его мірѣ.

Наше поколѣніе этому не учили. Я, ты, еще два-три человѣка — счастливыя исключенія — да и то до многаго дошли самоучкою. Наша задача — сдѣлать наши наслажденія доступными всѣмъ нашимъ ученикамъ, положить начало частнымъ школамъ изученія родины. Ибо любить можно только то, что знаешь, и только съ пониманіемъ можно принести пользу. Всѣ

мы смертны. Человѣкъ живетъ среднимъ числомъ 60—70 лѣтъ. Обезсмертить себя онъ можетъ лишь великими дѣлами. Дѣла эти могутъ дѣлать единицы изъ милліоновъ. Остальные умираютъ безслѣдно. Къ чему они живутъ? — Отвѣтъ одинъ: они живутъ, чтобы наслаждаться жизнью, какъ и все живущее. Но отличіе человѣка отъ животнаго то, что кромѣ физическихъ наслажденій онъ можетъ имѣть нравственныя (любовь къ ближнему) и умственныя. Только тотъ, кто пользуется всѣми тремя, живетъ дѣйствительно. Чѣмъ больше людей будетъ въ состояніи такъ жить, тѣмъ болѣе счастья на землѣ. Задача профессора— дать возможно большему числу людей возможность жить такимъ образомъ. Географія—есть философія естествознанія. Она одна открываетъ новые горизонты, которые часто затемняются въ чисто систематическихъ наукахъ, нерѣдко въ рукахъ неумѣлаго профессора, превращающихся или въ ремесло, или въ отвратительный грюбелизмъ.

Такъ я понимаю мою задачу. Если по твоему она не исполнима, лучше бросить ее скорѣе, какъ утопію, и обратиться на болѣе скромное поприще. Напиши, когда свидимся и свое мнѣніе. Твой А. Красновъ.

Берлинъ, Albrechtstrasse 20.

P.S. Написалъ много, а не сказалъ главнаго. Ты видишь, слѣдовательно, что профессоръ географіи долженъ видѣть, какъ можно больше и какъ можно болѣе читать. Первое онъ долженъ дѣлать, пока молодъ и впечатлителенъ. Второе ему покажетъ практика. Docendo discimus. Чтобы быть начитаннымъ географомъ, мало жизни человѣка. Гдѣ и кто это укажетъ мнѣ, что мнѣ читать по географіи? Пэнкъ? знающій, какъ показала его Geographie Deutschlands, одну геологію. Рихтгофенъ, бесѣдующій лишь за пивомъ? Кто же? Не правъ ли я, выбирая самъ для своей цѣли книги, справляясь у спеціалистовъ? Не правъ ли я, что, поживя во Франціи до конца зимы (повидавшись съ Реклю, пожалуй, поработавъ въ Антропологическомъ Институтѣ), отправлюсь на Яву и въ Японію, куда я потомъ никогда не попаду? Да, наконецъ, если и можно будетъ выскочить изъ Казани, лучше съѣздить будетъ въ Америку. Тогда и Старый и Новый Свѣтъ будутъ знакомы. Откладывать же дѣло въ долгій ящикъ, пока не будетъ 5 человѣкъ дѣтей, — непрактично. На Явѣ есть библіотека, ея вулканы изслѣдованы. Чѣмъ она хуже для изученія, чѣмъ Этна? Чѣмъ Лондонъ интереснѣе Іокогамы?

IV.

Дорогой Вл. И. Письмо твое для меня все-таки не вполнѣ убѣдительно. Я сторонникъ того принципа, что не надо откладывать до завтра, что можно сдѣлать сегодня, и совершенно не понимаю, какъ провинціальный профессоръ, предавшійся своему дѣлу, можетъ выбраться откуда-нибудь изъ Казани на Яву, въ Ріо-Жанейро или Японію. Попасть въ центральную Азію еще возможно, точно такъ же, какъ возможно въ случаѣ необыкновеннаго счастья попасть въ Соединенные Штаты. Но подъ тропики изъ Россіи, не жертвуя своими деньгами (которыхъ нѣтъ) или массою времени, — совершенно невозможно. Я заранѣе предсказываю тебѣ, что ты, при твоемъ образѣ дѣйствій, тропиковъ никогда не увидишь. Ты говоришь, что важнѣе видѣть молодымъ человѣкомъ Европу, нежели тропики. Опять не согласенъ. И тамъ въ еще большей степени нужна впечатлительность, гибкость натуры и выносливость, которой лѣтъ въ 35 или 40 уже не будетъ. Вотъ почему я остаюсь при моемъ убѣжденіи, что необходимо теперь пользоваться случаемъ посмотрѣть тропическій міръ. Затѣмъ, я нахожу, что ты смѣшиваешь антропологію съ географіей, что, какъ показалъ еще Герландъ,—неправильно. Методы антропологіи географу не нужны, какъ не нужны ему методы физіолога или систематика растеній. Ботаника, зоологія, петрографія и антропологія суть самостоятельныя науки; географъ пользуется ихъ выводами, сопоставляетъ ихъ данныя, но быть спеціалистомъ во всѣхъ этихъ наукахъ онъ не можетъ. Географу должны быть знакомы выводы сравнительной филологіи, но неужели же онъ долженъ умѣть говорить по-китайски? Тоже и съ антропологіей. Ты скажешь, что для того, чтобы судить объ антропологіи, надо знать ея методы. Да, имѣть объ нихъ понятіе, но не учить имъ. Я знаю настолько геологію, чтобъ понимать нужныя мнѣ, какъ географу, книги, но я не позволю себѣ учить студентовъ опредѣлять раковины или формаціи. Учить опредѣлять разновидности растеній не входитъ въ задачу географа. Я буду изучать антропологію для себя. Я готовъ пробыть семестръ въ Парижѣ. Я бы уѣхалъ туда изъ Берлина немедленно, если бы имѣлъ нужныя для этого деньги. Къ сожалѣнію, я долженъ ждать до 15 іюля (1 іюня старого стиля), пока мнѣ вышлетъ министерство мое содержаніе; тогда я переѣду въ Парижъ и останусь тамъ до декабря. Я поживу въ типичной свободной странѣ и получу о ней понятіе. Что же касается до Англіи, то меня туда не

тянетъ. Лучше посмотрѣть тропики, нежели видѣть двѣ сходныя европейскія страны. Видѣвъ одинъ типъ, я могу представить другой, въ крайности въ Англію я могу попасть позже. Мнѣ потомъ легче будетъ разобраться въ ея жизни, нежели въ жизни тропической области. Ботаническій садъ предлагаетъ мнѣ проѣхать съ Явы въ Японію, и мнѣ кажется, что для русскаго гораздо интереснѣе посѣтить эту страну, гдѣ, какъ у насъ, европеизмъ борется съ азіатчиною, нежели знакомиться съ черезчуръ далекимъ отъ насъ идеаломъ Англіи. Со взглядомъ твоимъ на преподаваніе географіи я вполнѣ согласенъ, хотя считаю направляющія лекціи нелишними. Онѣ должны возбуждать въ студентѣ охоту къ чтенію, а направлять чтеніе есть дѣло профессора. Очень хотѣлось бы съѣхаться съ тобой у жены и столковаться хорошенько. Сдѣлали бы экскурсію по Арденнамъ или на Эйфель. Эти области особенно сильно меня интересуютъ. За литературу о религіяхъ—благодарю. Напрасно ты такъ критикуешь мой образъ дѣйствій. Я, во-первыхъ, не соціалъ, а физико-географъ. Я въ данную минуту хлопочу всего болѣе о томъ, чтобы дать себѣ возможно лучшую подготовку въ области физической географіи,—это мой базисъ. Соціальная сторона дѣла пріобрѣтается чтеніемъ книгъ, что не уйдетъ, и наблюденіемъ жизни, что я дѣлаю, хотя долженъ сознаться, что Германія для этой цѣли весьма неудобна. Ужасно хотѣлось бы свидѣться и переговорить съ тобою. Лучшее мѣсто — Вильдунгенъ въ іюлѣ. Пиши чаще. Адресъ мой: Берлинъ, Albrechtstr. 20.

V.

Дорогой Вл. И. Несмотря на самое горячее желаніе мое свидѣться съ тобою какъ можно скорѣе и переговорить о массѣ вещей, которыя я считаю необходимымъ теперь выяснить другъ другу, я не могу на этихъ дняхъ пріѣхать въ Вильдунгенъ по той простой причинѣ, что у меня всего 10 марокъ и ранѣе какъ черезъ недѣлю я не разсчитываю изъ Питера получить деньги. Какъ только получу деньги, такъ постараюсь устроить свиданіе. Кромѣ того, если въ Дофинэ можно будетъ хорошо изучить технику и видѣть любопытные случаи, я вмѣсто Арденнъ охотно присоединился бы къ тебѣ, и если не имѣешь ничего противъ, проводилъ бы тебя черезъ Парижъ въ Англію. Пока, впрочемъ, ничего опредѣленнаго не могу сказать. Все выяснится къ 15 іюля. Я съ тобой вполнѣ согласенъ, что въ письмахъ ужасно трудно выяснить свои взгляды и задачи. Поэтому я всегда былъ противъ писемъ, и, какъ тебѣ извѣстно, всегда

пишу ихъ съ большой неохотой и лишь въ крайности. Скажу только поэтому, что я очень радъ, что мы столковываемся относительно географіи, и замѣчу тебѣ, что для меня германскіе университеты, т. е. лекціи, а не университеты, abschreckendes Beispiel, и я далекъ отъ мысли переносить ихъ преподаваніе къ намъ. У меня постепенно вырабатывается свой взглядъ и свой планъ, но онъ, конечно, еще не готовъ. Я теперь сообразно съ этимъ планомъ стараюсь подбирать себѣ литературу. Ты, повидимому, не понялъ, что я разумѣю подъ Länderkunde. Тутъ рѣчь идетъ не объ государствахъ, не о материкахъ. Описаніе природы и жизни материка, жизнь и исторія его рѣчныхъ бассейновъ, разселеніе его организмовъ—есть безусловно предметъ физической географіи. Erdkunde это геофизика, Länderkunde для материковъ, своего рода океанографія для морей. Ну, чувствую, что опять говорю нелѣпо. При свиданіи надѣюсь изложить свой взглядъ лучше, такъ какъ онъ у меня составился довольно опредѣленный.

Отъ французскихъ университетовъ много не жду. Не даромъ всѣ ѣдутъ въ Германію, а не во Францію. Мнѣ очень жаль, что я не могу конецъ лѣта или осень работать во Франціи. Развѣ тамъ нѣмецкое распредѣленіе времени. Въ Англію я, между прочимъ, потому боюсь ѣхать, что очень плохо знаю языкъ, а знакомыхъ тамъ нѣтъ никого.

Поѣздка на Яву, кажется, помимо моей воли разстраивается, и это жаль, хотя я все-таки остаюсь при томъ убѣжденіи, что, если я теперь не увижу тропиковъ, я очень много потеряю, такъ какъ: 1) я не вижу возможности попасть туда позже, 2) если бы такая возможность и оказалась, то лучше бы было ее употребить на Америку. Это полезнѣе и для географіи, и для Россіи. Теперь въ Америку я ѣхать не могу, такъ какъ для изученія ея въ направленіи нужномъ Россіи я не могу, не подготовленъ. На Явѣ же есть всѣ пособія для изученія и тропической природы и классической области вулкановъ. Кланяйся Н. Г. Пиши скорѣе. Остаюсь любящій тебя другъ А. К.

VI.

Отвѣчай немедленно въ Берлинъ. Съ 1 іюля я буду въ Halle, куда пиши poste rest. Дорогой Вл. И. Если бы я представлялъ себѣ географію такъ, какъ ты ее обрисовалъ въ своемъ письмѣ, то я никогда не вздумалъ бы бросать ботанику и заниматься этой наукой, такъ какъ она сплошь по твоей программѣ

состоитъ изъ тѣхъ отраслей знанія, которыя для меня terra incognita и которыя въ теченіе года изучить для преподаванія невозможно. Если бы еще не позже, какъ вчера, я не перечитывалъ мнѣнія Географическаго общества и министерства, я, конечно, вмѣсто того, чтобы жариться въ библіотекѣ, пошелъ бы къ ботанику Кни и сталъ бы заниматься водорослями. Однако, задачи географической кафедры совершенно иныя, и той географіи, о которой говоришь ты, никто, нигдѣ не читаетъ—ее надо создать, выдумать, а для этого года мало. Вся программа министерства, всѣ нѣмецкіе курсы понимаютъ географію совершенно иначе, чѣмъ ты. Также понимаютъ ее и наши профессора. Мнѣ жаль, что приходится говорить письменно, такъ какъ я не могу на двухъ страничкахъ ясно выразить мысль. Отвѣчу по пунктамъ:

1) Физическая географія существуетъ у насъ въ двухъ университетахъ; въ другихъ ея нѣтъ, тамъ, гдѣ она существуетъ, она сводится лишь на климатологію и океанографію;

2) Динамическая геологія и геофизика далеко не тоже самое;

3) Главная задача географіи дать читателю связь между исторіей земного шара и явленіями жизни, теперь на немъ совершающимися. Этого не дастъ, да при современномъ направленіи не имѣютъ времени дать ни геологъ, ни метереологъ. Зоо-, фито- и антропогеографія не могутъ излагаться безъ связи съ исторіею земной коры и климатологіи, при чемъ для географа, какъ въ геологіи, такъ и въ климатологіи, важно совсѣмъ не то, на что обыкновенно напираютъ геологъ и климатологъ. Такія науки, какъ распредѣленіе суши и моря, видъ земнаго шара въ древнія эпохи, географія ледниковыхъ явленій излагаются геологически слишкомъ кратко для географа; ботаники и зоологи не только въ лекціяхъ, но и въ самостоятельныхъ работахъ поражаютъ такимъ невѣжествомъ въ новѣйшей геологіи, что они не въ силахъ преподать студенту знанія раціонально фито- и зоогеографіи.

Я понимаю географію совершенно иначе, чѣмъ ты. Я теперь всѣ силы свои употребляю на основательное изученіе геологіи, и если такъ можно выразиться, эволюціи земной коры Antlitz der Erde Зюсса, Vergletscherung Penk'a, Geogr. Deutschland's его же, типъ тѣхъ сочиненій, которыя я читаю. Программа лекцій Кирхгофа, вотъ мой планъ, который я считаю нужнымъ значительно расширить. Четыре года—срокъ, установленный министерствомъ, съ этимъ срокомъ надо считаться.

Если будетъ кафедра одна, не думаю, чтобъ на антропологическія части оставалось много времени. У тебя человѣкъ играетъ слишкомъ много времени. Мнѣ же кажется выяснить развитіе страны и ея природу не менѣе важно. Человѣкъ же есть слѣдствіе этой природы. Впрочемъ, это не ясно и объ этомъ я напишу послѣ подробнѣе. Если кафедры двѣ, что врядъ ли будетъ въ провинціи, я, конечно, беру на себя физическую географію въ широкомъ смыслѣ, оставляя историческія части другимъ.

Задача географа-профессора приготовлять:

1) Учителей географіи;

2) Forschungsreisende;

3) Дать географическія свѣдѣнія вообще студентамъ натурофилософіи.

Для кого нуженъ общій курсъ? Чтеніе лекцій въ родѣ географіи Альпъ Рихтгофена, по моему, въ русскихъ университетахъ вредъ. Для этого есть книги. Если эти лекціи и можно читать, то какъ частныя лекціи приватъ-доцента, но не въ курсѣ.

Я готовлю изъ себя физико-географа въ твоемъ смыслѣ слова. Человѣкъ входитъ въ мою программу только какъ объектъ физическихъ силъ. Я стараюсь ближе знакомиться съ отдѣлами физической географіи, которую я знаю и которую я могу развивать для университетскаго преподаванія.

Для меня человѣкъ составляетъ маленькій отдѣлъ антропогеографіи, гдѣ при Länderkunde у меня должно излагаться вліяніе на бытъ, строй жизни и развитіе религіи, общества и густоты населенія внѣшнихъ условій страны, физическіе элементы которыхъ разобраны. Эти вопросы должны излагаться въ связи съ физической географіей, такъ какъ они тѣсно съ ней связаны и безъ нея не ясны, ихъ не долженъ читать другой профессоръ. Эта физическая этнографія должна составлять часть физической географіи. Твой же профессоръ есть географъ человѣческихъ обществъ, ему для этого только нужны элементы физической географіи, базисъ его знанія антропологія, статистика, соціологія, филологія, даже исторія литературы, Welthandel, пути сообщенія и т. п. Для геофизики все это не важно. Пусть это и читаетъ тотъ профессоръ антропо-соціологіи, который, по твоему, долженъ занять 2-ую кафедру. Я на эту кафедру не бью. Я хочу читать въ Казани, гдѣ насколько знаю, нѣтъ физической географіи, и гдѣ я займу эту 1-ую кафедру. 2-ая пусть остается свободной. Я могу себя подготовить изъ антропо-географіи и

этнографіи, насколько это нужно для физико-географа. Но для занятія 2-ой кафедры у меня нѣтъ ни времени, ни силъ, ни желанія. Въ годъ, какъ бы я ни работалъ, я ничего не сдѣлаю кромѣ сумбура въ головѣ во вредъ себѣ и другимъ. Чтеніе такихъ лекцій было бы поступкомъ крайне недобросовѣстнымъ съ моей стороны. Все это хотѣлось бы разъяснить при свиданіи. Ты, живя въ странѣ точныхъ нѣмцевъ, даешь ужасно странныя опредѣленія. Что значитъ Петра и Павла? Когда это? Кто здѣсь знаетъ этотъ день? Я первый его не знаю. Опредѣли число. На будущей недѣлѣ я переѣзжаю въ Галле къ Кирхофу. Туда или въ Cottbus проѣдетъ Храповицкій. Если хочешь, пріѣзжай по дорогѣ къ женѣ въ Галле. Если нѣтъ, то напиши, и я пріѣду изъ Галле къ вамъ въ Willdungen. Ранѣе 1 іюля я не могу выѣхать изъ Берлина, такъ какъ на 1 іюля новаго стиля получу лишь деньги.

Ты видишь, что при томъ направленіи, которое я даю моей кафедрѣ, мнѣ гораздо важнѣе Ява—классическая страна вулкановъ и Японія—типъ совершенно особенно вырабатывавшагося государства, чѣмъ шатаніе по государствамъ запада, шатаніе, по моему безцѣльное, такъ какъ я убѣдился, чтобы учиться, надо сидѣть на мѣстѣ. Только въ годъ развѣ изучишь ты жизнь такого города, какъ Лондонъ. А схватывать верхушки—принципъ нашихъ западниковъ, я нахожу крайне вреднымъ. Не познакомившись со всѣми причинами, вызывающими явленіе, говорить о возможности перенесенія его къ намъ—крайне вредно. Англія и Франція по условіямъ жизни безконечно далеки отъ насъ. Подражая имъ, мы только создадимъ очень скверную каррикатуру. Всѣ тебя такъ интересующія движенія у насъ немыслимы, или мыслимы какъ буря въ стаканѣ воды. Мы страны иного типа. Для меня, какъ для физико-географа, важнѣе видѣть явленія жизни земного шара, чѣмъ государства, имѣющія лишь временное значеніе.

Пройдетъ еще нѣсколько столѣтій и быть можетъ тѣ же англичане будутъ подражать Японіи или Китаю. Я считаю изученіе Россіи важнѣе. Но чтобы создать твою кафедру отечествовѣдѣнія, надо сперва изучить и изслѣдовать Россію. Впрочемъ, я сказалъ свое направленіе. Напиши немедленно свое рѣшеніе о Галле и Вильдунгенѣ. Берлинъ. Albrechtstr. 20.

VII.

Дорогой Вл. И. Твое упорное молчаніе на оба мои письма, адресованныя въ Мюнхенъ, меня очень тревожитъ и огорчаетъ.

Мнѣ кажется, можно не соглашаться другъ съ другомъ во взглядахъ на различныя вещи—но я всегда былъ далекъ отъ той мысли, чтобы и ты былъ настолько проникнутъ фанатизмомъ, чтобы говорить, кто не со мной, тотъ противъ меня. Ты знаешь, это далеко не въ моемъ характерѣ принадлежать къ какому-нибудь флагу, къ какой-либо партіи. Всякая партія есть крайность—всегда положенія ея содержатъ извѣстную долю увлеченія, страсти, а, слѣдовательно, и заблужденія. Вѣдь, смѣю же, наконецъ, я «свое сужденіе имѣть». Вѣрь мнѣ, всегда я горячо любилъ Россію и вѣрилъ въ ея будущность—и теперь я люблю ее, быть можетъ, сильнѣе, чѣмъ когда-либо. Но разница между мной и тобой та, что я всегда изучаю и стремлюсь изучать людей, ты же изучаешь общество. Кто изъ насъ правѣе: ты или я, покажетъ будущее. Не думай, я также слѣжу за соціальными движеніями, но прости—всѣ эти здѣсь издающіяся «свободы» и т. п. производятъ на меня впечатлѣніе совершенно такое же, какъ «Русскій Вѣстникъ» и т. п. консервативные журналы. Это два озлобленныхъ увлекающихся лагеря, а гдѣ увлеченіе, тамъ нѣтъ правды, нѣтъ истинной, холодной оцѣнки фактовъ. Я глубоко убѣжденъ, что мерзавцы, ташкенцы и т. п. категоріи людей, съ которыми меня судьба многократно сталкивала, всегда были и будутъ существовать, они долго еще будутъ господствовать въ Россіи, такъ какъ на ихъ сторонѣ двѣ вещи—опытность, знаніе людей и энергія.

Если во время благородныхъ порывовъ нашей молодежи было много энергіи и ни для чего ненужнаго самопожертвованія, то не было другаго — опытности и знанія людей. Это дается не такъ скоро и не такъ легко и на университетской скамьѣ его получить почти невозможно. Нужно слишкомъ много различныхъ случаевъ въ жизни, слишкомъ много анализовъ поступковъ, чтобы достигнуть этого. Человѣкъ увлекающійся, человѣкъ идеи, погруженный въ книги, вращающійся по большей части въ обществѣ единомышленниковъ, имѣть его не можетъ. Вотъ почему я тебѣ повторяю, я сочувствовалъ и теперь еще сочувствую всѣмъ порывамъ молодежи, но прежде, будучи студентомъ, я лишь смутно сознавалъ ихъ неправильность, невольно поддавался общему стадному увлеченію; возмутительные факты, всюду совершающіеся, невольно заставляли плыть по этому теченію. Но теперь, когда у меня знанія людей больше, когда я въ Бреславлѣ въ уединеніи могъ подвергнуть анализу видѣнные мной факты, сопоставить ихъ съ идеями, я вижу, какъ безконечно фантастичны увлеченія молодежи, и теперь споры о строѣ

Проф. А. Н. Красновъ вмѣстѣ съ редакціей и ближайшими сотрудниками „Южнаго Края“.

государства мнѣ кажутся подобными спорамъ религіозныхъ сектъ среднихъ вѣковъ, спорамъ, гдѣ падало столько жертвъ, тратилось столько энергіи и силъ. Люди составляютъ государство и общество, отъ людей зависитъ его благосостояніе и сила, и задача моей жизни и всей моей будущности двоякого рода. Воспитывать или содѣйствовать воспитанію возможно большаго количества умственно и нравственно развитыхъ людей, любящихъ свое отечество, стремящихся работать для его блага, блага, состоящаго въ томъ, чтобы члены его состояли изъ умственно и нравственно развитыхъ людей, повинующихся такимъ же людямъ, стремящимся на благо Россіи. Въ этомъ направленіи будетъ направлена моя общественная дѣятельность. Та партія, которая будетъ стремиться къ тому же, есть моя партія, но разъ она отступаетъ въ чемъ-либо отъ этой программы, я отъ нея отрекаюсь.

Частная моя дѣятельность будетъ направлена въ томъ же смыслѣ, но въ узкомъ кругѣ. Если мнѣ населенію того уѣзда, гдѣ я буду жить, удастся расширить умственный и нравственный горизонты, сдѣлать жизнь болѣе пріятной и близкою къ человѣческому идеалу — моя задача исполнена. При поступкахъ я буду лишь руководиться постояннымъ анализомъ характера и степени развитія человѣка. Моя задача — приготовленіе людей. Если будутъ люди, всякій строй будетъ хорошъ, пока нѣтъ людей, всякая перемѣна, всякій безпорядокъ будетъ содѣйствовать возвышенію мерзавцевъ. Опытъ 7 послѣднихъ лѣтъ это показалъ, и я твердо вѣрю, что чѣмъ далѣе, тѣмъ хуже будетъ. Слишкомъ много у насъ темныхъ силъ и почти нѣтъ знающихъ энергичныхъ, свѣтлыхъ личностей. Жду отвѣта. Вотъ мой взглядъ. Ты видишь, что я также желаю блага и мой идеалъ недалекъ отъ вашего. Но способамъ соціалистовъ я вѣрить не могу. Неужели же это заставляетъ тебя молчать и разрывать дружбу въ вѣчность, которой я твердо вѣрилъ. Гдѣ Сергѣй? Что тропики? Адр. мой: Берлинъ, Albrechtsstr. 20.

VIII.

24 іюля 1888. Halle a S. Germarstr. 9.

Дорогой другъ В. И. Извини меня, что я тебѣ не отвѣчалъ такъ долго на твое письмо. Я дѣлалъ съ проф. Фрицшемъ экскурсію на Гарцъ, очень интересную, и по возвращеніи получилъ два твоихъ письма. Благодарю тебя за твое обѣщаніе устроить мнѣ заемъ. Тогда мы могли бы устроить совмѣстно экскурсію. Съ своей стороны, предлагаю слѣдующіе планы: 1) Въ

Лондонъ на геологическій конгрессъ и оттуда черезъ Арденны въ Парижъ. Конгрессъ, говорятъ, обѣщаетъ быть весьма интереснымъ, кромѣ того, онъ соединенъ съ экскурсіями. Можно будетъ посѣтить Кью и познакомиться съ англійскою жизнью.

2) Если считаешь этотъ планъ неудобнымъ, то устроимъ одно изъ двухъ. 30 августа или 1 іюля ѣдемъ въ Цюрихъ и дѣлаемъ экскурсію съ Геймомъ въ Швейцарію, вѣроятно, въ область Теди. Это прекрасный случай практически познакомиться съ тектоникой и Gletcherkunde.

Кромѣ того, въ началѣ августа въ Швейцаріи геологическій конгрессъ и совмѣстная экскурсія на Юру, при чемъ можно будетъ видѣть въ разрѣзѣ весь профиль Юры. У меня много знакомыхъ и насъ присоединятъ съ удовольствіемъ. Съ Юры мы можемъ или спуститься по Рейну до Эйфеля, сдѣлавъ Ausflug на Шварцвальдъ, я оттуда проѣхалъ бы въ Парижъ, а ты, куда хочешь. Можно сдѣлать и такъ: оставить Рейнъ, а черезъ Юру прямо поѣхать во Францію и посѣтить Дофинэ и Овернь. Мнѣ непремѣнно хотѣлось бы видѣть области древнихъ вулкановъ.

Программа моихъ занятій такова. Теперь читаю по динамической геологіи и по Thierverbreitung, экскурсирую, по мѣрѣ возможности, и стараюсь завязать знакомства. Благодаря проф. Dames, познакомился съ делювіемъ окрестностей Берлина и видѣлъ кое-что на Гарцѣ. На дняхъ посѣщу Страстфуртъ. Начиная съ осени, погружаюсь въ науку о человѣкѣ, которой посѣщаю исключительно зиму. По орографіи знаю лишь Зонклара. Картографіей не занимался, такъ какъ не знаю хорошаго руководителя. Читалъ лишь теорію по Steinmayer'у. Надѣюсь найти практику въ Парижѣ, на которую возлагаю большія надежды.

Съ метеорологіею сплоховалъ. Можно было кое-чему выучиться и въ Берлинѣ. Вообще надо бы было о многомъ переговорить. Этотъ годъ я считаю для себя потеряннымъ и утѣшаю только тѣмъ, что написалъ диссертацію и все-таки повидалъ многое въ Европѣ и разочаровался въ нѣмецкой наукѣ. Съ осени буду работать, по мѣрѣ силъ, для оріентировки. Лекціи же стану приготовлять не ранѣе лѣта будущаго года. Тропики придется отложить. Печатать я ничего не печаталъ, такъ какъ продуктивно не работалъ. Дѣлалъ лишь сообщеніе въ Берлинѣ, оттискъ котораго передамъ тебѣ при свиданіи.

Министерство должно было тебѣ прислать деньги 15 іюля. Если ихъ не получилъ, пиши и жалуйся; тамъ что-то не ладно. По курсу я долженъ былъ получить 720 марокъ, а мнѣ прислали всего 640. Ѣхать въ Швейцарію могу лишь въ томъ

случаѣ, если можно устроить заемъ. Если нѣтъ, устроимъ свиданіе гдѣ-либо ближе. Во всякомъ случаѣ немедленно отвѣчай на это письмо и приложи адресъ. Я потерялъ твой и не знаю № дома—51 или 53 и боюсь, что письмо не дойдетъ. Остаюсь горячо любящій тебя другъ.—Въ Швейцарію ѣдетъ также баронъ Толь. Ты его знаешь. Кажется, очень хорошій человѣкъ.

IX.

Дорогой и милый В. И. Извини, что не отвѣчалъ такъ долго на твое письмо. Книги тебѣ давно уже выслалъ и надѣюсь, что ты ихъ уже получилъ. Отвѣчай мнѣ на это письмо немедленно, такъ какъ я намѣренъ дней черезъ 9 уѣхать въ Россію защищать диссертацію и держать экзаменъ у Петри. Поѣду, вѣроятно, или черезъ Швейцарію, или черезъ Марсель и Геную, потому можно бы было свидѣться или съ тобою, или съ твоей женой, если это удобно и если ты сообщишь адреса. Новостей особенныхъ нѣтъ, читаю очень много по географіи Англіи, Франціи и Испаніи и по исторіи географіи. Былъ на дняхъ на réunion рабочихъ, и вынесъ самое пріятное впечатлѣніе. Вообще о Парижѣ я всегда буду вспоминать съ удовольствіемъ, хотя теперь жажду его покинуть. Кланяйся нашимъ. Твой Андрей. Парижъ, 12, Rue Gay Lussac.

X.

Дорогой другъ, В. И. Не писалъ тебѣ такъ долго, потому что не зналъ, вернулся ли ты изъ своей поѣздки по Германіи. Теперь, я надѣюсь, ты уже дома, и потому пишу тебѣ по старому адресу. Новостей особенныхъ нѣтъ. Въ Казани, пишутъ, оказывается вакантная кафедра по ботаникѣ, но кажется и она собирается мнѣ улыбнуться, какъ улыбнулся Томскъ. Въ ботаническій садъ хлопотать за меня поголовно отказались всѣ ботаники, и вся затѣя произвела въ Петербургѣ очень дурное впечатлѣніе, не исключая и Докучаева, который, Богъ знаетъ, откуда узналъ о ней. Я въ восторгѣ отъ Парижа и теперь вполнѣ его оцѣнилъ и понимаю, почему вы всѣ такъ сюда стремитесь. Занятія мои устроились покуда лишь у Рено, у котораго прекрасно можно выучиться методикѣ фитопалеонтологіи и я и теперь уже узналъ много новаго. Онъ очень любезенъ и внимателенъ. Сегодня познакомлюсь съ Топинаромъ. Батюшковъ не поѣхалъ въ Италію, но остается въ Парижѣ до зимы. Напиши, пожалуйста, въ какомъ это сочиненіи ты нашелъ критику и доказательства несостоятельности всѣхъ теперешнихъ палеон-

тологическихъ методовъ. Если можешь пришли заглавіе. Всего тебѣ лучшаго, кланяйся женѣ. Твой Андрей. Парижъ — 18 октября 1888 г.

XI.

Дорогой другъ, В. И. Книжку тебѣ я отослалъ еще третьяго дня. Что же касается до занятій, то они начинаются 7 ноября, и тогда я тебѣ вышлю подробныя данныя. Пока въ Парижѣ я работаю только у Рено, именно, занимался приготовленіемъ анатомическихъ препаратовъ изъ окаменѣлыхъ деревъ. Результаты получаются изумительные. Структура стволовъ, вѣтвей, листьевъ сохраняется такъ хорошо, что поперечные разрѣзы черезъ листовыя пластинки, или черезъ стволъ такъ же хороши, какъ у живыхъ растеній, и опредѣленіе такимъ путемъ, несомнѣнно, точнѣе всѣхъ другихъ способовъ. Методы довольно просты и имѣя въ виду массы сырого матеріала въ Россіи, понятно, что у насъ можно разрѣшить многое. Я писалъ Докучаеву, прося его прислать кое-что изъ кабинета для опредѣленія, но онъ мнѣ ничего не отвѣчаетъ. Съ антропологіей еще ничего не начиналъ. Только съ начала будущей недѣли можно будетъ работать въ лабораторіи у Топинара, но я еще не знаю, буду ли это дѣлать. Въ Казани есть вакантная кафедра ботаники и Бекетовъ хотѣлъ хлопотать о предоставленіи ея мнѣ. Хотя онъ пишетъ, что надежды очень мало, но пока я не получу отъ него отвѣта, я буду стоять на ботанической почвѣ. Кромѣ того, мнѣ предложили здѣсь въ обществѣ прочесть сообщеніе, надъ которымъ я и работаю. Печатанье диссертаціи будетъ окончено къ 1 ноябрю стараго стиля, я тогда я могу въ декабрѣ или январѣ ее защитить. Твой другъ, Андрей.

Воспоминанія объ Андреѣ Николаевичѣ Красновѣ.

Въ 1890 году, отправляясь въ г. Харьковъ, гдѣ я состоялъ студентомъ Ветеринарнаго Института, я получилъ порученіе отъ Михаила Ивановича Краснова познакомиться съ его племянникомъ Андреемъ Николаевичемъ Красновымъ, назначеннымъ профессоромъ въ Харьковскій Университетъ.

Семья Красновыхъ представляетъ много общихъ типичныхъ особенностей и характерныхъ чертъ, свойственныхъ всѣмъ ея членамъ, съ которыми мнѣ приходилось сталкиваться и, повидимому, наслѣдственныхъ. Въ виду того, что отсюда дѣлаются понятными и нѣкоторыя индивидуальныя особенности А. Н., частью, сильно вредившія ему въ его научной дѣятельности, я позволяю себѣ остановиться на личности покойнаго Михаила Ивановича, какъ очень яркаго представителя названной семьи.

Впервые я встрѣтилъ Михаила Ивановича въ Таганрогскомъ округѣ, тогда Міусскомъ, въ имѣніи его зятя при слободѣ Амвросіевкѣ. Его личное имѣніе примыкало непосредственно къ слободѣ Амвросіевкѣ, но въ то время оно уже не принадлежало ему. Михаилъ Ивановичъ былъ однимъ изъ идеалистовъ шестидесятыхъ годовъ. Высоко образованный, культурный въ лучшемъ значеніи слова, гуманный человѣкъ, онъ обладалъ необыкновенной довѣрчивостью къ людямъ. Имѣя юридическое образованіе (правовѣдѣніе), М. И. не пошелъ по обычной дорогѣ, а поступилъ въ непремѣнные члены по крестьянскому присутствію, чтобы быть ближе къ тому населенію, на хребтахъ котораго создавалось дворянское землевладѣніе и, какъ ему казалось, которому каждый дворянинъ обязанъ своимъ родовымъ благополучіемъ. Владѣя своимъ родовымъ имѣніемъ, онъ, какъ свидѣтельствовали сосѣди, никогда не чувствовалъ себя его собственникомъ. Опытъ веденія хозяйства собственными средствами приводилъ къ обкрадыванію его прикащиками и другими наемными людьми. Это заставило его перейти къ раздачѣ земли въ аренду крестьянамъ, но, зная его личный характеръ, никто изъ крестьянъ не хотѣлъ платить аренды. Въ послѣдніе годы

дѣло доходило до того, что у М. И., собственника двухъ тысячъ десятинъ земли, никогда не было ни копѣйки денегъ при самой строгой, даже бѣдной, обстановкѣ жизни. Крестьяне платили за аренду земли яйцами, курами, молокомъ и другими продуктами. Но къ концу каждаго года М. И. оказывался неоплатнымъ должникомъ деревенскихъ проходимцевъ. Однако, онъ никакъ не хотѣлъ вѣрить, что его обираютъ и обманываютъ. М. И. видѣлъ, что окружающіе крестьяне остались послѣ 61 г. безъ земли и потому чувствовалъ на себѣ вину родителей. Въ конечномъ результатѣ онъ счелъ за лучшее исправить сдѣланную несправедливость и отдалъ свою землю крестьянамъ села Красновки.

Въ восьмидесятыхъ годахъ, къ которымъ относятся описываемыя событія, М. И. встрѣтился въ слободѣ Амвросіевкѣ съ другимъ идеалистомъ — священникомъ Л., съ которымъ они пытались создать настоящую крестьянскую общину — коммуну. Общественныя запашки, общая уборка, равный раздѣлъ полученнаго сбора, общественный запасный магазинъ, общественныя зимнія работы на камнеломняхъ, на известковыхъ ломкахъ, причемъ всѣ эти работы производились подъ непосредственнымъ руководствомъ священника Л. и подъ защитой и отвѣтственностью передъ администраціею Михаила Ивановича, создали изъ бѣднаго разореннаго села — обезпеченныхъ жителей, удвоившихъ свое земельное имущество, имѣющихъ школу, чайную съ читальней съ характеромъ клуба, гдѣ каждый вечеръ въ зимніе мѣсяцы вели собесѣдованіе съ крестьянами М. И. и священникъ Л. Къ сожалѣнію, такое благополучіе, по справедливости оцѣненное крестьянскимъ населеніемъ, было оцѣнено духовной администраціей иначе. На мѣсто священника Л. былъ присланъ другой, который постарался вымести даже воспоминаніе о бывшей жизни, а своими доносами постарался нагнать панику на мѣстное населеніе.

Увлекающійся всякой идеей, М. И. такъ глубоко уходилъ въ мысленную разработку каждой идеи, что въ такіе моменты ничего не замѣчалъ изъ окружающей жизни. Къ тому же онъ отъ природы обладалъ колоссальной разсѣянностью, о которой ходили анекдотическіе разсказы. Такъ какъ разсѣянность являлась характерной чертой всѣхъ членовъ семьи Красновыхъ въ томъ числѣ и Андрея Николаевича, то я позволяю себѣ сообщить нѣсколько примѣровъ, показывающихъ до какихъ доходила она размѣровъ.

Отправляясь по дѣламъ службы на самое короткое время въ сосѣднюю слободу верстъ за 20—25, М. И. часто начиналъ

собираться съ 5 ч. утра, набивая всѣ свои чемоданы и мѣшки своимъ имуществомъ. Наконецъ, къ 12 час. дня, когда ямщикъ, потерявъ терпѣніе и проголодавшись, заявлялъ, что онъ уѣдетъ обратно домой, вещи укладывались въ почтовый тарантасъ. Коекакъ усаживался и самъ М. И. съ книгой въ рукахъ. Но такъ какъ сидѣть было неудобно, то, отъѣхавши двѣ, три версты, онъ вставалъ и двигался впередъ пѣшкомъ, приказывая ямщику ѣхать за нимъ. М. И. медленно двигался, читая, а ямщикъ засыпалъ на козлахъ. Лошади при случаѣ свертывали на дорогу къ своему дому и спустя нѣкоторое время, оглядываясь кругомъ, М. И. оставался въ степи одинъ безъ признаковъ лошадей и какого-либо жилья на горизонтѣ.

Другой случай, неоспоримость котораго я могу подтвердить. Ужиная однажды у своихъ хорошихъ знакомыхъ, М. И. былъ оставленъ ночевать, такъ какъ шелъ сильный дождь. Онъ изъявилъ свое полное согласіе; но, когда хозяева были заняты другими гостями, М. И. незамѣтно изчезъ. Послѣ разъѣзда всѣхъ гостей хозяева были увѣрены, что М. И. забылъ о своемъ согласіи и легли спать. Черезъ нѣкоторое время они были разбужены звонками и стукомъ. Оказалось, что это М. И. Удивленные, они встрѣтили его вопросомъ, гдѣ онъ былъ. На это М. И., какъ ни въ чемъ не бывало, отвѣтилъ, что онъ ходилъ домой предупредить, что онъ не будетъ ночевать.

Торопясь на засѣданіе въ Дворянское Собраніе, М. И. кладетъ шапо-клякъ на полъ, беретъ калошу подъ мышку и, принявши подходящій моменту видъ, входитъ торжественно въ Собраніе, и т. д.

Исполняя обязанности почетнаго мирового судьи, М. И. осаждался въ воскресные и праздничные дни массою съѣзжающагося крестьянскаго населенія. Къ нему шли со всѣми своими нуждами и тяжбами. Очереди ожидали до поздней ночи. И никто изъ пріѣхавшихъ не уѣзжалъ неудовлетвореннымъ. Я не слыхалъ отъ крестьянъ ни одного случая, когда бы М. И. не примирилъ тяжущихся. Любопытно, что, будучи смирнѣйшимъ человѣкомъ, въ моментъ суда онъ сердился, кричалъ, но заканчивалъ всегда тѣмъ, что заставлялъ примиренныя стороны въ знакъ исполненія принятаго рѣшенія цѣловать Евангеліе.

М. И. закончилъ свою жизнь, какъ это и всегда бываетъ съ людьми его склада и мышленія, въ крайней бѣдности, редакторомъ провинціальной газеты въ одномъ изъ самыхъ меркантильныхъ городовъ Россійской Имперіи — въ борьбѣ за общечеловѣческіе идеалы и мѣстные общественные интересы.

Когда я впервые встрѣтился съ Андреемъ Николаевичемъ Красновымъ, онъ былъ молодымъ человѣкомъ, полнымъ энергіи и желанія работать на научной и общественной почвѣ. Онъ только-что возвратился изъ заграничной командировки въ Западную Европу. Какъ самобытная оригинальная натура, много путешествовавшій передъ тѣмъ по востоку, А. Н. не былъ очарованъ западомъ. Западная Европа производила на него гнетущее впечатлѣніе своей законченностью, шаблонностью и отсутствіемъ размаха. Установившіяся нормы, въ которыя вложилась вся сложная жизнь запада лишь съ небольшими коррективами, вносимыми текущей жизнью, вообще производятъ на всѣхъ русскихъ впечатлѣніе жизни по указкѣ, подъ руководствомъ строгой бонны или гувернантки. Естественно, что послѣ Тянь-Шаня попасть въ прилизанные парки съ подстриженными деревьями, съ отшлифованными дорожками въ Европѣ представляетъ мало привлекательнаго и интереснаго для ботаника и географа.

Харьковъ съ его общественной жизнью не произвелъ на А. Н. притягательнаго впечатлѣнія; много лѣтъ онъ стремился попасть въ Петроградъ, гдѣ, кромѣ Географическаго общества, онъ расчитывалъ принимать участіе въ другихъ научныхъ обществахъ, встрѣчаться и обмѣниваться съ людьми, работающими въ тѣхъ же областяхъ знанія.

Вначалѣ своей дѣятельности, чувствуя нѣкоторое одиночество, онъ весь отдался своему университетскому курсу, при чемъ одинъ изъ первыхъ устроилъ въ Университетѣ коллоквіумы со студентами по географіи, какъ университетской наукѣ, а затѣмъ началъ устраивать ежегодно экскурсіи со студентами по Кавказу и Черноморскому побережью. Эти поѣздки представляли такъ много новаго, интереснаго, что служили всегда темою для обсужденія мѣстнымъ обществомъ и прессою.

Онъ много говорилъ тогда о необходимости организацій образовательныхъ экскурсій по Россіи, Европѣ и другимъ частямъ свѣта. Особенно ему хотѣлось направить россіянъ въ Японію, которой онъ очень увлекался.

Блестящій лекторъ, А. Н. сразу обратилъ на себя вниманіе и привлекъ къ себѣ симпатіи студентовъ. Скоро онъ дѣлается однимъ изъ любимѣйшихъ лекторовъ молодежи, не только университетской, но и другихъ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, такъ какъ на своихъ публичныхъ лекціяхъ, которыя онъ часто устраивалъ, онъ излагалъ предметъ не только краснорѣчиво, но и общедоступно.

Съ теченіемъ времени А. Н. втягивается въ общественную жизнь города и дѣлается членомъ разныхъ обществъ, организацій, а также желательнымъ и постояннымъ членомъ многихъ домашнихъ кружковъ въ городѣ. Городская жизнь съ ея повседневными интересами постепенно засасываетъ его. Но ботаникъ и путешественникъ въ немъ сидѣлъ крѣпко и доминировалъ

Бывшій домъ А. Н. Краснова въ Харьковѣ (уголъ Бассейной ул. и Пушкинской; въ настоящее время онъ надстройкой превращенъ въ 3-хъэтажный—д. Дьякова).

надъ всѣмъ остальнымъ. Ему удается оторваться отъ Харькова, собрать средства и уѣхать на Яву, Индію, Японію, Китай, Амуръ, Сахалинъ и др., чтобы собрать необходимый матеріалъ для своей новой кафедры.

Закончивши эти работы, онъ началъ мечтать о реализаціи такого уголка (Mon repos, какъ онъ говорилъ), гдѣ можно было бы культивировать растенія, по возможности, всего міра. Его выборъ палъ на Сочинскій районъ Кавказскаго побережья,

съ которымъ онъ познакомился во время своихъ экскурсій со студентами. Въ то время на Кавказѣ работалъ г. Абаза—энергичный дѣятель, взявшійся за устройство этого исключительнаго по природнымъ условіямъ и въ то же время заброшеннаго или забытаго края. Абаза оцѣнилъ намѣренія А. Н. и предоставилъ ему одинъ изъ побережныхъ, наиболѣе защищенныхъ культурныхъ участковъ Сочинскаго района, приблизительно десятинъ въ 10—12.

Когда я увидалъ въ первый разъ этотъ участокъ, онъ мнѣ напомнилъ разсказы Маинъ-Рида, Фенимора-Купера про дикіе американскіе лѣса. Дѣйствительно, весь участокъ представлялъ собою мѣстность изъ бугровъ и овраговъ, покрытыхъ лѣсомъ, обвитымъ плющемъ и ліанами до самой вершины; внизу мелкіе колючіе кустарники, сплошь покрытые гигантскими кустами ежевики. Достаточно сказать, что я затратилъ 4 часа времени, чтобы съ двумя рабочими, вооруженными необходимыми инструментами, пробиться на протяженіи полутораста саженъ къ морю.

Черезъ два года послѣ того я гулялъ уже въ томъ же мѣстѣ по культурнымъ дорожкамъ и любовался какъ бы перенесенными изъ Японіи живописными уголками съ типической экзотической растительностью, частью вновь насаженой, частью искусно созданной изъ мѣстной флоры. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ А. Н. сумѣлъ создать культурный уголокъ, который пріѣзжали осматривать всѣ желающіе познакомиться съ краемъ и съ тѣмъ, что онъ можетъ дать.

Задаваясь какой либо-цѣлью, А. Н. все остальное приносилъ въ жертву занимавшей его идеи. Какъ образецъ безпримѣрнаго увлеченія идеей, охватившаго его въ данный моментъ, я не могу не сообщить объ одномъ случаѣ въ жизни А. Н. Въ періодъ обработки своей докторской диссертаціи А. Н. ѣздилъ работать на островъ Яву и другіе сосѣдніе острова Индійскаго Архипелага. На эту поѣздку онъ получилъ субсидію отъ Географическаго Общества, но главные рессурсы для поѣздки А. Н. расчитывалъ получить отъ Университета изъ причитающагося ему содержанія за полугодовый періодъ его путешествія. Конечно, расчетъ А. Н. оказался мало соотвѣтствующимъ дѣйствительности, и онъ скоро остался безъ копѣйки и сталъ бомбардировать своихъ друзей и знакомыхъ просьбами о ссудѣ. Но особенно въ затруднительное положеніе попалъ А. Н. на обратномъ пути въ Россію. У него достало средствъ на дорогу только до Мадагаскара, гдѣ онъ и долженъ былъ оставить пароходъ.

На его мѣстѣ всякій другой оказался бы въ критическомъ положеніи, но А. Н. оказывался во всѣхъ случаяхъ истиннымъ путешественникомъ. Въ ожиданіи присылки средствъ имъ были прочитаны популярныя лекціи мадагаскарцамъ, а затѣмъ предприняты поѣздки по острову для ознакомленія съ краемъ, населеніемъ и его жизнью, что также послужило матеріаломъ для публичной лекціи по возвращеніи его въ Харьковъ.

Увлекшись идеей собрать растительность всего земного шара, которая могла бы быть культивируема въ Сочинскомъ районѣ, онъ не щадилъ средствъ, даже когда ихъ не имѣлъ, что всегда заканчивалось для него непріятнымъ послѣдствіемъ. Попадая въ затруднительное матеріальное положеніе, А. Н. долженъ былъ искать выходъ въ побочномъ заработкѣ, и въ такихъ случаяхъ брался за перо. Тогда дни, недѣли были посвѣщены только писанію; весь домъ превращался въ канцелярію, гдѣ переписывались его исписанные словно гіероглифами листы. Едва ли А. Н. имѣлъ возможность хорошо проредактировать свои произведенія. Побуждаемый, съ одной стороны, кредиторами, съ другой—издателями, у которыхъ онъ впередъ бралъ въ счетъ работы, А. Н. работалъ наспѣхъ. Послѣднее обстоятельство сильно вредило ему. Обиліе кредиторовъ было частью причиной и многочисленныхъ публичныхъ лекцій.

Съ А. Н. пріятно было проводить время. Высказывался онъ всегда откровенно, и ясно и краснорѣчиво излагалъ свою мысль. Говорилъ всегда убѣжденно, но въ его рѣчи всегда чувствовалось увлеченіе и болѣе картинное изображеніе событій и обстоятельствъ, чѣмъ реальное описаніе точныхъ фактовъ. Обладая громадной мнемонической и зрительной памятью, при чемъ во время путешествій онъ запечатлѣлъ въ мозгу массу образовъ, А. Н. естественно, не могъ не приводить сравненій, сопоставленій и картиннаго изображенія событій. Онъ любилъ говорить, увлекался самъ и увлекалъ своего слушателя, забывая нерѣдко реальную обстановку. Были случаи, напримѣръ, когда А. Н. забывалъ, что онъ не брадобрѣй и изрѣзывалъ себѣ лицо, чтобы явиться на лекцію или же къ знакомымъ джентельменомъ. Или забывалъ, что онъ не садовникъ и самымъ безжалостнымъ образомъ пересаживалъ лѣтомъ цѣнныя растенія съ одного мѣста на другое въ Сочинскомъ участкѣ. Правда, тамъ такой благодатный климатъ для растеній, что и такія операціи не давали плохихъ результатовъ. Его забывчивость сильно запутывала и денежныя дѣла.

Къ счастью, подобныя огорченія не удручали А. Н. и не повергали въ уныніе. Онъ скоро забывалъ о непріятностяхъ и вновь увлекался идеей. Часто нѣкоторыя его мечты казались странными, но затѣмъ постепенно онѣ разрабатывались и проводились имъ въ жизнь наперекоръ житейскимъ разсужденіямъ и практическимъ соображеніямъ. На развитіе Сочинскаго района А. Н. оказалъ большое вліяніе: онъ постоянно писалъ о немъ статьи въ періодической печати, возбуждая интересъ къ новому краю; принималъ участіе въ мѣстныхъ обществахъ, которыя знакомилъ съ культурою новыхъ растеній; дѣлалъ доклады; устраивалъ выставки въ Петроградѣ и т. д. Послѣ же поѣздки на востокъ съ комиссіей для изученія культуры чая и перевозки чайнаго кустарника въ Россію—А. Н. усиленно агитировалъ за признаніе кавказскаго побережья жемчужиной Россіи, природной для культуры двѣнадцати даровъ востока. Такъ А. Н. называлъ чай, мандарины, хинное дерево, лаковое дерево, пататы, бамбукъ и др. растенія, которыя по его заключенію могли быть культивируемы въ разныхъ мѣстахъ побережья, особенно въ Батумской области.

На своемъ участкѣ А. Н. культивировалъ много новыхъ растеній; черезъ два, три года хозяйничанія онъ уже угощалъ насъ чаемъ, приготовленнымъ у себя дома, мандаринами, сорванными съ вѣтокъ, потатами съ пріятнымъ вкусомъ сладковатаго картофеля, японскими сливами, росшими по стѣнамъ дома, съ невѣроятно вяжущимъ вкусомъ, японскими овощами и зеленью, смирнскими дынями и т. д.

Какъ ни увлекался А. Н. краемъ, малярія, который болѣлъ онъ самъ, а особенно сильно страдали члены его семьи, заставила его покинуть Сочинскую область, перебраться и прочнѣе обосноваться въ г. Харьковѣ.

Но городъ никогда не нравился А. Н. своею жизнью и общественною дѣятельностью. Тѣмъ не менѣе А. Н. внесъ много труда, энергіи и знанія дѣла въ жизнь Харькова: онъ привелъ въ благоустроенный видъ такъ-наз. Университетскій садъ, принималъ выше описанное дѣятельное участіе въ организаціи и веденіи курсовъ для рабочихъ, былъ гласнымъ думы, читалъ безконечное количество популярныхъ лекцій, кажется, для всѣхъ благотворительныхъ обществъ города и т. д.

Въ Харьковѣ А. Н., однако, жилъ лишь до окончанія службы, и какъ только представилась возможность оставить каменныя стѣны, вырваться на просторъ воздуха и свѣта, А. Н. уже больной, съ разстроеннымъ здоровьемъ, снова воспрянулъ духомъ и устре-

мился въ Батумскую область, чтобы создать тамъ акклиматизаціонный участокъ для растительности всего міра. Большая отвѣтственная работа, интересная какъ въ научномъ, такъ и въ практическомъ отношеніи, къ сожалѣнію, не была имъ закончена. Война застала А. Н. за границей, куда онъ уѣхалъ подлечить свое разстроенное здоровье. Длинный переѣздъ по морю на обратномъ пути, долгое задержаніе въ Дарданеллахъ, подъ направленными на пароходъ турецкими пушками, въ конецъ расшатали нервную систему. А. Н. боялся возратиться въ Батумъ, когда началась уже война въ Турціей, считая его ловушкой для всѣхъ живущихъ тамъ русскихъ, тѣмъ не менѣе поѣхалъ туда. Предчувствіе оправдалось—онъ больше оттуда не возратился.

Память объ А. Н. для всѣхъ, ближе его знавшихъ, безъ сомнѣнія, дорога, какъ о мягкомъ, добромъ человѣкѣ, любовно относившемся ко всѣмъ и всему окружающему. Онъ охотно помогалъ нуждающимся, поддерживалъ болѣе способныхъ, талантливыхъ слушателей рабочихъ курсовъ; мальчиковъ, которыхъ бралъ къ себѣ ухаживать за оранжереей, воспитывалъ, обучалъ и помогалъ имъ дать законченное образованіе. У А. Н. всегда были на попеченіи молодые люди, которые при его помощи старались выбиться къ свѣту[1]). Съ громаднымъ запасомъ работоспособности, жизнерадостности, какой-то потенціальной энергіи и полной готовности подѣлиться, какъ бы перелить въ другого запасъ своего интеллекта, А. Н. невольно привлекалъ къ себѣ симпатіи всѣхъ кому приходилось ближе приходить съ нимъ въ соприкосновеніи и ближе знакомиться съ интимной стороной его дѣятельности и жизни. Про него можно съ полнымъ правомъ сказать, что онъ былъ свѣтлымъ явленіемъ въ жизни русскаго общества.

Д. Коневъ.

---

[1]) Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ очень часто дѣлался жертвой и эксплоатаціи.

Изъ произведеній А. Н. Краснова [1]).

Географія, какъ новая университетская наука [2]).

Сегодня впервые я имѣю честь выступить передъ вами, на каѳедрѣ Харьковскаго университета, въ качествѣ преподавателя науки, доселѣ здѣсь не читавшейся, науки новой для нашихъ русскихъ высшихъ учебныхъ заведеній. И естественно, что всѣ здѣсь собравшіеся въ правѣ задать мнѣ вопросъ: что же это за новая наука, вдругъ откуда-то взявшаяся? почему только теперь она является среди прочихъ предметовъ, здѣсь излагающихся? почему ранѣе о ней ничего, какъ объ университетской наукѣ, не было слышно? Въ правѣ ли она называться наукою? не есть ли это лишь наглая самозванка, безъ всякихъ правъ вторгшаяся въ семью университетскихъ наукъ?

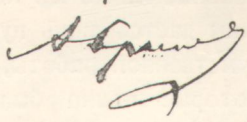
Выступая здѣсь въ качествѣ профессора географіи, считаю своимъ долгомъ, прежде чѣмъ начать курсъ, отвѣтить на этотъ вопросъ, высказать свой взглядъ на него, свое profession de foi, дабы не вводить въ заблужденіе моихъ слушателей. Я считаю это тѣмъ болѣе необходимымъ, что не только у насъ въ Россіи, но и на западѣ, взглядъ на географію не установился: всякій понимаетъ и толкуетъ этотъ предметъ по-своему, давая поводъ публикѣ составлять себѣ о немъ самыя превратныя представленія.

---

[1]) Въ дальнѣйшимъ мы перепечатываемъ нѣкоторыя статьи А. Н. Краснова, которыя дополняютъ данныя въ предыдущей характеристики его взглядовъ и вообще особенностей творчества. *Ред.*

[2]) Вступительная лекція, читанная 16-го сентября 1889 года въ Харьковскомъ университетѣ. (см. Журн. Мин. Нар. Просв., ч. CCLXVI, отд. 2). Взгляды А. Н. Краснова на задачи географіи были имъ изложены также совсѣмъ въ концѣ его профессорской дѣятельности въ статьѣ, помѣщенной въ журналѣ «Природа». Однако, мы предпочли настоящую его статью, которая показываетъ, съ насколько сложившимися взглядами онъ приступалъ съ самаго начала къ своей дѣятельности. *Ред.*

Насколько я могъ замѣтить господствующимъ въ массѣ представленіемъ о географіи является то, которое вынесено со школьной скамьи и опредѣлено приблизительно тѣмъ, что излагается въ учебникахъ Смирнова, Бѣлохи, Пуликовскаго, Лебедева и т. п. И эта часть образованной публики справедливо недоумѣваетъ: какую же роль подобная наука можетъ играть въ стѣнахъ университета? Вѣдь названные учебники содержатъ



Автографъ А. Н. Краснова.

въ себѣ лишь собраніе разнородныхъ свѣдѣній о разныхъ частяхъ свѣта и ихъ государствахъ, да кое-что изъ физической географіи, свѣдѣнія правда—необходимыя для всякаго образованнаго человѣка, но сборъ которыхъ нельзя назвать наукою. Дѣйствительно, свѣдѣнія эти въ томъ видѣ, какъ они преподаются въ гимназіяхъ, неполны, но говоря по правдѣ, пополнять ихъ можно до безконечности. Въ многотомномъ произведенія Реклю «Géographie Universelle» мы видимъ одно изъ наиболѣе талантливыхъ исполненій подобнаго рода задачи. Прекраснымъ, картиннымъ языкомъ изложены здѣсь разнообразнѣйшія свѣдѣнія о всѣхъ пяти частяхъ свѣта, свѣдѣнія о ихъ живой и мертвой природѣ, о населеніи, промышленности и торговлѣ. Но стоитъ любому изъ мѣстныхъ обывателей развернуть хотя бы главу о Малороссіи, чтобъ онъ увидѣлъ, что въ ней такое множество пробѣловъ, что пользоваться сочиненіемъ

этимъ для спеціальныхъ справокъ невозможно. Точно такое же впечатлѣніе производитъ описаніе его родины на любого изъ жителей другихъ странъ, описанныхъ Реклю, несмотря на полную добросовѣстность автора.

Очевидно, что исполненіе подобнаго рода задачи даже и не подъ силу одному человѣку. Да и къ чему бы привело оно? Оно привело бы къ составленію полнаго компендія, запомнить который не въ состояніи была бы ни одна свѣтлая голова. Эти разнородныя свѣдѣнія, доведенныя до точности справочной книги и путеводителя, имѣютъ лишь частный интересъ, и мнѣ кажется, г-жа Простакова не была бы неправа, утверждая, что этого рода географія болѣе пригодна для изводчиковъ, нежели для студентовъ. Эта была бы во всякомъ случаѣ наука не университетская, ибо истинная университетская наука должна стремиться къ изложенію и открытію научныхъ истинъ.

Не всякая наука имѣетъ въ виду эту послѣднюю цѣль Есть рядъ наукъ прикладныхъ, представляющихъ лишь сводъ отдѣльныхъ фактовъ, «отдѣльныхъ правдъ», какъ ихъ называетъ мой уважаемый учитель, проф. Менделѣевъ. Знаніе правды бываетъ важно для практической жизни; оно дается наблюденіемъ, опытомъ, практикою. Оно иногда на первый взглядъ приложимѣе къ жизни, ближе къ ней, доступнѣе массѣ. Напротивъ, знаніе истины дается лишь путемъ научныхъ изслѣдованій, путемъ трудной умственной работы, путемъ сопоставленія выводовъ, получить которые можно было лишь путемъ научныхъ, особыхъ методовъ изслѣдованія.

Что солнце наше поднимается ежедневно на востокѣ и, описавъ полукругъ, склоняется на западѣ—это фактъ, это правда, на знаніи и утилизаціи которой зиждется весь строй нашей жизни. Но истина движенія земли вокругъ оси, объясняющая смыслъ явленія, какъ извѣстно, далась людямъ не такъ скоро, и слѣдствія этой истины до сихъ поръ еще не исчерпаны человѣчествомъ.

Науки, не имѣющія цѣлью утилизацію сброда отдѣльныхъ «правдъ», а дѣйствительно стремящіяся къ открытію истинъ, или трактующія объ этихъ скрытыхъ для простака истинахъ, имѣютъ по преимуществу право на мѣсто въ университетѣ и должны здѣсь излагаться. Географія или, чтобы точнѣе, лучше обозначить нашъ предметъ—научное землевѣдѣніе, принадлежитъ именно къ этой послѣдней категоріи наукъ, хотя, по правдѣ сказать, изъ нихъ она самая молодая и не выработанная. Взглядъ на географію, какъ на сбродъ отдѣльныхъ фак-

Проф. А. Н. Красновъ въ Батумѣ. Налѣво губернаторъ Батумской области Романовскій-Романько.

товъ, былъ взглядъ не безъ основанія; онъ выработался исторически. Еще недавно географія была именно такою. Отрывочные факты, собранные различными путешественниками, суммировались въ одно цѣлое. Получался сборъ разнороднѣйшихъ свѣдѣній, касающихся климата, животныхъ, растеній и быта людей различныхъ странъ, сбродъ, изъ котораго составлялось уже описаніе, куда могло входить все, начиная отъ направленія вѣтровъ и кончая тѣмъ, какими вилками ѣдятъ жаркое ея обитатели. Таковъ былъ характеръ землеописанія со временъ Страбона и Плинія и до Гумбольдта и Риттера включительно. Правда, еще со временъ глубокой древности, какъ это прекрасно показалъ В. де-Сенъ-Мартенъ въ своей Histoire de la Geographie, дѣлались попытки широкихъ обобщеній, нахожденія связи между живою и мертвою природой каждой страны, однако все это ограничивалось лишь смѣлыми, по большей части ни на чемъ не основанными, гипотезами.

И такое состояніе географіи нельзя было ставить ей въ вину. Почти каждая университетская наука во времена болѣе или менѣе отдаленныя находилась въ этой стадіи сброда мало систематизированныхъ поверхностныхъ, доступныхъ простому глазу наблюденій, не координированныхъ фактовъ, словомъ— представляла свѣдѣнія объ узнанныхъ «правдахъ», но была далека отъ провозглашенія истинъ. Вспомните: ботаника зародилась изъ травниковъ и полезныхъ свѣдѣній о съѣдобныхъ и лѣкарственныхъ травахъ; минералогія еще недавно занималась лишь перечисленіемъ признаковъ нахожденія рудъ и драгоцѣнныхъ камней; химія возникла изъ алхиміи, представлявшей рецепты для полученія золота и философскаго камня; даже древнѣйшая и совершеннѣйшая изъ наукъ, астрономія, и та представляла нѣкогда сводъ фактовъ о движеніи свѣтилъ по небесной тверди и ихъ загадочныхъ вліяній на судьбу людей. Географія только запоздала, идучи по тому же самому пути развитія. И это запаздываніе вполнѣ понятно и естественно.

Географія всегда имѣла предметомъ своимъ земной шаръ, описаніе его материковъ и морей и уясненіе явленій, на немъ происходящихъ и обусловливающихъ обстановку и судьбы живущаго на немъ человѣчества. Древніе географы, компилируя имѣющіяся подъ ихъ руками свѣдѣнія, были поэтому совершенно правы, принимая въ расчетъ всѣ данныя о природѣ и жизни описываемыхъ ими странъ. Но по мѣрѣ развитія нашихъ знаній, географъ оказался подавленнымъ ихъ массою, и ему не оставалось ничего иного, какъ раздѣлить свой трудъ. Древняя

наука должна была раздѣлиться между метеорологами, геофизиками, ботаниками, геологами, зоологами, этнографами, политикоэкономами, статистиками. Ея самостоятельное существованіе сдѣлалось фактически невозможнымъ. Но эти науки, на которыя она распалась, каждая въ свою очередь, представили столько матеріала, столько своего спеціальнаго интереса, что служители наукъ этихъ, углубившись въ нихъ, по большей части забыли объ исходномъ ихъ пунктѣ и задались цѣлями довольно далекими отъ той, къ которой стремилось научное землевѣдѣніе. Ботаника стали интересовать вопросы о процессахъ питанія и роста растеній, о генетической связи между отдѣльными родами и видами; самая исторія развитія низшихъ организмовъ потребовала столь старательнаго изученія, что лица, увлекшіяся этими вопросами, по большей части совершенно оставляли втунѣ ту ботанику, которая, какъ вѣтвь географіи, была генетически съ нею связана, то-есть, изученіе флоръ различныхъ странъ и присущихъ имъ особенностей. Если подобнаго рода изученіе и дѣлалось, то обыкновенно спеціализація автора накладывала на него рѣзкій отпечатокъ. Оно носило на себѣ характеръ односторонности. Перечни растеній, издаваемые ботаниками старой школы, были сырымъ, неудобоваримымъ, никому, кромѣ однихъ спеціалистовъ, неинтереснымъ матеріаломъ. Люди менѣе односторонніе, въ родѣ Гризебаха, Рупрехта, пытавшіеся пролить свѣтъ на собранные ими факты, освѣщали его всегда крайне односторонне, ища связи между, напримѣръ, климатомъ и флорою или геологическимъ строеніемъ мѣстности и растительностью и оставляли въ сторонѣ совокупность другихъ факторовъ не менѣе важныхъ. То, что сказано о ботаникѣ, вполнѣ примѣнимо и къ другимъ наукамъ и повторять аналогичные примѣры значило бы лишь надоѣдать слушателямъ.

И такое положеніе дѣлъ было вполнѣ естественно. Вѣдь, еще недавно отношеніе человѣка къ земному шару отличалось весьма немного отъ отношенія муравья къ тому мѣсту, по которому онъ ползаетъ. Правда, трудами путешественниковъ и топографовъ намъ удалось теперь составить довольно ясное представленіе объ очертаніяхъ и распредѣленіи суши и моря, о направленіи рѣкъ и горъ; но вѣдь этотъ трудъ былъ лишь координаціей отдѣльныхъ фактовъ—не болѣе. Земной шаръ, однако, какъ извѣстно, подобенъ живому организму. Его внутренность и кора, воды и воздушная оболочка ежечасно перетерпѣваютъ многоразличныя измѣненія. Ходъ измѣненій этихъ дви-

женій вліяетъ на органическую жизнь нашего шара, которая до извѣстной степени является какъ бы отраженіемъ этихъ явленій. И естественно, что пока человѣкъ самъ находился въ сферѣ дѣйствія всѣхъ этихъ силъ и явленій, будучи самъ въ значительной степени ихъ объектомъ, онъ не могъ имѣть полной картины жизни земного шара.

Чтобъ имѣть эту картину, онъ долженъ былъ сумѣть мысленно отдѣлиться отъ его поверхности и составить картину явленій, на ней происходящихъ; онъ долженъ былъ наблюдать теченіе вѣтровъ, распредѣленіе осадковъ, процессовъ вывѣтриванія породъ и т. д., такъ же, какъ медикъ наблюдаетъ кровообращеніе, пищевареніе, выдѣленіе железъ и т. п. на ввѣренномъ ему человѣческомъ организмѣ.

Очевидно, для того, чтобы перестать играть роль муравья и превратиться въ стоящаго внѣ земли наблюдателя, надо было владѣть особыми методами. Методы эти суть достояніе естественныхъ наукъ и при томъ наукъ въ самой новѣйшей стадіи ихъ развитія. Только благодаря методамъ синоптической метеорологіи, благодаря телеграфамъ, соединяющимъ другъ съ другомъ всѣ обсерваторіи пяти частей свѣта, мы можемъ составить карты состоянія атмосферы на каждый день, имѣть картину ея годичной жизни, такъ же, какъ мы могли бы наблюдать ее разсматривая землю нашу съ какого-нибудь другаго свѣтила. Только суммируя тысячи фенологическихъ наблюденій, только сопоставляя тысячи голыхъ систематическихъ списковъ, данныхъ въ разное время ботаниками, мало по мало оказываемся мы въ состояніи слабою, нетвердою рукою начертать границы растительныхъ и животныхъ царствъ; только теперь можемъ мы дѣлать попытки объяснить особенности царствъ этихъ, явленія ихъ жизни и отмиранія, тѣ явленія атмосферной, почвенной жизни, о распредѣленіи и причинахъ которыхъ наши предшественники могли строить только смѣлыя гипотезы.

Научное землевѣдѣніе является поэтому наукой, возникшей въ нашъ вѣкъ пара и электричества, можно сказать, исключительно имъ обязанною своимъ существованіемъ: ибо, благодаря только этимъ факторамъ нашей цивилизаціи, мы можемъ сопоставлять между собою различныя явленія, одновременно или почти одновременно происходящія на нашемъ шарѣ, разсматривать ихъ съ точки зрѣнія наблюдателя, стоящаго внѣ земного шара, отыскивать между ними причинную и генетическую связи. Вмѣсто голой суммировки отдѣльныхъ свѣдѣній, современная возникающая наука стремится сгрупировать и расклассифициро-

вать разнородные типы явленій органической и неорганической жизни земного шара, разсматривая ихъ такими, какими они представляются живущему на немъ человѣчеству, и охарактеризовавъ ихъ, ищетъ между ними генетической связи и законности, управляющей ихъ возникновеніемъ и взаимодѣйствіемъ.

Я сейчасъ постараюсь пояснить примѣромъ сказанное; но прежде я долженъ указать еще на одно обстоятельство, мѣшавшее доселѣ развитію научнаго землевѣдѣнія. Причина эта—младенческое состояніе геологіи.

Хотя истинная задача геолога—исторія земной коры, а не описаніе современнаго ея состоянія, однако, какъ бытописатель, знакомый съ исторіей своей страны, легче пойметъ особенности ея жителей, такъ и знаніе прошлаго необходимо для географа. Геологъ характеризуетъ жизнь и географію земного шара въ отдаленномъ его прошломъ. Это прошлое часто мало интересно для географа. Но чѣмъ ближе къ современному періоду, тѣмъ большее вліяніе на особенности природы материковъ и морей нашей планеты оказываетъ это недавнее прошлое, ихъ до-историческое распредѣленіе и жизнь. Это прошлое наложило на современность неизгладимую печать, которую не можетъ стереть современная жизнь шара, а потому для разумнаго пониманія обстановки человѣка на земномъ шарѣ и его судьбы, равно какъ для разумѣнія истиннаго смысла явленій и распредѣленія ихъ на земномъ шарѣ, словомъ—для научнаго землевѣденія, необходимо знаніе исторіи развитія современной обстановки человѣка. Но мы знаемъ, что геологія вообще, и геологія новѣйшихъ образованій въ особенности, можно сказать, только въ самыя послѣднія недѣли своего развитія достигла возможности слабою, неясною рукою начертать измѣненія нашихъ материковъ и морей въ предшествующую эпоху, начертать исторію ихъ развитія и въ туманѣ показать намъ грандіознѣйшую картину возникновенія нашего современнаго земнаго міра, какъ слѣдствія сжатія, складыванія и сдвиговъ по трещинамъ охлаждающейся коры земнаго шара.

Естественно, что, лишенная еще недавно столь важныхъ условій для своего развитія, географія, какъ наука, существовать не могла. Какъ физіологія является дочерью физики и химіи, какъ геологія дочь астрономіи и физики, такъ географія является дѣтищемъ естественныхъ наукъ, нѣкогда изъ нея возникшихъ. Развитіе ея методовъ и результатовъ вполнѣ зависѣло отъ успѣховъ этихъ послѣднихъ. Вотъ почему, мм. гг., географія является послѣднею въ семьѣ естественныхъ наукъ.

Чтобы выяснить лучше разницу между научнымъ землевѣдѣніемъ и тѣмъ, которое принималось за таковое ранѣе, я позволю себѣ иллюстрировать мое изложеніе примѣромъ.

Поставимъ себѣ задачею сдѣлать научное географическое описаніе Великобританіи, страны наилучше изслѣдованной въ естественно-историческомъ отношеніи. Географъ старой школы началъ бы съ изложенія объ очертаніяхъ острововъ, ихъ величины, далъ бы картину устройства поверхности, перечислилъ бы горы, ихъ высоту, рѣки съ ихъ особенностями; указалъ бы далѣе на климатъ, господствующіе вѣтры, распредѣленіе осадковъ; назвалъ бы главнѣйшіе виды растеній и животныхъ; затѣмъ перешелъ бы къ народонаселенію, его плотности, этнографическому составу, быту, промышленности, торговлѣ, государственному устройству, бюджету и т. д. и т. д. Эту намѣченную программу въ зависимости отъ времени, способности и силъ онъ могъ бы расширить или сузить по произволу, такъ какъ объектовъ для описанія у него былъ бы всегда неисчерпаемый источникъ. Но все это былъ бы одинъ систематизированнный, сырой матеріалъ—очень важный для справокъ, но не имѣющій и тѣни научности. Типъ такого рода описанія, какъ сказано, мы видимъ у Реклю, у Кирхоффа, и другихъ извѣстныхъ географовъ.

Не такъ долженъ отнестись къ своей задачѣ опытный землевѣдъ. Для него эта группа островковъ есть не что иное, какъ кусочекъ материка Евразіи, отдѣленный отъ него только въ силу трансгрессіи Атлантическаго океана. Обращаясь къ даннымъ геологіи, онъ находитъ, что явленіе указанной трансгрессіи не есть случайное въ исторіи Великобританіи. Если теперь ея подводныя пучины и фіорды суть остатки озерныхъ днищъ, вырытыхъ ледниками, а рифы и мели—вершины затопленныхъ горъ, кое-гдѣ даже сохранившихъ подъ водою свои лѣса, то явленіе это въ предшествовавшіе періоды повторялось не разъ, и Великобританію можно раздѣлить на двѣ области: область горъ, возникшихъ во времена глубокой древности и со временъ этой древности не затоплявшихся; область горъ и холмовъ болѣе молодыхъ, затоплявшихся лишь въ древнее время, и наконецъ, равнины, бывшія попеременно до послѣднихъ дней то долиною моря, то сушею. Указавъ далѣе мѣсто Англіи на пути современныхъ воздушныхъ теченій, обусловливающихъ ея современный климатъ, онъ долженъ указать на исторію этого климата, на періодъ большаго пониженія температуры, обусловившаго смѣну постоянныхъ дождей сѣвера Шотландіи такими

же снѣгопадами, которые вызвали развитіе ледниковъ, покрывшихъ почти всю страну за ислюченіемъ ея южной оконечности. Періодъ соединенія ледниковъ Шотландіи и Скандинвскаго, факты всегда со временъ глубокой древности большей влажности западныхъ склоновъ, сравнительно съ восточными, должны быть отмѣчены съ особенною силою. Тогда ясными вполнѣ выступятъ всѣ особенности рельефа современнаго королевства. Слушатель пойметъ тогда, почему горы Великобританіи на цѣлыя геологическія эпохи болѣе древни, чѣмъ, напримѣръ, Альпы, Карпаты или Гималаи, и что онѣ представляютъ однѣ развалины; почему ея рѣчныя долины превратились въ горные проходы, прорѣзавъ давно поперекъ горные хребты, почему такъ широки устья рѣченокъ, въ родѣ Темзы, доступныя кораблямъ и представляющія въ сущности залитыя прѣсною водою эстуаріи. Панорамы Шотландіи, носящія отпечатокъ ледяного періода, и ихъ рѣзкое отличіе отъ панорамъ Корнваллиса, разница перипетій пиковъ базальтовыхъ и гранитныхъ скалъ Ирландіи не будутъ мертвыми фактами, но полными глубокаго содержанія...

То же и съ растительностью. Вмѣсто мертваго перечисленія характерныхъ формъ географъ долженъ указать на особенности ихъ распространенія. Онъ долженъ указать на факты господства сосны и скандинавскаго типа флоры въ Шотландіи и въ носящихъ слѣды обледенѣнія частяхъ Британіи, на присутствіе совершенно особенныхъ американско-испанскихъ видовъ на его западныхъ оконечностяхъ и германскихъ на крайнемъ востокѣ. Онъ долженъ выяснить, почему однѣхъ климатическихъ особенностей, присущихъ различнымъ уголкамъ Соединеннаго королевства, недостаточно для объясненія такого ихъ распространенія и сродства съ названными странами. Онъ покажетъ, что испанскія формы суть отголоски отдаленной третичной флоры, уцѣлѣвшей въ пунктахъ, пощаженныхъ ледниками, и ростущей тамъ доселѣ, благодаря ихъ влажности. Скандинавскій типъ окажется ледниковымъ, уступающимъ германскому современному, по мѣрѣ таянія ледниковъ, и пестрый цвѣтистый коверъ современной флоры явится нерукотворною лѣтописью пережитыхъ страной событій, краснорѣчивою и поэтичною. И ясно тогда станетъ, почему эти тысячи видовъ—представителей южной Европы, Америки, Японіи и Австраліи, введенные рукою опытнаго акклиматизатора,—нашли на островѣ второе отечество, и почему благовонный листъ классическаго лавра или зелень ливанскаго кедра переплетаются здѣсь съ хвоей сосны, а на коврѣ изъ травъ суроваго сѣвера высятся италіанскія пинія

и питтоспорумы. Бѣдность фауны острововъ, лишенной почти эндемичныхъ видовъ, почти тожественной съ европейскою континентальною, но менѣе богатой, получитъ особый интересъ. Это прогрессивное убываніе рептилій съ болѣе крупныхъ острововъ на болѣе мелкіе западные будетъ свидѣтельствовать о когда-то бывшей, но слишкомъ рано порванной связи съ материкомъ. Это присутствіе полярныхъ видовъ въ пучинахъ будетъ говорить о слѣдахъ ледниковаго періода, а оригинальность формъ Ирландскаго моря—о его изоляціи.

Наконецъ, вмѣсто перечисленія племенъ и религій, современный географъ долженъ показать своимъ слушателямъ сперва географическое распредѣленіе типовъ, установленныхъ антропологами; показать связь современныхъ типовъ съ типами историческими и доисторическими, установленными по курганамъ и могиламъ, изъ чего съ ясностью выступитъ, что во всей западной части королевства еще господствуетъ тотъ же типъ, который имѣли люди каменнаго вѣка, но рѣзко отличный отъ свидѣтелей обледенѣнія Шотландіи—палеолитическихъ, эскимосоподобныхъ народовъ. На географѣ лежитъ обязанность выяснить причины, почему именно здѣсь, несмотря на все смѣшеніе, удержался этотъ типъ, почему кельты, строители дольменовъ, внесшіе употребленіе бронзы, не изгнали его, а растворились вмѣстѣ съ римлянами въ его массѣ, и какія географическія причины позволили позднѣйшимъ пришлецамъ, саксамъ и норманнамъ, не только утвердить свое владычество, но и обусловить громадное преобладаніе въ восточной части королевства той высокой рыжеволосой расы, которая всегда рисуется въ умѣ при представленіи о туристѣ-англичанинѣ. Наконецъ, вопросъ о томъ, какую печать отложила вся эта совокупность факторовъ на культурѣ страны, принадлежитъ также къ числу вопросовъ землевѣдѣнія.

Вы видите, мм. гг., что программа такого рода землевѣдѣнія рѣзко отличается отъ такъ-называемой физической или динамической геологіи, которая занимается исключительно изученіемъ отдѣльныхъ силъ, дѣйствующихъ на земной поверхности, измѣняющихъ ее, и изучаетъ ихъ исключительно въ примѣненіи къ геологіи, то-есть, для объясненія событій давно прошедшихъ. Это также и не физическая географія, то-есть, ученіе о распредѣленіи этихъ силъ по земной поверхности. Это, напротивъ, философская наука, пытающаяся на основаніи выводовъ естественныхъ наукъ объяснить и указать особенности той обстановки, въ которой принуждено жить современное человѣчество, подобно тому, какъ наука о человѣкѣ стремится узнать особенности

организаціи человѣческаго организма и законы, управляющіе его жизнью. Съ другой стороны, приведеннаго примѣра программы землевѣдѣнія Великобританіи совершенно достаточно, чтобы показать, что при преподаваніи географіи сама необходимость заставляетъ начинать съ общаго и переходить къ частному.

Намъ приходилось намекать на то, что горы Англіи суть части древнихъ горъ залитой оконечности Евразіи, что онѣ были подъ ледянымъ покровомъ, одѣвавшимъ сѣверъ Европы, что ее поперемѣнно заселяли флоры то скандинавскаго, то иберійскаго типа, что ея аборигены были астурійской расы; словомъ, для разумнаго пониманія явленій, происходящихъ на этомъ маленькомъ архипелагѣ, намъ пришлось бы постоянно дѣлать экскурсіи изъ него въ мѣста болѣе или менѣе отдаленныя, пріурочивая ихъ то къ тому, то къ другому типу широко распространенныхъ по земному шару явленій. Вотъ почему разумнѣе, на мой взглядъ, дать сперва общую картину развитія и распредѣленія различныхъ гео-физическихъ, гео-ботаническихъ и другихъ явленій, происходящихъ на земномъ шарѣ. Тогда задача частнаго землевѣдѣнія будетъ несравненно проще. Она будетъ сводиться къ нахожденію роли того или другаго явленія данной страны въ общей жизни земнаго шара, подобно тому какъ для частной съемки, частнаго плана надо прежде узнать его мѣсто на большой общей картѣ.

Та общая широкая программа землевѣдѣнія, которая мною начертана, роль частнаго землевѣдѣнія, сейчасъ намѣченная, мнѣ кажется, принадлежитъ къ числу интереснѣйшихъ отдѣловъ натурфилософіи. И конечно, между различными отдѣлами частнаго землевѣдѣнія отдѣлъ познанія нашего отечества — землевѣдѣніе Россіи — кажется мнѣ, долженъ занимать первое мѣсто. Мы, владѣя столь обширнымъ кускомъ вселенной, къ стыду своему должны сознаться, что до сихъ поръ не знаемъ ни своего отечества, ни роли его природы на материкѣ Евразіи. И отъ кого же, какъ не отъ университетски образованнаго человѣка, можно требовать этого знанія? Вы, здѣсь сидящіе, вы, будущіе администраторы, земледѣльцы, воспитатели юношества, сколько политическихъ ошибокъ, сколько превратныхъ распоряженій сдѣлаете вы, не зная своей страны! Не отъ неполнаго ли ея знанія происходитъ это наше самопрезрѣніе и самопоруганіе? Не отъ не достаточной ли выясненности нашей роли на материкѣ стараго свѣта мы вотъ уже второй вѣкъ, на перекоръ стихіямъ, попираемъ и презираемъ свое, стремясь копировать съ Европы возможное на ряду съ невозможнымъ! Мнѣ кажется,

лучшее знаніе своей страны искоренило бы въ обществѣ нашемъ многія ненормальности.

Общее землевѣдѣніе, въ объемѣ, нами начертанномъ, въ развитіи своемъ всецѣло зависитъ отъ развитія естественныхъ наукъ. Послѣднія далеко еще не сказали своего послѣдняго слова. Понятно, что его не могла сказать и географія. Многіе вопросы ея могутъ пока быть еще только намѣчены. На мѣсто желательныхъ истинъ приходится во многомъ ограничиваться еще смѣлыми гипотезами. Но такова судьба всякой молодой, зарождающейся науки. Мы можемъ утѣшать себя только тѣмъ, что мы видимъ громадный сырой матеріалъ, подготовленный натуралистами. Кирпичи готовы, они ждутъ строителя — и, говоря словами Христа, я могу сказать вамъ: воззрите на нивы, какъ онѣ побѣлѣли; не настало ли время для жатвы?

Въ заключеніе этого вступительнаго слова своего я укажу еще на одну сторону нашей новой науки. Всѣ естественныя науки, здѣсь читающіяся, зародились и создались на западѣ. Мы являемся преемниками и учениками западо-европейскихъ ученыхъ. Слова нѣтъ, русская наука на своемъ молодомъ и славномъ поприщѣ сдѣлала весьма многое и обратила на себя всеобщее вниманіе въ европейскомъ ученомъ мірѣ, гдѣ она заняла почетное мѣсто. Но право первородства принадлежитъ не ей. Научное землевѣдѣніе первое возникаетъ у насъ единовременно съ западомъ. Наука эта, широкая по своему плану, требующая какъ широкихъ обобщеній, такъ и умѣнія всею душою понять чуждую природу, чуждый характеръ и привычки, по духу своему, болѣе чѣмъ какая бы то ни было, соотвѣтствуетъ намъ, русскимъ, которые, какъ показала наша исторія, наша цивилизація, наша беллетристика, болѣе чѣмъ какой другой народъ, обладаютъ указанными свойствами. А потому будемъ надѣяться, что, развившись у насъ, она станетъ дѣйствительно наукою русскою по преимуществу.

Изъ колыбели цивилизаціи [1]).

(Письма изъ кругосвѣтнаго путешествія).

Я опять на родинѣ. Курьерскій поѣздъ мчитъ меня въ Харьковъ. Въ вагонѣ натоплено и душно. Въ окна разстилается на необозримое пространство снѣжная равнина, сливающаяся съ сѣрымъ, хмурымъ январьскимъ небомъ. Легкая мятель подвѣваетъ снѣгъ, онъ сыплется сверху, и трудно сказать, гдѣ кончается сумрачная бѣлая равнина и гдѣ начинается это снѣжное сѣрое небо. Жалкія лачуги, сгруппировавшіяся въ деревни, почти занесены снѣгомъ. Разбросанныя на громадныя разстоянія одна отъ другой, деревни кажутся погребенными подъ этимъ мертвящимъ бѣлымъ саваномъ, и мнится, что равнина, по которой несется поѣздъ, обречена на вѣрную смерть, что онъ самъ, этотъ облѣпленный снѣгомъ поѣздъ, все болѣе и болѣе замедляющій ходъ свой, скоро остановится, чтобы замерзнуть и, какъ все окружающее, быть погребеннымъ подъ снѣговымъ саваномъ. Но мысли мои далеки отъ этой безотрадной и грустной обстановки. Онѣ переносятъ меня назадъ, въ столь недавно покинутыя мною страны; онѣ переносятъ меня въ жаркія и такія же ровныя пространства Индіи, по которымъ точно такъ-же мчалъ меня поѣздъ, на лоно водъ Янтсекіанга, къ подножію горы Фузи, въ шумную толчею Санъ-Франциско...

Какъ странно послѣ этихъ муравейниковъ человѣческой жизни, гдѣ милліоны разумныхъ существъ жили и умирали не зная, что такое шуба, не зная, что топливо необходимо, чтобы не замерзнуть, и употребляется не для того только, чтобы варить пищу, а жилище предназначено для защиты отъ мороза,

---

[1]) Настоящая статья А. Н. является заключительной въ длинномъ рядѣ очерковъ, печатавшихся подъ общимъ заголовкомъ въ «Книжкахъ Недѣли» 1897 (послѣдняя — въ декабрской книжкѣ). Она даетъ хорошее представленіе съ одной стороны объ общемъ типѣ географическаго мышленія А. Н., растекающагося и прыгающаго каскадами по всѣмъ элементамъ описываемаго явленія, а съ другой объ своеобразной позиціи, занимаемой А. Н. въ соціально-политическомъ мышленіи.

Ред.

а не отъ дождя, — попасть теперь вновь въ эту морозную среду, въ эту атмосферу, которая была бы столь же губительна для этого человѣчества, какъ и для осѣняющихъ его пальмъ, бамбуковъ и вѣчно-зеленыхъ деревъ. Могла ли бы эта цивилизація и культура, своеобразныя проявленія которой мы видѣли, начиная отъ Египта и кончая Сандвичевыми островами, зародиться и существовать въ этой холодной и безотрадной обстановкѣ? И если субтропическій поясъ былъ истинною колыбелью человѣческой культуры, то не придется ли признать это царство холода областью ея агоніи, если даже не настоящею могилою? Исторія намъ говоритъ въ пользу этого предположенія. Царство снѣга и мороза, русская равнина не играла видной роли въ созданіи той культуры и цивилизаціи, которая, зародившись въ полутропическихъ странахъ Востока, передавалась затѣмъ отъ одного народа къ другому, при чемъ каждый послѣдующій, дополняя ее и совершенствуя, довелъ цивилизацію эту и культуру эту до той высоты ея, какую мы наблюдаемъ у культурныхъ народовъ далекаго Запада и Востока европейско-азіатскаго материка.

Россія и русская равнина не принимали активнаго участія въ созданіи этой цивилизаціи. Всякій разъ, когда носители ея являлись съ цѣлью ея насажденія, она не хотѣла здѣсь укореняться, являясь экзотическимъ растеніемъ, которое или гибло, какъ гибнутъ наши цвѣтники подъ дыханіемъ холоднаго октябрскаго вѣтра, или оставалось тепличнымъ растеніемъ, дорого стоющимъ и требующимъ усиленнаго ухода.

Высокая культура, роскошные памятники, которой оставили намъ древнія греческія колоніи Тавриды, сохранилась лишь въ формѣ руинъ и предметовъ, доставляемыхъ раскопками могильниковъ и развалинъ. Она не проникала въ варварскія племена, кочевавшія сѣвернѣе Крыма. Какъ во времена Владиміра Святого палками и розгами загоняли народъ нашъ въ школы, а матери проливали горькія слезы объ отдаваемыхъ въ ученіе дѣтяхъ, такъ точно и теперь добрыя $^2/_3$ крестьянскаго населенія Россіи,— а Россія вѣдь страна крестьянъ,—относятся съ такимъ же точно индифферентизмомъ къ образованію. Ихъ дѣти послѣ школы забываютъ пройденное, даже простую грамоту,—а новобранецъ 21 года нерѣдко столь же невѣжественъ, какъ и младшій братъ его, поступающій въ школу, пройденную старшимъ лѣтъ 10 тому назадъ. Войдите внутрь этой занесенной снѣгомъ избы. Вы тамъ встрѣтите обстановку сына природы, сына лѣса или степи, семья котораго почти все нужное приготовляетъ сама,

приготовляетъ первобытнымъ и грубымъ способомъ, начиная отъ лаптей или малороссійской плахты и кончая грубымъ холстомъ и первобытною телѣгою. Копнитесь въ міросозерцаніи этого одѣтаго въ сермягу или овечью шкуру аборигена, и вы отшатнетесь съ ужасомъ, увидя, подъ тоненькой пленкою внушенныхъ идей, понятія доисторическаго варвара, временъ перваго заселенія Европы, понятія, гдѣ рука объ руку съ идеями греческой церкви ютятся представленія о душѣ, о силахъ природы и суевѣрія, тождественныя съ народами языческой Индіи, лишь выродившіяся и потерявшія яркость красокъ, въ блѣдной обстановкѣ полугиперборейской жизни.

И такъ живетъ добрыхъ 75% этого сто-милліоннаго населенія. Правда, это населеніе начинаетъ ѣздить по желѣзнымъ дорогамъ, оно видитъ телеграфныя проволоки, протянутыя вдоль первобытныхъ шоссейныхъ дорогъ, мосты которыхъ и доселѣ еще старательно объѣзжаются благоразумными ямщиками. Правда, и у насъ есть и фабрики и заводы, и жители Петербурга и Москвы, подобно жителямъ Санъ-Франциско, вдыхаютъ благотворную для легкихъ копоть фабричныхъ трубъ и химическихъ заводовъ. Но возьмите списки нашихъ фабрикантовъ и крупныхъ торговыхъ фирмъ—и ваша иллюзія исчезнетъ. Прогуляйтесь по улицамъ любого столичнаго города и почитайте его вывѣски, и вы увидите, что эта промышленность и торговля въ лучшемъ случаѣ эксплуатируетъ силы русскихъ чернорабочихъ и приказчиковъ, находясь въ такой же зависимости отъ иностранныхъ предпринимателей, въ какой эти послѣдніе эксплуатируютъ грубую физическую силу полудикихъ народовъ. Правда, вы назовете десятки русскихъ фирмъ. Но эти десятки тонутъ среди тысячъ иностранныхъ и, какъ одна ласточка, не дѣлаютъ весны. Пусть эти иностранцы русскіе подданные — но они не продуктъ родной почвы и созданная ими промышленность есть лишь пышный чужеземный цвѣтокъ, воспитанный подъ колпакомъ высокихъ пошлинъ и покровительственной системы, цвѣтокъ, который завянетъ, какъ только будетъ предоставленъ росту подъ всѣми невзгодами естественныхъ условій развитія.

Toute la Russie est à vendre, говорятъ бельгійцы и говорятъ совершенно справедливо. Желѣзныя руды, угольныя копи, всевозможныя концессіи, начиная отъ электрическаго освѣщенія и до организаціи въ университетскихъ городахъ легковыхъ извощиковъ, конокъ, водопроводовъ — все къ ихъ услугамъ, и въ то время, какъ капиталъ и знаніе вырываютъ изъ рукъ русскихъ предпринимателей и коммерсантовъ различныя отрасли

промышленности, громадныя территоріи, нѣкогда принадлежавшія крупнымъ землевладѣльцамъ юга Россіи, переходятъ въ руки колонистовъ, не имѣющихъ съ русскимъ населеніемъ ничего общаго, глубоко его презирающихъ — и являющихся причиною массоваго выселенія, точнѣе бѣгства этого полудикаго и полунищаго безземельнаго крестьянства въ еще болѣе гиперборейскую Сибирь. Невольно, смотря на эту картину, подумаешь, что нашу народную массу ждетъ та же печальная участь, что и другихъ сыновъ природы или точнѣе пасынковъ ея, которые не побѣдили суровыхъ условій существованія своего, но приспособились къ нимъ, какъ приспособились полярныя животныя къ холоду, или пустынныя—къ сухости. На эти приспособленія ушли всѣ силы организма. Онъ закоснѣлъ въ нихъ, сталъ инертнымъ, неспособнымъ къ дальнѣйшему прогрессу аттрибутомъ тѣхъ природныхъ условій, которыми онъ окруженъ. Измѣните эти условія — и погибнетъ самый организмъ, какъ исчезли дрофы и сайги со времени раскопки степей, или медвѣди исчезли изъ странъ, гдѣ вырубили лѣса. Такъ исчезали краснокожіе тамъ, гдѣ заводили свои факторіи бѣлые, такъ подчинялись малайцы голландцамъ — такъ нищаютъ и становятся экономическими рабами южноруссы съ момента водворенія среди нихъ нѣмцевъ и бельгійцевъ. И эти послѣдніе, подобно англичанамъ, игнорировавшимъ языкъ краснокожихъ, поселяясь среди нихъ, не желаютъ знать ни языка, ни обычаевъ аборигеновъ. Немалаго труда стоило ввести русскій языкъ въ школы колонистовъ, несмотря на очевидную полезность его, привилегированные же французы и нѣмцы десятками лѣтъ эксплуатируютъ наше отечество, находя варварскій языкъ его черезчуръ труднымъ для своей гортани. Невольно видится впереди страшная перспектива полнаго подчиненія чуждой культурѣ, подчиненія безъ пролитія крови, безъ сраженій и пушечныхъ выстрѣловъ, какъ уже подчинились ей пасынки природы, полукультурные малайцы, разныя племена Индіи и Америки, уже стыдящіяся своего неиспанскаго происхожденія.

Таковы тѣ невеселыя мысли, которыя навѣвала на меня погребенная въ снѣга равнина, по которой съ медленностью, присущею всѣмъ нашимъ желѣзнымъ дорогамъ, приближалъ меня поѣздъ къ городу, который я годъ тому назадъ покинулъ, отправляясь въ свое кругосвѣтное путешествіе.

Но виноваты ли мы, русскіе, что культура наша не самобытна, такъ какъ то самобытное, что въ ней обыкновенно

ищутъ,—есть что-то слишкомъ первобытное, чтобы заслуживать названія культуры.

Если мы бросимъ бѣглый взглядъ на страны, затронутыя моимъ маршрутомъ, страны, гдѣ зародилась эта культура, которая легла въ основу нашей европейской цивилизаціи, мы увидимъ, что страны эти были поставлены въ условія совершенно иныя, чѣмъ наше отечество.

Исторія, или точнѣе, доисторія и археологія показываютъ, что ни Европа, ни Америка не могли быть родиною и колыбелью человѣческой культуры. Ни та, ни другая не имѣли достаточнаго запаса культурныхъ растеній или способныхъ къ прирученію животныхъ, чтобы человѣкъ при ихъ помощи могъ выбраться изъ положенія батрака природы и создать какую-нибудь культуру. Въ тропической полосѣ онъ имѣлъ черезчуръ много всего, чтобы думать о завтрашнемъ днѣ, развивать свои мыслительныя способности и энергію. Въ полосѣ умѣренной и холодной онъ имѣлъ слишкомъ мало помощниковъ, чтобы сдѣлаться чѣмъ-либо лучшимъ, чѣмъ охотникомъ, подобно хищному звѣрю, развивающимъ только животные инстинкты, выносливость, наблюдательность, хитрость, памятливость на мѣсто и т. п.

Въ Америкѣ только *маисъ* являлся культурнымъ растеніемъ умѣреннаго пояса, на сѣверѣ, да картофель и Chenopodium Quinoa на югѣ, лама и альпака — единственными прирученными животными. Съ этими помощниками трудно было создать ту обезпеченную жизнь, которая позволила бы вдумываться въ причины вещей и создать хотя бы для *жрецовъ* ту науку, которая помогла культурному человѣчеству выйти изъ положенія рабовъ окружающихъ ихъ природныхъ условій.

Во внѣтропической Африкѣ точно также единственной помощницей человѣка была корова, боготворимая и почитаемая, но неспособная создать цивилизацію.

Только одна Азія была способна создать эту цивилизацію. Она одна имѣла въ своей флорѣ и фаунѣ запасъ растеній и животныхъ, которыя, ставъ слугами человѣка, заставили его работать и думать о нихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, обезпечивъ существованіе по крайней мѣрѣ избранникамъ человѣчества, дали досугъ, необходимый для созданія науки.

Не ея жаркая полоса, нѣжившая и баловавшая человѣчество, создала эту культуру, и не холодныя ея гиперборейскія страны, гдѣ и донынѣ человѣкъ остается жалкимъ батракомъ природы, но умѣренный, точнѣе — субтропическій поясъ этой части свѣта. Здѣсь впервые холодная зима показала человѣку,

что безъ запасовъ жить трудно, и здѣсь же впервые природа дала человѣку въ руки орудіе для борьбы съ ея капризами. Но орудія эти въ разныхъ концахъ громаднаго континента были неодинаковыя.

Дальній Востокъ Азіи есть страна влажнаго субтропическаго климата. Этотъ климатъ создаетъ пышную полутропическую растительность, идущую, немного только измѣняясь, чрезвычайно далеко на сѣверъ. Нѣкогда это была страна дремучихъ дѣвственныхъ лѣсовъ и болотъ. Только культура человѣка расчистила здѣсь пашни, и стоитъ только забросить эти пашни, онѣ сейчасъ же вновь зарастутъ лѣсомъ. Здѣсь нѣтъ мѣста для пастбищъ. Здѣсь не было никогда тѣхъ травоядныхъ животныхъ, которыя могли бы быть помощниками человѣка, если не считать буйвола. Сюда привезенныя и введенныя породы по виду уже показываютъ, что онѣ чувствуютъ себя не по себѣ. Онѣ мелки, тщедушны, и признаки ихъ указываютъ на родство съ породами другихъ странъ.

Напротивъ, здѣшняя флора изобилуетъ великимъ разнообразіемъ полезныхъ растеній, которыя одни во многихъ случаяхъ обезпечиваютъ существованіе культурнаго человѣчества. Тѣмъ существенно и отличается культура жителя дальняго Востока, что культура эта есть культура, созданная исключительно съ помощью растеній. Конечно, теперь и въ хозяйствѣ китайца, и у японца играютъ извѣстную роль и лошадь, и корова, и буйволъ; но стоитъ только посмотрѣть на этихъ маленькихъ и тщедушныхъ тварей — лошадокъ и коровокъ, нерѣдко откармливаемыхъ нарѣзанною руками человѣка травою, собранною по окраинамъ полей, чтобы видѣть, что онѣ здѣсь не дома. Гибель домашнихъ животныхъ была бы причиною раззоренія крестьянина Запада, но благосостояніе японца измѣнилось бы весьма мало къ худшему, если бы вымерли его четвероногіе помощники.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Китая, какъ, напримѣръ, въ провинціи Хунань, до сихъ поръ обходятся безъ помощи животныхъ, обрабатывая поля руками, распахивая ихъ на людяхъ. Большая часть продуктовъ, поставляемыхъ намъ животнымъ міромъ, поставляется странамъ дальняго Востока растеніями. Кожа, мясо, шерсть, сало—все здѣсь замѣняется соотвѣтственными продуктами растительнаго царства. Растенія Китая и Японіи достигаютъ такого богатства и разнообразія, что, благодаря имъ, здѣсь создалась культура, ничѣмъ не уступающая культурѣ цивилизованныхъ государствъ Запада. Японія съ ея 30-милліон-

нымъ населеніемъ, не уступающая по численности народа Англіи, до прихода европейцевъ не знала ни свиньи, ни овцы, ни осла, ни верблюда; лошадь и корова были распространены въ ней въ самомъ ограниченномъ количествѣ; до сихъ поръ населеніе ея не знаетъ за столомъ ни молока, ни мяса, и тѣмъ не менѣе мы видимъ, что японцы преуспѣваютъ не менѣе насъ на всѣхъ отрасляхъ промышленности, мануфактуры, науки и даже военнаго искусства. Въ то время, какъ мы едва насчитываемъ нѣсколько десятковъ полезныхъ растеній, воздѣлываемыхъ на крестьянскихъ поляхъ нашихъ деревень, въ Японіи однихъ только годныхъ въ пищу растеній воздѣлывается болѣе 430, вообще же полезныхъ человѣку растительныхъ формъ можно насчитать до 1,500. Они даютъ меню стола, несмотря на отсутствіе въ немъ хлѣба, молока и мяса, гораздо болѣе разнообразное, чѣмъ здѣсь, гдѣ къ нашимъ услугамъ всевозможные сорта мяса и дичи. Растеніе здѣсь кормитъ, освѣщаетъ и одѣваетъ человѣка. Отъ сандалій своихъ ногъ и до шляпы крестьянинъ Японіи одѣтъ въ растительные продукты. Онъ не знаетъ ни шерсти, ни кожи; масло, сало, воскъ, клей — все здѣсь изъ растительныхъ продуктовъ, и уходъ за дающими ихъ растеніями, характеръ питанія, все это не могло не отразиться на самомъ характерѣ культуры этихъ народовъ.

Не менѣе высокая, чѣмъ наша, она носитъ совершенно иной обликъ. Наша западная культура создалась, можно сказать, исключительно благодаря помощи животныхъ. Лошадь, овца, волъ и верблюдъ, если хотите, еще олень и коза помогли здѣсь жалкому сыну природы перестать быть батракомъ ея, обезпечили запасомъ пищи на голодное время и дали досугъ для мышленія, съ помощью котораго создалась наука, и сынъ Запада, ставъ нѣкогда господиномъ надъ животными, стремится теперь сдѣлаться господиномъ надъ людьми. На Востокѣ не укротителя и покорителя, но воспитателя и культиватора создавала изъ человѣка его разнообразная флора, пріучая къ мирному, кропотливому и усидчивому труду, дѣлая трудъ главнымъ стимуломъ жизни, и этимъ путемъ, путемъ конкурренціи на поприщѣ мирной работы и трудовой организаціи, сдѣлала народы эти страшными даже для сыновъ Запада, съ ихъ крупповскими пушками и бездымнымъ порохомъ. Если не на поприщѣ науки, то на поприщѣ нравственной философіи народы эти опередили Западъ. Правда, мы владѣемъ высокою христіанскою моралью, но, если мы посмотримъ, поскольку мораль эта проникла въ народныя массы, мы увидимъ, какъ много еще надо сдѣлать въ

Могила проф. А. Н. Краснова въ Батумскомъ Ботаническомъ саду.

этомъ направленіи по сравненію съ тѣмъ, что сдѣлано въ народѣ послѣдователями Будды и Конфуція. Правда, мораль ихъ носитъ пассивный характеръ. Лао-Цзе видитъ идеалъ въ водѣ, которая ниже всѣхъ, которую никто не видитъ, но вліяніе которой, благотворное и животворящее, чувствуется всюду. Христіанская заповѣдь любви къ ближнему, выражена Конфуціемъ легче исполнимой формулой: «не дѣлай ближнему того, чего не хочешь себѣ». Вся мораль Востока есть мораль непротивленія злу, и въ Китаѣ она вошла въ плоть и кровь народа, она доведена до столь крайнихъ степеней, что часто оскорбленный предпочитаетъ повѣситься на дверяхъ оскорбителя, вмѣсто того, чтобы вызвать его на дуэль, какъ то сдѣлалъ бы на его мѣстѣ его бѣлолицый братъ. Правда, и въ Китаѣ, и въ Японіи, и въ Индіи идеи философовъ не могли быть непосредственно восприняты народною массою. Эта послѣдняя приспособляла ихъ къ своимъ первобытнымъ суевѣріямъ, сводя на исполненіе внѣшнихъ обрядовъ и установленнаго духовенствомъ культа ученія нравственности, имъ проповѣданное. На этомъ пути они дошли до крайне уродливыхъ формъ. Но крайности эти врядъ ли больше тѣхъ крайностей, до которыхъ доходило христіанство Запада во время инквизиціи, и все же ученія Конфуція и Будды встрѣчали менѣе препятствій, были скорѣе понимаемы народною массою, чѣмъ великое откровеніе, данное на западѣ Азіи. Они вытекали изъ жизни, изъ самаго духа народа.

Эта растительная, вегетаріанская культура зародилась и достигла высшаго своего развитія на дальнемъ Востокѣ Азіи. Она здѣсь распространилась вдоль ея береговъ въ меридіональномъ направленіи также широко, какъ широко вдоль сѣвера Европы и Азіи распространилась культура русская. Но нашъ поселенецъ, двигаясь съ запада на востокъ, отъ океана до океана, встрѣчалъ сходныя съ отечественными условія жизни, тогда какъ житель Востока отъ Камчатки до Явы долженъ былъ пересѣкать всѣ температурные пояса. Но въ томъ то и лежитъ весь секретъ развитія и распространенія этой оригинальной цивилизаціи далекаго Востока, что, беря начало въ тропическомъ, изобилующемъ всевозможными произведеніями растительнаго царства поясѣ, она могла идти далеко на сѣверъ, встрѣчая условія, позволявшія растеніямъ этимъ развиваться столь же успѣшно. Двигаясь съ сѣвера на югъ, у насъ въ западной половинѣ Стараго Свѣта мы встрѣчаемъ столь различные типы природы, какъ хвойные лѣса Швеціи, воздѣланныя нивы и дубравы средней Европы, царство пинній, кипарисовъ и апельсиновъ юга,

пески и финиковыя пальмы Сахары и дѣвственные лѣса и саванны экваторіальной Африки. Совсѣмъ не то на Востокѣ. Здѣсь, двигаясь съ юга на сѣверъ, растительность находится въ сходныхъ условіяхъ. Измѣняется одинъ только факторъ — степень тепла — и то зимою, а не лѣтомъ, когда главный ростъ и когда она вездѣ близка къ тропической. Мы двигаемся здѣсь какъ бы въ громадномъ акклиматизаціонномъ саду, гдѣ растенія пріучаются къ болѣе низкой температурѣ, мельчаютъ, закаляются, измѣняются, наконецъ, вычеркиваются изъ списковъ за неспособностью переносить усиливающійся холодъ. Растительность, по мѣрѣ движенія къ сѣверу, вырождается, бѣднѣетъ, но черты ея отъ экватора и до Сахалина остаются тѣ же, одни виды лишь замѣняются соотвѣтствующими другими. Громадные бамбуки—неотъемлемая принадлежность тропическихъ ландшафтовъ Явы и окрестностей Сингапура; въ Японіи ихъ высота уже всего нѣсколько саженъ; на Сахалинѣ и на Курильскихъ островахъ они хватаютъ только по поясъ, но и то и другое бамбуки. Въ горныхъ ущельяхъ Суматры, въ долинахъ Китая и Японіи и въ холодной Камчаткѣ вы можете гулять въ тѣни бора изъ сосенъ, видѣть ягоды растеній, родственныхъ ежевикѣ, любоваться цвѣтами различныхъ рододендроновъ; до Кореи вы запутываетесь въ ліанахъ Smilax. Citrum decumana, знаменитый пампельмуссъ или яванскій апельсинъ, больше человѣческой головы; въ Китаѣ онъ смѣняется нашимъ обыкновеннымъ апельсиномъ; въ южной Японіи преобладаетъ мандаринъ, на ея сѣверѣ Citrus japonica не болѣе орѣха—но все это апельсины. Чайное дерево Ассама—это дерево; въ Японіи это низкорослый кустъ.

Такихъ примѣровъ можно дать безъ числа. Что жъ удивительнаго, что человѣкъ Востока, замѣняя одну родственную форму другою, могъ здѣсь передвигаться въ меридіональномъ направленіи такъ же легко, какъ мы двигались въ широтномъ,— не мѣняя ни своей системы, ни своихъ правилъ. Что жъ удивительнаго, что здѣсь развился строй жизни своеобразный, этою растительностью и климатомъ созданный, существенно отличный отъ нашего.

Цивилизація Запада создана не растеніемъ, а *животнымъ*. Если древніе арійцы знали пшеницу, ленъ и коноплю и если у нихъ было грубое земледѣліе, то земледѣліе это, какъ и у нашихъ осѣдлыхъ киргизъ, было *подспорьемъ* къ скотоводству. Безъ него они могли бы легко обойтись, какъ обходятся безъ него настоящіе номады, питаясь айраномъ и мясомъ животныхъ, одѣваясь ихъ шкурами, строя подвижной домъ-юрту изъ ихъ

шерсти, употребляя ихъ какъ средство для передвиженія. Если востокъ Азіи — родина главныхъ культурныхъ растеній человѣчества, то западъ и центръ ея такая же родина его четвероногихъ рабовъ и помощниковъ. Можно сильно усумниться, ушелъ ли бы сынъ запада Азіи далеко по пути прогресса со своею пшеницею, если бы пшеницу эту ему пришлось, подобно рису, воздѣлывать руками и вспахивать необъятныя равнины полей на своихъ женахъ или рабахъ.

Лишь наложивъ тяжелое ярмо на своихъ четвероногихъ собратовъ, полуживотное доисторическаго періода, человѣкъ создалъ себѣ человѣческія условія жизни, сдѣлался человѣкомъ. Но человѣкъ этотъ былъ иной, чѣмъ человѣкъ Востока. Его культура, его прогрессъ основывался на эксплуатаціи и грабежѣ. Жрецы древности эксплуатировали невѣжество толпы, но они создали науку, которая дала силу религіознымъ профанамъ эксплуатировать силы природы. Все земледѣліе Запада сводилось сперва на эксплуатацію силъ животныхъ для грабежа почвы. Когда явилось болѣе организованное общество, оно пользовалось своею силою, чтобы такимъ же образомъ эксплуатировать силы людей, создавая рабовъ и крѣпостныхъ.

Но эти рабы и эти крѣпостные дѣлали лишь то же, что и хозяева ихъ—безпощадно грабили природныя богатства страны и, ограбивъ и истощивъ одну, стремились грабить другую, пользуясь животными, какъ удобнымъ средствомъ передвиженія. Въ то время, какъ воздѣлывающій свои растенія китаецъ такъ привязанъ къ своей почвѣ, что разстается съ нею лишь въ случаѣ крайней нужды, — лишь послѣдняя степень лишенія заставляетъ его дѣлаться торговцемъ, военнымъ или покидать свою родину, и то подъ условіемъ, чтобы трупъ его былъ отосланъ въ Китай,—сынъ западной Азіи привязанъ къ своей почвѣ весьма условно. Вся Европа заселилась выходцами изъ Азіи, нашедшими, что лучше, пользуясь ногами своихъ животныхъ, искать новыя земли, чѣмъ улучшать старыя. Вся исторія европейской культуры есть исторія нашествій одного народа на другой. Ограбивъ побѣжденныхъ, побѣдители пользовались полученнымъ отъ побѣжденныхъ наслѣдіемъ знаній и науки и, дополнивъ ее своимъ небольшимъ вкладомъ, шли завоевывать сосѣдей, чтобы повторять съ ними то же самое, пока сами не дѣлались жертвою набѣга болѣе сильнаго врага. Самобытность культуры нашихъ народовъ Запада болѣе чѣмъ сомнительна. Эти культуры французовъ, нѣмцевъ, англичанъ и итальянцевъ суть лишь слабые оттѣнки одной и той же культуры, образо-

вавшейся изъ разнообразнѣйшихъ наслоеній на культурное ядро, зародившееся гдѣ-то далеко на западѣ центральной Азіи. И что же удивительнаго, что когда одного китайца, объѣздившаго всѣ государства Европы, спросили: чья культуро ему болѣе нравится, онъ отвѣтилъ: право, затрудняюсь сказать — онѣ всѣ такъ похожи одна на другую. Сущность этой культуры—хищеніе и эксплуатація чужого труда. Крестьянинъ расхищаетъ естественныя богатства края и, расхитивъ и раззоривъ край, стремится повторять то же въ другихъ частяхъ свѣта: русскіе—въ Сибири, англичане — въ Канадѣ или Австраліи, нѣмцы — въ Африкѣ, южной Россіи, южной Америкѣ, имѣя совершенно непонятный для жителя Востока лозунгъ: ubi bene, ibi patria, гдѣ хорошо — тамъ и отечество. Современная сила есть капиталъ, и вездѣ капиталъ направленъ на эксплуатацію ближняго: и въ нищенской Россіи, и въ обѣднѣвшей Германіи, и въ страдающей отъ обилія денегъ и изобилующей природными богатствами Америкѣ. И какъ религіозному авторитету своему были обязаны жрецы древности, что имъ удалось формулировать мысли и идеи умнѣйшихъ людей въ младенческую науку древности, такъ, несомнѣнно, капиталу обязаны мы главными характерными и отличающимися отъ восточныхъ чертами нашей современной цивилизаціи—высокому развитію естественныхъ и математическихъ наукъ и технологіи и фабричной промышленности въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Безъ капиталовъ немыслимы бы были ни наши пароходныя и желѣзнодорожныя сообщенія, ни наши примѣненія электричества, новыхъ металловъ, химическихъ соединеній и открытій новѣйшей науки. Въ этомъ направленіи движется весь прогрессъ Запада, и нигдѣ онъ не достигъ такого полнаго выраженія, какъ въ Америкѣ.

Тотъ же инстинктъ передвиженія, завоеванія и захватовъ, который вывелъ изъ Азіи древнихъ арійцевъ и германцевъ, въ вѣкъ науки и промышленности создалъ ту же алчную подвижность, заставившую ихъ разползтись по всему міру и съ помощью пара и электричества подчинить себѣ остальной міръ, точнѣе—подчинить его своей промыленности.

И путь, по которому шли эти уже высоко-культурные завоеватели, все тотъ же. Это былъ тотъ же грабежъ, не съ оружіемъ въ рукахъ, но съ усовершенствованными орудіями XIX вѣка, грабежъ природы и людей, ведшій къ накопленію роскоши и богатства въ рукахъ немногихъ лицъ и державшій въ нищетѣ и убожествѣ тысячи. Когда я сравнивалъ картины природы Мадейры или окрестностей Неаполя, послѣ еще неиз-

гладившагося впечатлѣнія, оставшагося отъ Японіи, меня поражала та загаженность, изуродованность, обобранность природы, которая, бросаясь въ глаза на каждомъ шагу, дѣлала невозможнымъ восхищаться ландшафтомъ Неаполя съ Camalololi, ландшафтомъ, лучшимъ въ Европѣ, про который сложилась поговорка: Vedere Napoli e poi mori. Когда вы видите эту землю, какъ соты, перегороженною тысячами перекрещивающихся каменныхъ заборовъ, отдѣляющихъ частную собственность отдѣльныхъ лицъ, эти массы развалившихся и разваленныхъ построекъ, эту бурьянную растительность, эти безобразно посаженныя деревья съ обрубленными вѣтвями, эти истребленные лѣса, всю эту обобранную, загаженную природу, вы можете восхищаться только цвѣтомъ моря, да формами горъ, измѣнить которыхъ не успѣла рука человѣка.

Точно такъ же эта постоянная смѣна завоеваній навсегда оставила слѣдъ на отношеніяхъ человѣка къ человѣку. Сильный никогда не уважалъ слабаго, и работа была достояніемъ этого послѣдняго. Сколько разъ въ Россіи даже я бывалъ свидѣтелемъ, какъ люди, вышедшіе изъ простыхъ крестьянъ, изъ каменоломовъ, съ презрѣніемъ смотрѣли на физическій трудъ, разъ только находили возможность получать какихъ-нибудь 30—40 рублей жалованья. Подмести полъ, принести ведро съ водою, особенно еще на глазахъ другихъ, имъ казалось какимъ-то униженіемъ своей личности. А заикнитесь о физическомъ трудѣ многимъ изъ получившихъ образованіе, такъ-называемыхъ привилегированныхъ, и они посмотрятъ на это какъ на личное оскорбленіе.

Рядомъ съ этимъ развивается сословность, которая такъ чужда культурѣ дальняго Востока. Эта сословность создаетъ пренебрежительное обращеніе сильнаго со слабымъ, богатаго съ бѣднымъ и грубость нравовъ среди этихъ послѣднихъ. Американецъ своими манерами производитъ впечатлѣніе дикаря передъ деликатностью обращенія китайца и японца, и я предпочелъ бы манеры японскаго чернорабочаго манерамъ американскаго или нѣмецкаго буржуа.

Всякаго рода брань и кулачная расправа, къ которой такъ охотно прибѣгаютъ мои соотечественники безъ различія степени образованія и развитія, — внѣ всякаго пониманія у японцевъ. «Не знаю, что могло случиться съ моимъ господиномъ,—говорилъ лакей одного иностранца лакею другого, — онъ, кажется, совсѣмъ съ ума сошелъ—онъ выругалъ меня болваномъ и скотомъ». — «А мой, — отвѣтилъ собесѣдникъ, — унизилъ себя до того, что позволилъ себѣ ударить меня по лицу...» Намъ много

еще придется ждать того времени, когда даже «культурные» люди наши доростутъ до пониманія, что лѣзть въ минуту раздраженія съ кулаками есть униженіе для наносящаго удары, обращающагося въ звѣря, человѣка.

Культура Запада слагалась изъ ряда завоеваній, когда завоеватели, поправъ честь завоеванныхъ, ограбивъ ихъ, мало-по-малу на руинахъ стараго создавали что-то новое, болѣе совершенное. Востокъ непрерывно развивался по одному направленію. Культура Запада переносилась съ мѣста на мѣсто, начавшись въ Ассиріи и кончившись въ Америкѣ. Китай не перемѣнялъ своего насиженнаго мѣста. Правда, и его завоевывали, но завоеванія кончались тѣмъ, что завоеватели во всемъ подчинялись завоеваннымъ и сливались съ ними. Такъ было съ татарами, монголами и манчжурами. Не надо думать, что китайская цивилизація оставалась всегда одною и тою же, какою она создалась тысячелѣтія тому назадъ. Она развивалась и прогрессировала, она прогрессируетъ и теперь, но такъ какъ ходъ развитія ея иной, въ ней нѣтъ болѣзненныхъ революцій и ломокъ старыхъ традицій, то мы не видимъ, или вѣрнѣе, не хотимъ видѣть этого прогресса. Китай постоянно совершенствовалъ то, что было основано въ стародавнія времена, примѣняя къ новымъ условіямъ жизни. До столкновенія съ европейцами онъ имѣлъ дѣло только съ болѣе дикими народами, если не считать Индіи, и неудивительно, что его культура была не рядъ наслоеній разныхъ заимствованій, а самобытное развитіе, лишь слегка измѣненное индійскимъ вліяніемъ.

И Китай имѣлъ революціи, но революціи эти имѣли слѣдствіемъ смѣну династій, но не измѣненіе государственнаго порядка. Цивилизація Китая развивалась непрерывно и безъ постороннихъ вліяній 4000 лѣтъ. Это цивилизація вполнѣ самобытная, и въ этомъ лежатъ всѣ ея достоинства и недостатки.

И какой контрастъ этому, быть можетъ, нѣсколько одностороннему развитію китайской культуры представляетъ революціонный Западъ. Онъ не имѣлъ въ исторіи развитія своей культуры руководящей доктрины, онъ всегда пренебрегалъ, ломалъ предыдущее, стремясь къ будущему, безъ уваженія къ прошлому, все болѣе и болѣе увеличивая интеллектуальную анархію. Въ немъ мы видимъ постоянныя стремленія къ порабощенію слабаго сильнымъ, бѣднаго богатымъ. Въ то время какъ Китай, распространивъ свое вліяніе на одну треть человѣчества Азіи, сдѣлалъ его китайцами, народы Запада, раскинувъ свое могущество на остальныя 4 части свѣта, вызвали или

полное вымираніе покоренныхъ народовъ, или сдѣлали ихъ фактически или экономически рабами, или вызывали и вызываютъ постоянныя ихъ возстанія, въ родѣ тѣхъ, какія наблюдаются въ Индіи въ настоящее время. Эти двѣ цивилизаціи — европейско-американская и китайская — теперь стоятъ другъ противъ друга, и настанетъ часъ, когда онѣ должны дать окончательное сраженіе.

Въ грандіозномъ масштабѣ должна повториться картина, которую представляла когда-то старая, распадающаяся, но высоко-культурная Византія, когда по другую сторону моря, отдѣлявшаго ее отъ Азіи, стояли дикіе турецкіе варвары, но варвары со строгою военною дисциплиною, съ совершенными орудіями для войны и съ энергіею и стойкостью свѣжаго народа. Византія пала подъ ихъ напоромъ; турки, овладѣвъ ею, растворились въ ея культурныхъ массахъ, потеряли свой національный обликъ, и исламъ, ведя непосредственную борьбу съ христіанствомъ, настолько ослабилъ себя и противника, что до сихъ поръ Балканскій полуостровъ представляетъ одну изъ наиболѣе отсталыхъ и варварскихъ частей Западной Европы. Но муравейникъ, всполошенный разгромомъ, далъ себя чувствовать всей Европѣ. Идеи греческихъ ученыхъ, вынесенныя бѣглецами изъ отечества, вызвали культурное перерожденіе молодой Европы, лучше турокъ оказавшейся способною ихъ воспринять, и она далеко шагнула впередъ по пути прогресса.

Теперь не съ оружіемъ въ рукахъ, но съ тѣми же алчными инстинктами завоевателей и поработителей стоитъ эта арійская культура, зародившаяся въ западной Азіи и совершившая побѣдоносное шествіе черезъ Европу и Америку, на берегахъ Тихаго океана, готовая переброситься черезъ его мощнуюширь въ Азію и накинуться на дряхлый и во многихъ отношеніяхъ отсталый, разлагающійся Китай, природныя, нетронутыя богатства котораго не даютъ спать англо-саксонскимъ предпринимателямъ. Они отбросили первыя волны монгольскихъ конкурентовъ, закрывъ штаты Америки и Австраліи для желтолицыхъ. Но даже здѣсь, трудно сказать, одержана ли побѣда, такъ какъ остальное побережье Америки, отъ Канады и до Чили, продолжаетъ наводняться китайскими рабочими и персоналъ командъ тихоокеанскихъ судовъ состоитъ почти исключительно изъ нихъ же. Японія же отправляетъ рейсъ за рейсомъ изъ судовъ чисто японскихъ компаній.

Эта страна Восходящаго Солнца является настоящею ареною для борьбы культуръ Востока и Запада. Ея жители, —

собственно лишь ученики китайцевъ,—сразу почувствовали угрожающую имъ опасность. Они отреклись отъ доктринъ своихъ учителей, облеклись въ европейское платье, призвали европейскихъ профессоровъ и, дрессированные въ трудѣ китайскою школою, съ невѣроятною быстротою и съ переимчивостью скопировали всѣ европейскіе порядки. Они скоро превзошли своихъ новыхъ учителей. Администрація, войско, народное образованіе, желѣзныя дороги и телеграфы, фабрики, снятые съ европейскихъ образцовъ, теперь уже могутъ служить образцами для европейцевъ. Можно было опасаться, что Японія, подавленная не столько европейскою, сколько американскою культурою, заговоритъ по-англійски и сдѣлается сколкомъ своей заокеанской сосѣдки. Но, повидимому, это подчиненіе европеизму было лишь стратегическою уловкою. Духъ культуры Востока воспрянулъ вновь въ странѣ Восходящаго Солнца, вызвавъ протесты со стороны патріотовъ и шовинистовъ. Покинувъ 3 года тому назадъ Японію, одѣтую въ пиджаки, я засталъ ее, до профессоровъ включительно, одѣтую въ кимоно. Въ ея газетахъ и журналахъ появляются шовинистическія статьи, о характерѣ которыхъ можно судить по англійскимъ оригиналамъ японскаго автора Kanzo Nichimura, находящимся въ моихъ рукахъ. Несмотря на многія увлеченія молодого японца, нельзя съ нимъ во многомъ не согласиться. Онъ указываетъ, что Японіи предстоитъ роль примирителя цивилизацій восточной и западной. Эта вулканическая страна, съ пылкимъ, впечатлительнымъ народомъ, единственная изъ всѣхъ восточныхъ націй способна быстро воспринимать европейскія идеи, будучи въ то же время столь же воспріимчива къ идеамъ азіатскимъ. Дѣйствительно, мы въ Японіи видимъ вездѣ попытки согласовать съ азіатскими идеями европейскіе порядки, мы видимъ стремленіе сдѣлать дешевымъ, доступнымъ всей массѣ народа, то, что дорого, доступно богачамъ въ Европѣ. Бѣдное крестьянское населеніе получаетъ здѣсь образованіе, доступное немногимъ городскимъ жителямъ Россіи; крестьянинъ зажигаетъ электрическую лампочку въ своемъ домѣ; телефоны, желѣзныя дороги здѣсь дешевле и доступнѣе, чѣмъ гдѣ-либо; дорогіе приборы дѣлаются за гроши, путемъ успѣшной конкуренціи коллективнаго кустарнаго труда съ фабричнымъ. Нишимура, быть можетъ, нѣсколько увлекаясь, пишетъ: «Нація, гордящаяся тѣмъ, что владѣетъ шестою частью лучшихъ земель земного шара и, несмотря на то, имѣющая громадную пропорцію населенія ихъ въ состояніи жалкой нищеты, едва ли можетъ быть названа совершенною націею.

Какъ ни малы мы, японцы, и статистика, и общее впечатлѣніе показываютъ, что у насъ наименьшій процентъ бѣдняковъ и изъ всѣхъ бѣдняковъ міра они находятся въ наилучшихъ условіяхъ».

«Наши ткачи—пишетъ онъ далѣе—вытѣсняютъ англійскихъ машинистовъ съ Востока, и настаетъ время, когда наши берега увидятъ результаты ихъ трудовъ. Швейцарія должна намъ уступить мѣсто въ производствѣ часовъ, а Фландрія—въ производствѣ тканей. Мы побьемъ міръ кончиками нашихъ пальцевъ!»

Но все-таки Японія слишкомъ подавлена превосходствомъ американской цивилизаціи. Шагъ за шагомъ она уступаетъ свои традиціи и, такъ-сказать, европеизируется—и скорѣе на почвѣ Китая столкнутся эти двѣ несходныя культуры. И думается мнѣ, культура, требующая отъ человѣка нравственнаго совершествованія на мѣстѣ, культъ семьи и сыновнихъ обязанностей, культъ труда съ цѣлью довольствоваться малымъ, имѣть комфортъ, не переходящій въ роскошь, слишкомъ противоположны по духу борьбѣ за преобладаніе, стремленію къ безумной роскоши, покупаемой цѣною жизни тысячъ нищихъ, и культурѣ, основанной на грабежѣ природы, которая свойственна заокеанскимъ сосѣдямъ. Кто одержитъ верхъ въ борьбѣ двухъ колоссальныхъ цивилизацій, шедшихъ навстрѣчу другъ другу — одна на востокъ, другая на западъ,—сказать не трудно. Сила крупповскихъ пушекъ, быстроходныхъ фрегатовъ и миноносокъ, равно какъ бездымнаго пороха и обученныхъ по прусскому образцу армій сломитъ перековавшій плуги на мечи Китай, но если сломится и вѣковая его культура, то врядъ ли на этихъ развалинахъ легко будетъ создать что-либо новое. Не повторится ли здѣсь то же, что съ древней Византіей, и не суждено ли будетъ великими идеями Востока воспользоваться болѣе свѣжей націи, цивилизація и культура которой еще не вылилась въ опредѣленныя формы, которая поэтому гибче, воспріимчивѣе къ новымъ условіямъ жизни, къ новымъ требованіямъ.

Изъ всѣхъ народовъ мы, русскіе, наиболѣе, въ Старомъ свѣтѣ, по крайней мѣрѣ, подойдемъ подъ это требованіе. По характеру своему наша народная масса столь же воспріимчива къ идеямъ Азіи, какъ и Европы. На это указывали уже многіе. Правда, поскольку японцы являлись учениками Китая, мы были учениками Европы, хотя надо сознаваться—плохими учениками. И мы грабили природу, и мы шли по пути эксплуатаціи инородцевъ и себѣ подобныхъ. Но гиперборейскія условія страны нашей не позволяли никогда аппетитамъ разыгрываться до раз-

мѣровъ англійскихъ или испанскихъ, а сибирскіе просторы ослабляли крайности борьбы за существованіе. Чуть усложнялись въ Европейской Россіи условія жизни — открывала свои двери Сибирь, — а тамъ среди дикарей и природныхъ богатствъ можно было продолжать вести прежній некультурный строй жизни, скорѣе регрессируя, чѣмъ прогрессируя на пути цивилизаціи. Въ этомъ, а не въ условіяхъ русской природы, главная причина нашей отсталости и медленности культурнаго прогресса. Такъ мы дошли до Тихаго океана, гдѣ застаемъ теперь эту борьбу двухъ встрѣтившихся противоположныхъ цивилизацій, которая должна положить конецъ нашей косности, создавъ на Востокѣ тѣ культурныя начала, отъ которыхъ исторія насъ отодвигала на Западѣ. Мы, сыны обдѣленной Богомъ природы, казалось бы, не могли ждать себѣ блестящей будущности. Но, вѣдь древніе германцы лѣсовъ средней Европы природою также были обречены быть дикарями. Цивилизація зародилась въ лелѣявшихъ человѣчество субтропическихъ странахъ. Тамъ оно впервые выработало орудіе для побѣды природы, и народы средней Европы, только получивъ орудіе это изъ чужихъ рукъ, могли съ его помощью побѣдить свою природу и создать свою высшую цивилизацію и культуру. Эта новая культура, культура пара, электричества, сводитъ на нуль причины, тормозившія нашъ прогрессъ, она позволитъ побѣдить эту еще болѣе суровую природу, какъ побѣдили природу умѣреннаго пояса его жители орудіями, взятыми изъ колыбели цивилизаціи. До сихъ поръ мы двигались на Востокъ, уступая наши территоріи постороннимъ. Теперь намъ идти некуда. На Востокѣ идетъ борьба двухъ цивилизацій, продуктъ которой — цивилизація высшаго порядка,—должна принадлежать намъ.

Цивилизаціи Востока и Запада суть цивилизаціи, вылившіяся въ опредѣленныя формы, получившія опредѣленную физіономію. Но въ этомъ лежитъ причина ихъ меньшей гибкости, меньшей способности приспособляться другъ къ другу и, измѣняясь, давать нѣчто новое, болѣе совершенное. Это тотъ же законъ, что наблюдается во всемъ органическомъ мірѣ, гдѣ дальнѣйшему прогрессу при измѣненіи условій всегда подлежатъ не достигшія большей сложности и законченности формы, но тѣ, которыя, недоразвившись, болѣе пластичны и способны развиваться въ новомъ направленіи, недоступномъ для старыхъ. Такую недоразвившуюся культурную форму представляетъ Россія. Побѣдивъ съ помощью европейской техники недостатки своего географическаго положенія, это она, а не Японія, должна согла-

сить на своей громадной территоріи противорѣчія дальняго Востока и дальняго Запада, воспринявъ ихъ на своихъ окраинахъ, и, получивъ толчокъ оттуда, создать своими еще молодыми силами новую, болѣе обще-человѣческую и высокую культуру, согласовавъ требованія морали Востока, всегда стоявшія у ея писателей и дѣятелей на первомъ мѣстѣ, съ требованіями науки, на поприщѣ которой она уже достаточно заявила себя на Западѣ. Съ Востока должны мы ждать этого толчка и проведенія этой задачи, подтвердивъ древнее выраженіе: Ex oriente lux.

Сонъ на Черномъ морѣ [1]).

Сонъ на морѣ, диво сонъ,
Одесса, Май и Коста:
Я пью и кольми паче онъ!
Не тостъ, а триста тостовъ!

Курочкинъ.

По обыкновенію, вставши рано утромъ, я поспѣшилъ на станцію Махинджаури, чтобы ѣхать на Чакву. Къ моему удивленію, вмѣсто поѣзда, подошелъ вагонъ электрическаго трамвая, куда вмѣстѣ со мною устремилось около десятка пассажировъ, гг. туристы-иностранцы. Не успѣлъ я сѣсть, какъ мы быстро помчались по направленію къ Зеленому мысу и, пролетѣвши чрезъ тунель, остановились передъ чѣмъ-то въ родѣ парадно-убраннаго вокзала. Я вышелъ вмѣстѣ съ остальными пассажирами, и передъ нашими глазами открылось невиданное ранѣе зрѣлище. Широкій, прекрасно шоссированный бульваръ былъ обсаженъ высокими пальмами. Это были пальмы различныхъ тропическихъ странъ. Пышная финиковая пальма Сенегала, стройныя и гибкія кокосовыя пальмы, видѣнныя мною только на фотографіяхъ городовъ южной Бразиліи, царственныя Oreodoxa чередовались правильно другъ съ другомъ, обрамляя бульваръ, превосходившій роскошью цвѣтниковъ всѣ пальмовыя аллеи Ривьеры. Онъ мнѣ напомнилъ то, что приходилось видѣть въ тропическихъ городахъ Мексики. Группы громадныхъ банановъ смѣнялись здѣсь съ усыпанными, какъ бѣлыми лиліями, цвѣтами древовиднаго дурмана (Datura arborea), огненно-красными коралловыми деревьями, невысокими, усыпанными цвѣтами цезальпаніями и олеандрами. Среди этихъ тропическихъ цвѣтниковъ громадными кустами возвышались причудливые соланумы. Какъ на какомъ-нибудь базарѣ—въ родѣ тѣхъ, что устраиваются у насъ въ Петербургѣ на вербной недѣлѣ, была выставлена масса бездѣлокъ, или стояли лотки съ фруктами, при чемъ эти бездѣлки—эти фрукты были такъ разнообразны и красивы, что невольно разбѣгались глаза. Мнѣ невольно вспомнились японскія лавочки въ Нагасаки, въ которыхъ оставляютъ всѣ свои сбереженія,

[1]) «Южный Край», 1910, 14/x.

возвращающіеся моремъ въ Россію изъ Владивостока чиновники. Мнѣ вспомнилось то, что я видѣлъ на базарахъ въ городахъ Мексики, что тащили съ собою на палубы пароходовъ добровольнаго флота индѣйскіе торговцы во время остановокъ въ Коломбо—и съ изумленіемъ я увидѣлъ все это здѣсь, наваленное въ живописномъ безпорядкѣ или аккуратно разложенное на лоткахъ въ ожиданіи покупателя.

Sennor! grenadillas! mui benitas, остановила меня прелестная смуглая креолка съ черными, убранными красными гвоздиками волосами, въ костюмѣ, точно взятомъ на прокатъ изъ оперы Карменъ. И она обратила мое вниманіе на лотокъ, на которомъ лежали груды этихъ на первый взглядъ похожихъ на небольшіе кабачки съ твердою оболочкою фруктовъ Passiflora edulis. Въ нихъ, точно завернутыя въ тонкую папиросную бумагу, лежали тающія во рту ароматичныя прохладительныя, какъ лучшій лимонадъ, зернышки со вкусомъ, съ которымъ я когда-то познакомился на базарѣ Закатекаса, и цвѣты которыхъ я потомъ видѣлъ на балконѣ покойнаго Татаринова въ Сухумѣ. Рядомъ съ нами, какъ въ Santa Lucia, въ Неаполѣ, лежала горка изъ обладающихъ предательскими колючками плодовъ кактусовъ, вкусные клубни бататовъ и блюдечки душистыхъ, какъ лучшая земляника, мелкихъ плодовъ чилійской мирты, которыми меня угощалъ нѣсколько дней назадъ на своей дачѣ сынъ Татаринова. Здѣсь лежали также плоды адвокатъ — Persea gratissima, столь вкусные съ рюмкой хереса, и сладкіе печеные бананы, тающіе во рту, напоминающіе пирожки съ вареньемъ (плоды Musa Cavendischi), которыми меня когда-то угощали на Цейлонѣ. У прекрасной креолки были еще и другіе фрукты на ея лоткѣ, фрукты Hovenia dulcis и фейхоа, которыхъ я не видѣлъ въ моихъ путешествіяхъ — какія-то крупныя шишки, повидимому, съ араукарій, и различные орѣхи, но я не успѣлъ разсмотрѣть ея товара, какъ мой слухъ поразили рѣзкіе крики, когда-то слышанные мною на Явѣ.

«Ayer batu, Ayer batu»—кричалъ разносчикъ съ обнаженными почти до колѣнъ бронзовыми, смуглыми ногами, завернутыми въ пестрый Sarong, въ пиджакѣ изъ яркой матеріи, оставлявшемъ обнаженную грудь, и въ чалмѣ, не вполнѣ закрывавшей шапочку, обыкновенно носимую на головѣ малайцами. Онъ продавалъ, какъ на Явѣ, плиточки искусственнаго льда, которымъ онъ охлаждалъ прохладительные напитки—не тѣ лимонады изъ химическихъ препаратовъ, которыми отравляютъ свои желудки жители городовъ Закавказья въ жаркіе лѣтніе дни, но

воду съ сѣменами и сиропами разныхъ тропическихъ растеній. Ее не всегда рискуютъ отвѣдать пріѣзжающіе на Яву европейцы,—но, разъ отвѣдавши, дѣлаются самыми ревностными ея поклонниками.

Столь же смуглый, какъ этотъ яванецъ, японецъ манилъ меня, стоя сзади него за прилавкомъ бамбуковыхъ издѣлій. Мысленно я перенесся въ Нагасаки. Какъ тамъ, цѣлая коллекція чудныхъ бамбуковыхъ тростей возвышалась сзади прилавка. Въ однѣхъ извивались, вырѣзанныя поразительно близко къ природѣ, красиво-окрашенныя, змѣи, по другимъ, какъ бы выползая изъ внутренности палки, извивались причудливые драконы. Третьи казались обвитыми изящными, усыпанными цвѣтами вьющимися растеніями. Трудно было повѣрить, что это простой отрѣзокъ бамбука. Только колѣнчатое строеніе палки, да ея круглая утолщенная, служащая ручкой головка, представляющая искусно срѣзанное основаніе бамбуковаго ствола съ началомъ отходящихъ отъ него корней, свидѣтельствовали о матеріалѣ, изъ котораго дѣлались эти трости. Это необыкновенно легкія, твердыя, прочныя и изящныя палки. У насъ въ Батумѣ не умѣютъ ни вырѣзать такимъ образомъ бамбуковые побѣги, ни украшать ихъ этой тонкой изящной рѣзьбою. «Это привозныя?»— невольно спросилъ я у японца, стоявшаго за прилавкомъ. «Нѣтъ, это — съ Чаквы, — отвѣтилъ онъ мнѣ ломанымъ русскимъ языкомъ. Мы покупаемъ бамбукъ тамъ, но работаемъ здѣсь по сосѣдству,» — сказалъ онъ мнѣ, показавъ на небольшой чисто японскій домикъ, возвышавшійся на сосѣднемъ пригоркѣ. «Купите парочку—всего 50 к. штука. За привозныя вы заплатите не менѣе 3—5 р. Или не выберете ли чего-нибудь изъ моего товара?» И онъ обратилъ мое вниманіе на безконечное разнообразіе бамбуковыхъ издѣлій, лежавшихъ въ его лавочкѣ. Тутъ были и бокалы для перьевъ, украшенные рѣзьбою изъ перламутра, и изящная мелкая мебель и ширма, расписанная видами Японіи и Кавказа. Можно было выбрать съ Фузи-Ямою и съ Араратомъ. Можно было бы украсить стѣны комнаты — дать ей полную меблировку одними только этими бамбуковыми издѣліями. А на стѣнахъ висѣли модели бесѣдокъ, легкихъ домиковъ, мостовъ, водопроводовъ, даже аэроплановъ и т. п. сооруженій, которыя за дешевую цѣну брался исполнять племянникъ торговца нѣкій Мароокосанъ—молодой японскій архитекторъ-механикъ, жившій въ одномъ съ нимъ домѣ. И, какъ въ Японіи, рядомъ съ этой лавочкой бамбуковыхъ издѣлій подъ парусиновымъ навѣсомъ, подъ сѣнью пальмъ, между двумя высокими

хамеропсами стояла цѣлая выставка той изящной, лакированной посуды, какую подъ именемъ «японщины» привозятъ цѣлыми кораблями изъ Іокогамы въ торговые города Европы. Тарелки и пепельницы, изящно лакированные шкафики и вазы, этажерки въ японскомъ и европейскоиъ стилѣ и масса предметовъ роскоши и домашняго обихода. «Обратите вниманіе,—говорилъ мнѣ торговецъ,—всѣ эти предметы сдѣланы изъ мѣстнаго лака. Какъ старинныя издѣлія, они тѣмъ существенно отличаются отъ отправляемыхъ изъ Японіи, что дѣлаются они не наскоро и не грубочно, а по заказу. Смотрите, что это за лакъ!» — и онъ бросилъ заженную спичку на хорошенькую чашечку, всю расписанную изображеніями лотосовъ и хризантемъ. «Она можетъ вся сгорѣть, не оставивъ и слѣда на поверхности. Теперь такого лака вы не найдете въ Японіи. Конечно, вы можете имѣть его лишь по заказу, и лишь осенью, когда деревья даютъ сборъ, можно дѣлать эти заказы. Обыкновенныя же издѣлія вы можете получить по той же цѣнѣ, что и у насъ въ Нагасаки». Но я уже не слушалъ его болѣе. Я поспѣшилъ впередъ по аллеѣ, гдѣ справа и слѣва возвышались будочки торговцевъ. Я видѣлъ китайцевъ, торговавшихъ тушью и бумагой, сдѣланной изъ бумажнаго дерева; далѣе виднѣлись мохнатые дождевые плащи изъ волоконъ пальмы хамеропсъ, съ которыми такъ недавно не знали что дѣлать батумцы, буквально варившіеся въ собственномъ поту при попыткѣ надѣть принятые въ Россіи резиновые плащи. Мнѣ за нѣсколько рублей продавали желтые непромокаемые плащи и зонтики изъ бумаги, пропитанной растительнымъ воскомъ, и тутъ же была свѣчная лавка, гдѣ свѣчи и восковыя фигуры были нагромождены высокими горами. Дальше виднѣлись вѣера и игрушки изъ пальмовыхъ листьевъ. Я подумалъ, что нахожусь на торговой улицѣ гдѣ-нибудь на Формозѣ, но ряды бѣлыхъ домиковъ, гостиницъ, съ которыхъ виднѣлся усаженный, какъ въ Іокогамѣ, соснами благоустроенный пляжъ, говорили мнѣ, что я на русскомъ курортѣ. Во то время какъ влѣво отъ бульвара, защищая основанія его роскошныхъ пальмъ отъ вѣтра, возвышались двухъэтажныя зданія гостиницъ, санаторій и купальныхъ учрежденій, вправо открывались панорамы роскошнаго тропическаго парка. Среди широкихъ зеленыхъ газоновъ виднѣлись группы высокихъ эвкалиптусовъ, круглыя купы сизыхъ, не сбрасывающихъ листья, акацій и разнообразныхъ деревьевъ, а за ними возвышались холмы съ крайне своеобразными, б. ч. дальне-восточнаго стиля, постройками.

Украшенныя сѣрымъ морскимъ гравіемъ, дорожки манили по нимъ проѣхать. И для довершенія соблазна въ нѣсколькихъ мѣстахъ бульвара, около изящной турецкой кофейни—въ роде тѣхъ, что много по Босфору, были устроены стоянки для маленькихъ, легкихъ автомобилей съ зонтиками, какъ у ялтинскихъ извозчиковъ. Ихъ зонтики были, однако, пропитаны воскомъ и сдѣланы непромокаемыми. Ими управляли не шофферы со страшными наглазниками, но одѣтые въ русскія рубашки съ ямщицкими, съ павлиньими перьями, шапочками, парни. Вездѣ была выставлена такса. «Вамъ куда? — спросилъ меня дѣловито проводникъ-шофферъ, когда я занялъ мѣсто въ такомъ экипажѣ,— въ Америку, или въ Австралію, или, можетъ, сперва въ японскій храмъ, или въ чайный домикъ къ гейшамъ?» спросилъ онъ меня, лукаво улыбаясь. — «Въ Америку,»—скомандовалъ я наугадъ. Мы покатили по парку по блѣднозеленымъ газонамъ и понеслись среди рощъ магнолій къ болотистому берегу Чаквы. Здѣсь ихъ смѣнилъ лѣсокъ такъ-называемыхъ болотныхъ кипарисовъ, этихъ Taxodium, съ листиками, нѣжными, какъ зеленыя перышки, только-что развившимися послѣ зимняго покоя. По опушкамъ этихъ рощъ росли громадные колесовидные листья пальмы Sabal Adansoni; на сухомъ пригоркѣ возвышалась роща изъ сосенъ, съ удивительно длинною хвоею, а среди нихъ, подъ сѣнью платановъ и тюльпанныхъ деревьевъ возвышалась обложенная бананами хижина, населенная неграми. Ни дать, ни взять—уголокъ южной Виргиніи или Флориды изъ области такъ-наз. Dismal Swamps. Я уже составлялъ въ умѣ англійскія фразы, что-бы заговорить съ этими чернокожими американцами—потомками обитателей «Хижины дяди Тома,» какъ, къ изумленію, въ числѣ чернокожихъ узналъ негра, котораго еще молодымъ человѣкомъ зналъ въ Батумѣ и когда-то приглашалъ поступить къ себѣ на службу въ Россію. Онъ меня узналъ также. «Что же вы здѣсь дѣлаете?»—спросилъ я его. «Да вотъ переселились сюда со всѣмъ семействомъ съ прежняго участка, торгуемъ ликерами. Изъ здѣшнихъ тропическихъ фруктовъ изготовляемъ по образцу тѣхъ, что привозятъ изъ Ямайки, Кюрасао и съ Антильскихъ острововъ. Тутъ ихъ дѣлаютъ пріѣзжіе. Тѣ не говорятъ по-русски — они играютъ негритянскія пьесы и изготовляютъ ликеры, я же съ братомъ торгую и служу переводчикомъ. Отъ посѣтителей не отобьешься. Все больше моряки да военные; говорятъ, что у насъ не хуже, чѣмъ тамъ, гдѣ они плавали». Но я не сталъ дальше останавливаться у негровъ и скомандовалъ ѣхать въ Австралію. Мы опять помчались по парку,

и я замѣтилъ, что постепенно листопадныя деревья Америки, различныя породы дубовъ и ясеней смѣнились группами эвкалиптовъ съ ихъ сѣрой, грубой, поникшей листвою. Какъ громадныя ивы развѣсили свои, усыпанные пушистыми желтыми шариками развивающихся круглый годъ цвѣтовъ, плакучія акаціи. Травяныя деревья стали попадаться вмѣсто пальмъ по окраинамъ дорогъ, среди нихъ бѣгали ручные кенгуру; на холмѣ возвышалась группа араукарій, тѣхъ самыхъ Araucaria Bidwilli и excelsa, орѣхи которыхъ, какъ говорятъ, развивали у туземцевъ страсть къ людоѣдству. «Что же,—спросилъ я моего возницу,—есть здѣсь и австралійцы?» «Нѣтъ,—отвѣтилъ онъ,—но недавно изъ Новой Гвинеи привезли первобытнаго человѣка. Хотите, посмотримъ, только туда конецъ дальній,—надо проѣхать черезъ Китай, Японію, Гималаи и Чили, придется прибавить полтинничекъ».

— «Ладно, ступай, только показывай, что по дорогѣ есть интереснаго».

Мой возница повернулъ свой автомобиль къ холмамъ, и вскорѣ мы очутились у подножія большой бетонной лѣстницы, которая, обставленная каменными фигурами, вела къ вершинѣ горы. На горѣ возвышалась причудливая постройка съ изогнутой кровлею, изъ бѣлой фарфоровой черепицы. Я увидѣлъ передъ собою копію одного изъ буддійскихъ храмовъ, когда-то посѣщаемыхъ мною въ окрестностяхъ Кіото. Какъ тамъ, густая темная роща японскихъ криптомерій обрамляла храмъ со всѣхъ сторонъ. По обѣ стороны лѣстницы вызвышались необыкновенно красивыя зонтичныя ели и саговики Японіи. Самый храмъ — одна изъ изящнѣйшихъ построекъ Японіи, въ родѣ храма Іейасу, мнѣ казалась постройкой баснословной цѣнности. Пока я недоумѣвалъ, какимъ образомъ это дорогое зданіе страны Восходящаго Солнца могло очутиться въ странѣ побѣжденныхъ, на берегахъ Чернаго моря, мнѣ вышелъ навстрѣчу знакомый мнѣ проводникъ — японецъ Танаке и вывелъ меня изъ недоумѣнія. «Не правда ли, прекрасное зданіе,» сказалъ онъ». И обошлось оно въ грошъ. «Какъ, вскричалъ я. — Да, вѣдь, оргиналу нѣтъ цѣны!» — «Да, оригиналу, замѣтилъ Танаке. Но здѣсь вмѣсто гранита—бетонъ и вмѣсто дорогой рѣзьбы на деревѣ знаменитыхъ рѣзчиковъ древней Японіи, гипсовые раскрашенные слѣпки».— «Но эффектъ, вѣдь, тотъ же»,—замѣтилъ я. «Да, тотъ», сказалъ Тонаке. «И мои соотечественники долго не хотѣли позволить воспроизводить этого храма въ Россіи, но уступили лишь потому, что имъ обѣщали, что это зданіе и будетъ служить

храмомъ для здѣшнихъ буддистовъ, которыхъ здѣсь болѣе десяти, если принять во вниманіе всѣхъ этихъ мастеровыхъ и торговцевъ лаковыми, бумажными и бамбуковыми издѣліями, садовниковъ и ресторaторовъ, живущихъ вокругъ. Вѣдь, здѣсь цѣлое поселеніе». И онъ указалъ на характерные японскіе бамбуковые домики, разбросанные у подножія горы, тонущіе въ зелени разрѣзныхъ японскихъ кленовъ, красиво цвѣтущихъ розовыми цвѣтами сливъ. Эти домики изъ бамбука, съ ихъ раздвижными бумажными стѣнами, съ проходами, увитыми глициніями, съ причудливыми сосенками передъ входомъ давали полную иллюзію японской деревушки.—«Не правда ли, здѣсь настоящій Ниппонъ?» спросилъ меня Танаке.—«Да, отвѣтилъ я. Недостаетъ только чайнаго домика, джинерикшъ».—Первый есть, вторые же выводятся теперь и у насъ». «И много буддистовъ посѣщаетъ вашъ храмъ?» «Есть нѣсколько сингалезъ и тибетцевъ, сказалъ Танаке, японцы же больше посѣщаютъ чайную. Не хотите ли взглянуть?» И онъ повелъ меня по проходу къ домику японскаго типа, передъ которымъ, какъ гдѣ-нибудь въ Токіо, открывался видъ на маленькій садикъ съ карликовыми деревьями, группами цвѣтущихъ азалій около крошечнаго прудика, гдѣ виднѣлись любимые японцами, похожіе на нашу мать и мачеху, листья Farfugium grande. Нѣсколько одѣтыхъ въ японскія кимоно японокъ предложили намъ чаю. «Этотъ чай готовится изъ мѣстнаго куста по японскому способу, сказалъ Танаке, и мало уступаетъ нашему. Отвѣдайте». Но прислугѣ было не до насъ. Масса посѣтителей наводнила ресторанъ. Всѣмъ хотѣлось посидѣть на полу, попробовать знаменитаго японскаго сакэ, и испытать свое умѣніе палочками съѣсть на-скоро приготовленное «скіаки». Постоянно просили «гейшъ» спѣть что-нибудь или сыграть на струнныхъ инструментахъ страны Восходящаго Солнца. Но мнѣ слишкомъ хорошо было извѣстно, что настоящія гейши не поѣдутъ за нѣсколько тысячъ верстъ въ Россію, а публика, не понимая толку въ японской музыкѣ, приходила въ восторгъ лишь тогда, когда ей декламировали на ломанномъ русскомъ языкѣ:

За красу я получила первый призъ,
Всѣ мужчины уважаютъ мой капризъ!

И я поспѣшилъ ѣхать дальше. Танаке меня сопровождалъ. Мы проѣхали отдѣлъ чилійскій и мексиканскій съ его агавами и юкками, посмотрѣли отдѣлъ Новой Зеландіи съ лѣсами тѣхъ допотопныхъ растеній, которыя съ трудомъ разводятся въ

оранжереяхъ Европы, и достигли, наконецъ, хижины на высокихъ сваяхъ, гдѣ сидѣла семья съ большой трудностью доставленныхъ ново-гвинейскихъ карликовъ съ горъ, которыхъ изучали, какъ рѣдкій антропологическій объектъ, нѣсколько спеціально для этого пріѣхавшихъ изъ-за границы нѣмецкихъ профессоровъ. Карлики эти мрутъ въ климатѣ Европы, здѣшній же переносятъ превосходно. Приходится наблюдать за ними здѣсь. Вообще вся эта часть парка представляетъ научное отдѣленіе. Та плата, которая берется за входъ, дѣлится на двѣ части: одна идетъ на поддержаніе парка въ порядкѣ, другая—на научный отдѣлъ. Здѣсь разводятся и пріучаются къ климату новые сорта растеній, совершенствуются старые. Это — опытная станція и научный садъ. Для осмотра его требуется особое разрѣшеніе.

Да и теперь уже поздно, вечерѣетъ. Вы еще, полагаю, не ѣли. Поѣдемте въ ближайшій китайскій ресторанъ. Его курьезы особенно охотно посѣщаетъ публика, чтобы познакомиться со своеобразною кухнею Небесной Имперіи. Мы поднялись на вершину холма. Съ него открывается обширный видъ на бамбуковыя и апельсиновыя плантаціи удѣльнаго вѣдомства. Болѣе 4 десятинъ мандариновъ стояли покрытыя цвѣтами. Воздухъ былъ напитанъ ихъ ароматомъ. Съ широкаго балкона ресторана открывался дивный видъ на море. Солнце уже зашло. Тысячи свѣтлячковъ, какъ гдѣ-нибудь на Цейлонѣ, наполняли огненными точками воздухъ, кружась около деревьевъ. Причудливой формы фонари ресторана освѣщали поверхность пруда, среди котораго красовались крупные розовые цвѣты священнаго лотоса. Намъ подали карточку. Это все были своебразныя блюда китайской кухни, пріуроченныя, однако, къ европейскому вкусу и приготовленныя изъ мѣстныхъ продуктовъ. Молодые ростки бамбука подъ бѣлымъ спаржевымъ соусомъ. Молодыя люффы, батумскія лягушки по англо-французскому способу. Салатъ изъ папоротника. Яйца, разложившіяся и получившія вкусъ сыра. Супъ изъ плавниковъ акулы. Компотъ изъ лотосовъ и сушеной хурмы, сладкій картофель или бататы съ улитками и т. д., и. т. д. Китайская водка и ликеры подавались въ изобиліи горячіе. Кругомъ слышится смѣхъ публики, не справлявшейся палочками съ новаго вида кушаньями невиннаго состава, но страшныхъ по внѣшности. Обѣдали компаніи туристовъ, пріѣхавшихъ изъ Гагръ. Молодой офицеръ флота увѣрялъ, что не надо дѣлать кругосвѣтнаго путешествія — все можно видѣть въ Батумѣ. Та-

наке угощалъ меня ликеромъ за ликеромъ. Отъ непривычныхъ кушаній мнѣ стало дурно... и я проснулся. Была мертвая зыбь. Мы были на траверзѣ сочинскаго маяка. Пароходъ былъ переполненъ страдавшей отъ качки публикой. Отвратительная дѣйствительность со всѣхъ сторонъ. Все видѣнное было только сонъ. Да, читатель, сонъ. Но каждая строка этого сна можетъ стать дѣйствительностью и не позже, чѣмъ черезъ какія-нибудь восемь лѣтъ, при нѣкоторомъ желаніи и весьма небольшихъ затратахъ.

Военно-Осетинская дорога [1]).

Съ тѣхъ поръ какъ удешевленный тарифъ уничтожилъ для людей со среднимъ достаткомъ громадность разстояній нашего отечества, Кавказъ все чаще и чаще дѣлается цѣлью экскурсій туристовъ и учащейся молодежи, обѣщая въ ближайшемъ будущемъ сдѣлаться для русскихъ людей тѣмъ, чѣмъ стали Альпы для нѣмцевъ и англичанъ или Пиринеи для французовъ. Его ущелья еще недавно были доступны лишь для изслѣдователей, посылаемыхъ учеными обществами, и странствія по этимъ ущельямъ описывались какъ геройскіе подвидиги. Когда 9 лѣтъ тому назадъ я впервые поднялъ вопросъ на съѣздѣ естествоиспытателей въ Петербургѣ о необходимости для студентовъ-естественниковъ образовательныхъ экскурссій на Кавказъ, многіе изъ моихъ коллегъ встрѣтили предложеніе мое съ большимъ недовѣріемъ и скептицизмомъ, обѣщая мнѣ если не смертные случаи, то увѣчья и рядъ злоключеній съ моими экскурсантами. Но съ тѣхъ поръ прошло 9 лѣтъ; за исключеніемъ годовъ, проведенныхъ въ заграничныхъ путешествіяхъ, я почти каждое лѣто дѣлалъ такія экскурсіи со студентами харьковскаго университета и могу констатировать фактъ, что за 7 такихъ экскурсій—несмотря на крайне разнообразный составъ, большую изнѣженность и малую дисциплину многихъ изъ эксурсировавшихъ—у насъ не было ни одного несчастнаго случая или непріятнаго столкновенія. Что-жъ удивительнаго поэтому, что нашъ примѣръ нашелъ подражателей и въ средне-учебныхъ заведеніяхъ, и не разъ уже появлялись замѣтки, что гимназисты или реалисты такого-то училища отправлялись на Кавказъ подъ руководствомъ того или другого изъ своихъ преподавателей. Конечно, эти образовательныя поѣздки ограничивались пока военно-грузинскою дорогою, Тифлисомъ и Баку или Батумомъ, нося чисто туристскій характеръ, однако, ихъ нельзя не привѣтствовать, какъ зарю той эпохи, когда

[1]) Настоящая статья, помѣщаемая нами съ нѣкоторыми сокращеніями, входитъ во 2-ой вып. (1911 г.) серій маршрутныхъ описаній, задуманныхъ А. Н. Красновымъ подъ общимъ заглавіемъ «Натуралистъ на Кавказѣ».

Кавказъ изъ поприща для военныхъ дѣйствій долженъ сдѣлаться нагляднымъ пособіемъ для изученія явленій природы—школою для нашей учащейся молодежи... Дѣйствительно, среди Альпъ—этой классической книги природы, можно встрѣтить какъ для натуралиста, такъ и для этнографа несравненно меньше интереснаго, чѣмъ среди Кавказа—только необыкновенная бѣдность нашей научно-популярной литературы причиною, что естественныя сокровища Кавказа остаются почти неизвѣстными нашей публикѣ. Цѣль предлагаемаго очерка—познакомить съ нѣкоторыми изъ этихъ послѣднихъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, указать на тѣ пункты этой страны горной, которые особенно интересны для натуралиста-путешественника, желающаго сознательно созерцать красоты Кавказа, вдохновляясь не одною только поэзіею Лермонтова...

Военно-грузинская дорога есть обычный путь кавказскаго туриста. Она описана въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ довольно подробно, хотя про естественно-историческую сторону этого именно и нельзя сказать. Но все-таки это наилучше описанный уголокъ, несмотря на то, что онъ гораздо менѣе интересенъ, чѣмъ многое другое. Практика моихъ экскурсій показала, что по интересу, представляемому какъ для натуралистовъ, такъ и для простого туриста, военно-грузинская дорога во всѣхъ отношеніяхъ уступаетъ такъ-называемой военно-осетинской, о которой до сихъ поръ не знаетъ значительная часть нашей публики и которая есть, если можно такъ выразиться, перлъ кавказскихъ экскурсіонныхъ маршрутовъ. Въ годы моего студенчества я пѣшкомъ прошелъ Сенъ-Готардскій перевалъ въ Альпахъ, восхищяясь, еще не пресыщенной впечатлѣніями юношескою душою, красотами величественныхъ ущелій Рейсса, Чортовымъ мостомъ, нагорными лугами и рѣзкимъ контрастомъ южной природы итальянской Швейцаріи съ только-что покинутыми склонами Альпъ. И все-таки я долженъ сознаться, что, переваливъ черезъ Мамиссоновскій перевалъ изъ Осетіи въ Имеретію, сопоставивъ мрачные сосновые боры и дикое ущелье Ардона съ ущельемъ Рейсса, мягкіе ландшафты Ріонской долины съ тѣмъ, что я видѣлъ по Тичино, контрастъ Владикавказской степи съ окрестностями Кутаиса,—я получилъ разницу впечатлѣній громадную. Кавказъ даетъ всѣ контрасты сильнѣе, всѣ особенности рѣзче, онъ грубѣе Альпъ, но онъ безконечно грандіознѣе, мощнѣе во всѣхъ проявленіяхъ, въ сущности совершенно аналогичныхъ. Это сильный и грубый мужчина, то—изнѣженная воспитаніемъ дѣвушка.

Въ научномъ отношеніи осетинская дорога также выше с.-готардской. Нигдѣ въ мірѣ долины двухъ въ противоположномъ направленіи текущихъ рѣкъ, какъ Ріонъ съ его притоками и Ардонъ, не даютъ столь полной картины внутренняго строенія горнаго хребта, иллюстрирующей законы происхожденія горъ, такого обилія глетчеровъ, столь отчетливо выраженные пояса растительности, такихъ контрастовъ климатовъ и столь своеобразныхъ типовъ населенія. Путешествіе, совершенное поперекъ Кавказа по военно-осетинской дорогѣ, стоитъ длиннаго и долгаго странствія по цѣлому ряду государствъ и мѣстностей.

Таково, по крайней мѣрѣ, впечатлѣніе, вынесенное мною изъ экскурсіи, сдѣланной нѣсколько лѣтъ тому назадъ по этой дорогѣ, которымъ я здѣсь хотѣлъ бы подѣлиться съ читателями.

Путешествіе по осетинской дорогѣ, ведущей, какъ извѣстно, изъ Владикавказа въ Кутаисъ, совершается далеко не такъ удобно и просто, какъ отъ Владикавказа въ Тифлисъ. Здѣсь нѣтъ почтовыхъ станцій, нѣтъ къ вашимъ услугамъ постъ-омнибусовъ, колясокъ и таратаекъ и, хотя довольно первобытнаго, но все-таки въ общемъ сноснаго буфета на главныхъ станціяхъ. Вы должны сами заботиться о ѣдѣ, о ночлегѣ и о лошадяхъ. Послѣднихъ вы должны добыть вмѣстѣ съ экипажемъ во Владикавказѣ или окрестныхъ селеніяхъ, здѣсь же запастись и припасами; что же касается ночлега, то его можно получить, лишь съ разрѣшенія завѣдующаго дорогою, въ такъ-называемыхъ дорожныхъ сторожкахъ—строеніяхъ, далеко не комфортабельныхъ въ большинствѣ пунктовъ, такъ-что туристъ или долженъ вооружиться неприхотливостью, по счастью, довольно свойственной русскимъ туристамъ, или двигаться быстро, приноравляя мѣста остоновокъ къ такимъ пунктамъ, какъ, напр., урочище св. Николая, Уцери, Они, гдѣ есть хорошія постройки или жилища богатыхъ туземцевъ. Точно такъ же и самое пользованіе дорогою возможно далеко не во всякое время года. Мамиссоновскій перевалъ много выше Крестоваго. Большую часть лѣта онъ лежитъ погребенный подъ снѣгомъ—и только съ середины іюля и въ августѣ васъ рискнутъ перевезти на колесахъ съ сѣвернаго склона Кавказа на южный. Фаэтонщики Владикавказа обыкновенно не знаютъ этой дороги. Рѣдкій изъ нихъ возьмется везти васъ по ней въ своемъ экипажѣ, несмотря на то, что это хорошо содержимое шоссе. Обыкновенно пользуются нанимаемыми у осетинъ линейками, но экипажъ этотъ и много неудобнѣе и утомляетъ много сильнѣе, чѣмъ телѣжка. Но кто хочетъ видѣть многое, долженъ вооружиться мужествомъ и

терпѣніемъ. Кавказъ не Альпы, и если теперь по главнымъ его дорогамъ можно ѣздить, не рискуя быть ограбленнымъ или убитымъ, путникъ все-таки долженъ, любуясь кавказскою природою, забыть, что существуетъ комфортъ и удобство, и, за исключеніемъ линіи Тифлисъ-Владикавказъ, путешествовать по полуварскому краю.

Впрочемъ, ѣзда на осетинскихъ линейкахъ имѣтъ свою прелесть. Вы двигаетесь медленно, и грандіозныя картины горной природы лучше запечатлѣваются въ вашей памяти. Вы, не стѣсняясь, можете проходитъ лучшія части дороги пѣшкомъ, каждую минуту останавливаться для сбора интересныхъ растеній, горныхъ породъ, для снимковъ фотографій, чего трудно достигнуть при быстрой ѣздѣ на почтовыхъ. Ваши осетинскіе возницы, любезные и общительные люди, дадутъ вамъ возможность познакомиться съ бытомъ своихъ родичей, который для русскаго человѣка представляетъ массу любопытнаго.

Исходнымъ пунктомъ для экскурсій по военно-осетинской дорогѣ служитъ обыкновенно станція Даргъ-Кохъ. Теперь отсюда есть даже построенная французскою компаніею вѣтка желѣзной дороги, ведущая къ Садонскому руднику, позволяющая значительно сократить часть колеснаго пути. Но въ описываемое время я съ моими экскурсантами дѣлалъ этотъ путь изъ Владикавказа, и хотя нашъ маршрутъ удлинялъ путь на нѣсколько дней, онъ, какъ читатель можетъ убѣдиться изъ нижесказаннаго, не лишенъ интереса, такъ какъ даетъ возможность познакомиться съ природой и жизнью кавказскихъ предгорій, новою и совершенно чуждою дла жителя равнины и которая обыкновенно ускользаетъ отъ ѣдущаго по желѣзной дорогѣ.

Выѣхавъ утромъ изъ Владикавказа, мы къ вечеру достигли до селенія Ардонъ и, переночевавъ тамъ, на слѣдующій день, проѣхавъ черезъ Алагиръ, вступили въ долину р. Ардона.

Такимъ образомъ, болѣе сутокъ мы ѣхали вдоль Кавказскаго хребта, любуясь характерными явленіями изъ жизни облаковъ, почти черезъ каждый часъ дѣлавшими панораму предгорій неузнаваемою. Кавказъ высокою зубчатою стѣною возвышается здѣсь надъ равниною. Трудно найти болѣе типичную картину настоящаго горнаго хребта, такъ и просящуюся на страницы учебника. Надъ темною массою сближенныхъ холмовъ предгорій высятся позлащенныя лучами восходящаго солнца скалы, внизу одѣтыя чернымъ лѣсомъ, выше—голыя и, наконецъ, еще выше—увѣнчанныя бѣлоснѣжными вершинами, на которыхъ играютъ розовые тоны утреннихъ лучей. Вы видите здѣсь и вулканиче-

скій конусъ Казбека, и Дахъ-Тау, и Адай-Хохъ. Тѣ параллельные другъ-другу хребты, которые различаетъ орографія страны, здѣсь не видны для глаза; все сливается въ одну бугристую темную стѣну съ зубчатымъ, украшеннымъ блестящими снѣгами верхомъ, отгораживающую отъ васъ южную половину неба, не допуская исполниться словамъ Лермонтова и нестись тучамъ небеснымъ, вѣчнымъ странникамъ, степью лазурною, цѣпью жемчужною, съ дальняго сѣвера въ сторону южную. Горы являются для нихъ барьеромъ, и въ зависимости отъ того, имѣемъ ли мы день тихій и ясный, или съ сильнымъ вѣтромъ одного изъ сѣверныхъ румбовъ,—измѣняется и картина состоянія неба. Въ тихій, спокойный день, въ родѣ того, въ который совершался нашъ выѣздъ изъ Владикавказа, утромъ небо бываетъ совершенно безоблачно и хребетъ во всемъ своемъ величіи вырисовывается на южной сторонѣ горизонта. Но кто хочетъ любоваться снѣжными вершинами Кавказа и съ картою въ рукахъ выискивать наиболѣе извѣстныя изъ его горъ, тотъ долженъ встать пораньше, такъ какъ такого рода упражненія возможны только недолго послѣ восхода солнца. Позже, сначала нѣжныя, какъ изъ пуху, облака заволакиваютъ вершины; къ полудню, бѣлою, какъ изъ ваты сдѣланною лентою, они закутываютъ всю верхнюю половину хребта. Къ 4 часамъ пополудни, а иногда и ранѣе, хребетъ почти совершенно скрывается отъ глазъ въ темныхъ грозовыхъ тучахъ. Раздаются глухіе раскаты грома, и вы видите, что сильные ливни орошаютъ темныя лѣсистыя предгорія. Сами вы остаетесь сухи, и здѣсь опять потверждаются странно звучащія для насъ, жителей равнины, слова поэта:

Люблю грозу въ началѣ мая,
Когда весенній первый громъ,
Какъ бы рѣзвяся и играя,
Грохочетъ въ небѣ голубомъ!

Да, здѣсь дѣйствительно громъ и молнія блистаютъ передъ вами въ то время, когда надъ головой небо голубое и блещетъ солнце! Въ то время Кавказъ кажется еще грознѣе и суровѣе. Страшно даже для культурнаго человѣка въ это время углубляться въ его мрачныя ущелья—и что-жъ удивительнаго, что полуязычники осетины помѣстили здѣсь въ предгорьяхъ свои заповѣдныя рощи, посвященныя горнымъ духамъ, преобразованнымъ большею частью въ св. Георгія или другихъ популярныхъ у горцевъ-христіанъ святыхъ. Къ вечеру тучи пролетаютъ—и если вы путешествуете въ полнолуніе, то свѣже посыпанныя

снѣгомъ вершины бываютъ въ вечерніе часы не менѣе эффектны, чѣмъ раннимъ утромъ.

Сама владикавказская равнина своей гладкою, какъ столъ, поверхностью представляетъ рѣзкій контрастъ съ величественною горною панорамою, развертывающеюся съ юга. Вдоль хребта, по дорогѣ, расположился здѣсь рядъ цвѣтущихъ селеній осетинскихъ и казачьихъ, въ одномъ изъ коихъ—именно Ардонѣ—мы и заночевали у нашего провожатаго, осетина Паскидаева.

Осетины—одинъ изъ немногихъ народовъ Кавказа, не только способный къ быстрому воспріятію культуры, но и дѣлающій на этомъ поприще большіе успѣхи. Они обѣщаютъ сдѣлаться для Кавказа тѣмъ, что швейцарцы для Альпъ, и только черезъ ихъ посредство сдѣлаются доступными для туристовъ самыя дикія ущелья Кавказа, внушающія русскимъ ужасъ и страхъ. Если есть народъ, который русская администрація могла бы сдѣлать русскими горцами, то это безспорно осетины. Они всегда исторически тяготѣли къ намъ, и еще когда Кавказъ не былъ нашимъ, вступали съ нами въ союзы и помогали намъ. Будучи полудикими, полу-христіанами, полу-магометанами, полуязычниками, они, принадлежа къ чистой арійской расѣ, были способны къ воспріятію высшей культуры, а таковою культурою была культура русская. Еще и теперь не поздно оказать на народъ этотъ наше вліяніе и сдѣлать его и по симпатіямъ нашимъ.

Осетины жаждутъ образованія, они охотно открываютъ школы, посылаютъ туда дѣтей, изучаютъ русскій языкъ, и многіе изъ нихъ владѣютъ имъ въ совершенствѣ. Они въ своемъ земледѣліи усвоили не только русскія орудія, но усовершенствованныя машины, быстро распространяющіяся въ Кубанской области. На мѣсто горскихъ саклей и жалкихъ малороссійскихъ мазанокъ, одна за другой вырастаютъ въ Ардонѣ и Алагирѣ оригинальной архитектуры каменныя постройки. О постройкахъ этихъ стоитъ сказать нѣсколько словъ. Матеріаломъ для нихъ служатъ голыши и галечникъ, окатанный горными рѣчками. Подобранные рядами и сцементированные глиною, эти голыши даютъ каменныя стѣны болѣе прочныя и изящныя, чѣмъ кирпичныя, и выстроенный изъ этого матеріала домъ, покрытый черепитчатою красною кровлею, представляетъ изъ себя элегантную постройку, которой позавидуетъ любой горожанинъ и какой и во снѣ не снилось ни одному изъ богатыхъ крестьянъ средней Россіи. Словомъ, по сравненію съ нашими крестьянами средней зажиточности, осе-

тинъ живетъ паномъ—и это можно сказать не только о внѣшности его жилища, но и о внутренней его обстановкѣ.

Мы оставались цѣлый послѣдущій день въ Ардонѣ, въ виду необходимости подготовить линейки для перевозки экскурсантовъ. Экскурсіи по Кавказу большими партіями еще дѣло новое— и чтобы перевезти 15 человѣкъ экскурсантовъ, нужно было 4 линейки, найти которыя было не легко. Мы, впрочемъ, не имѣли основанія жалѣть о проведенномъ въ Ардонѣ времени. Наши хозяева были чрезвычайно любезны и гостепріимны. Они давали возможность не только осмотрѣть селеніе и его окрестности, но и познакомиться съ цѣлымъ рядомъ интересныхъ бытовыхъ особенностей народа. Утромъ, минуя успѣвшую уже прорыть нѣсколько террасъ рѣчку, мы пришли къ оригинальному осетинскому кладбищу, уже издали обращавшему на себя вниманіе своими надгробными памятниками. Въ древности осетины хоронили своихъ покойниковъ въ сидячемъ положеніи, устраивая имъ нѣчто въ родѣ каменнаго склепа. Въ этомъ способѣ погребенія видѣли иранское происхожденіе арійцевъ. Самое названіе Иранъ, какъ зовутъ себя осетины, свидѣтельствуетъ о томъ же, равно какъ и многія особенности ихъ языка. Нѣмецкіе филологи хотѣли во что бы то ни стало видѣть въ осетинахъ остатки германскихъ племенъ, находя нѣкоторое сходство съ нѣмецкими словами въ словахъ осетинскихъ (какъ, напр., время—Zeit). Но число этихъ словъ такъ мало, и степень сродства языка такъ слаба, что въ такой же степени нѣмцами можно назвать и русскихъ, и итальянцевъ, и, словомъ, всякій народъ, говорящій на языкѣ арійскаго корня. Флегматичный характеръ, молчаливость и страсть къ пиву—чуть ли не единственныя у осетинъ общія съ нѣмцами черты, такъ какъ во всѣхъ отношеніяхъ, а главное, въ антропологическомъ отношеніи осетины отстоятъ отъ нѣмцевъ, какъ небо отъ земли.

Въ послѣполуденное время мы имѣли удовольствіе наблюдать интересные танцы осетинъ. День былъ воскресный, и почти вся молодежь собралась во дворѣ богатаго осетина, гдѣ устроилось что-то въ родѣ хоровода. Внутри круга изъ поющихъ и хлопающихъ въ ладоши мужчинъ танцовали нѣчто въ родѣ лезгинки и другихъ національныхъ танцевъ Кавказа, въ которыхъ принимали участіе какъ мужчины, такъ и женщины. Послѣднія, одѣтыя въ длинныя, узкія, большею частію розоваго цвѣта платья, были стройны какъ пальмы, но поражали необыкновенно слабымъ развитіемъ груди, дѣлавшимъ ихъ станъ похожимъ на мужской. Быть можетъ, это обстоятельство было причиною

возникновенія очень оригинальнаго обычая этого народа «посвященія женщинъ и мужчинъ», жертвъ котораго мы сами видѣли нѣсколько. Дѣло въ томъ, что, какъ у всѣхъ горцевъ, у осетинъ положеніе женщины—какъ слабаго, неудобнаго для борьбы за существованіе среди суровой обстановки горъ созданія—очень низкое. Если молодежь мужского пола здѣсь не смѣетъ ни сѣсть, ни сказать слова въ присутствіи старшихъ, то женщина почти не считается за человѣка. Какъ у кочевниковъ, ихъ покупаютъ, внося болѣе или менѣе значительный *калымъ*, послѣ чего она поступаетъ въ полное распоряженіе мужа. Рожденіе дѣвочки встрѣчается родителями съ такимъ же неудовольствіемъ, съ какимъ ликованіемъ встрѣчается рожденіе мальчика. Но особенно горестнымъ бываетъ положеніе тѣхъ родителей, которые имѣютъ потомство только женскаго пола. Тутъ отсутствіе мальчиковъ особенно непріятно—и отецъ семейства прибѣгаетъ тогда къ оригинальному способу. Онъ даетъ одной изъ своихъ дочерей мужское имя, одѣваетъ ее въ черкеску, посылаетъ ее въ общество мальчиковъ, среди которыхъ она ростетъ и воспитывается до 21 года. Съ нею обращаются какъ съ мужчиною. Она ѣздитъ верхомъ и принимаетъ участіе во всѣхъ работахъ и упражненіяхъ юношей; величайшимъ оскорбленіемъ для нея считается назвать ее гдѣ-либо въ обществѣ женщиной или женскимъ именемъ. Такъ растетъ и воспитывается молодая осетинка, ничѣмъ не отличаясь отъ своихъ товарищей, пока, наконецъ, по достиженіи совершеннолѣтія борьба со страстями не заставитъ ее удалиться въ монастырь.

Странно видѣть пережитки этихъ обычаевъ древней горской жизни здѣсь въ Ардонѣ, въ благоустроенномъ селеніи, окруженномъ мирными пашнями, до которыхъ долетаютъ звуки свистковъ Владикавказской желѣзной дороги. Странно наблюдать эти нравы бокъ-о-бокъ со школою и патріотами-учителями, которые, какъ у всѣхъ маленькихъ народцевъ, которымъ грозитъ участь поглощенія окружащими, берегутъ и лелѣютъ всѣ традиціи и преданія, составляющія гордость народа, знакомя со всѣмъ, что о немъ написано, начиная съ преданій о древнихъ богатыряхъ Осетіи и кончая нѣмецкими мечтаніями о германскомъ происхожденіи осетинъ—изданными петербургскими академиками....

На слѣдующее утро мы покинули Ардонъ и, проѣхавъ черезъ сходную съ нимъ по облику Алагирскую станицу, направились на югъ, чтобы проникнуть въ нѣдра Кавказа.

Нигдѣ въ мірѣ нельзя наблюдать съ такою ясностью и отчетливостью механизмъ образованія горныхъ хребтовъ, какъ

по военно-осетинской дорогѣ. Какъ извѣстно, старое представленіе, до сихъ поръ, къ сожалѣнію, распространенное въ обществѣ, что горныя цѣпи и горы вообще произошли дѣятельностью подземнаго огня, оставлено уже давно въ наукѣ, и господствующимъ взглядомъ является тотъ, по которому горы суть складки коры земной, происшедшія вслѣдствіе постепеннаго сжатія этой послѣдней.

Однако, было бы крайне неправильно представлять себѣ горныя цѣпи въ видѣ складокъ, подобныхъ складкамъ на скатерти или на какой-нибудь матеріи. Не говоря уже о томъ, что самый внѣшній видъ горъ не соотвѣтствуетъ такому представленію, ихъ внутреннее строеніе, какъ то иллюстрируетъ прекрасно военно-осетинская дорога, показываетъ это весьма наглядно.

Громада Кавказа получилась путемъ тяженія съ юга на сѣверъ, заставившаго центральныя, самыя глубокія первозданныя породы выпучится, приподнявъ съ сѣвера всю толщу осадочныхъ пластовъ, на нихъ налегавшую. Она такимъ же образомъ приподнята и съ юга, но здѣсь, сверхъ того, болѣе глубоко лежащія породы этимъ горизонтальнымъ давленіемъ настолько стиснуты, что дали болѣе двухъ десятковъ прижатыхъ другъ къ другу складокъ, по размѣрамъ не уступающихъ высотѣ самаго хребта. Такъ-называемый Сѣверный Кавказъ представляетъ изъ себя, такимъ образомъ, приподнятую выпятившимися въ его центрѣ гранитами толщу всѣхъ покрывающихъ эти граниты осадочныхъ породъ, отлагавшихся за все время исторіи земли на этомъ мѣстѣ. Какъ страницы книги, открытыя для натуралиста, они даютъ возможность прочитать событія того прошлаго Кавказа, когда еще не было человѣка и когда постепенно формировались странныя существа, бывшія праотцами нынѣ живущихъ животныхъ. Тѣ породы, что на плоской русской равнинѣ приходилось бы добывать изъ нѣдръ земли путемъ буровыхъ скважинъ съ многоверстной глубиной, здѣсь мы видимъ составляющими скалы и бока долины Ардона, при чемъ чѣмъ дальше будемъ мы углубляться къ его верховьямъ, тѣмъ болѣе древніе по образованію, тѣмъ болѣе глубоко въ другихъ мѣстахъ скрытые пласты будутъ обнажаться передъ нашими глазами. Надобно знать языкъ геологіи, чтобы по пластамъ этимъ, какъ по страницамъ книги, прочитать это прошлое земли. Здѣсь не мѣсто входить въ эти подробности, и я упомяну только, что отъ ст. Алагиръ до урочища св. Николая послѣдовательность породъ мѣняется нѣсколько разъ. Въ то время какъ холмы,

окружающіе Владикавказскую низину, сложены изъ раковиннаго известняка, къ югу отъ Алагира, составляя какъ бы первую гряду холмовъ, тянущихся вдоль Кавказа съ сѣвера, обнажается мѣловой мергель. За нимъ идетъ низина, почва которой состоитъ изъ мелкихъ зеленоватыхъ песчаниковъ, чтобы затѣмъ дать мѣсто высокому хребту изъ доломитовъ, въ которомъ Ардонъ прорылъ себѣ узкое ущелье. Здѣсь отчетливо можно видѣть, какъ приподнятые съ юга пласты этихъ доломитовъ падаютъ на сѣверо-востокъ. Проѣхавши ихъ, вы вступаете въ область сѣверныхъ глинистыхъ сланцевъ, чередующихся съ тонкими прослойками песчаниковъ, и уже за ними, отдѣленные продольной долиной, возвышаются близъ урочища св. Николая первобытные сланцы, сланцы кристаллическіе, гнейсы и сѣрые кавказскіе граниты. Большинство этихъ породъ (за исключеніемъ гранитовъ) слоисто, всѣ онѣ образовались на днѣ моря, когда-то покрывавшаго пространство, нынѣ занятое Кавказскимъ горнымъ хребтомъ. Всматриваясь съ строеніе этихъ осадочныхъ породъ и изучая попадающіяся въ нихъ окаменѣлости, мы убѣждаемся, что за тотъ долгій періодъ времени, когда на днѣ морскомъ отлагались эти многоверстныя толщи осадковъ, нынѣ выпертыя вверхъ горообразовательными силами, сами моря испытывали значительныя перемѣны. Мы знаемъ теперь, что тонкій известковистый илъ нынѣ отлагается лишь въ глубокихъ океанскихъ пучинахъ, образуясь изъ микроскопически мелкихъ скелетиковъ плавающихъ въ водѣ животныхъ, тогда какъ пески и глины относятся къ такъ-называемымъ прибрежнымъ образованіямъ. Такъ было и всегда. Смѣна наслоеній твердыхъ известковистыхъ и рыхлыхъ песчанистыхъ свидѣтельствуетъ, что глубина моря, покрывавшаго Кавказскій перешеекъ, не оставалась одинаковою. Море это претерпѣвало колоссальныя измѣненія уровня и въ ранній юрскій періодъ—въ тотъ періодъ, когда отлагались нынѣ изогнутые въ многочисленныя складки глинистые сланцы и песчаники, море, повидимому, почти не покрывало здѣсь своего дна, такъ какъ въ песчаникахъ этихъ находятъ отпечатки растеній, свидѣтельствующіе, что пески, давшіе начало этимъ песчаникамъ, отлагались въ лагунахъ, окруженныхъ сухопутною растительностью.

Прорѣзавъ Кавказъ съ сѣвера на югъ, мы пересѣчемъ три (геологическія) системы пластовъ: третичныя, мѣловыя и юрскія, чтобы затѣмъ вступить въ самыя нѣдра горъ, въ царство первозданныхъ сланцевъ, гнейсовъ и гранитовъ. И въ каждой изъ трехъ упомянутыхъ выше системъ мы встрѣчаемъ чередованіе

болѣе рыхлыхъ и болѣе твердыхъ породъ. Это чередованіе имѣетъ громадное значеніе для всей орографіи, для пейзажей и для самой жизни сѣвернаго Кавказа, почему мнѣ по необходимости и пришлось остановиться на этихъ, быть можетъ, сухихъ и скучныхъ для читателей подробностяхъ. Дѣло въ томъ, что размывающая работа водъ въ теченіе послѣднихъ тысячелѣтій сильно измѣнила обликъ когда-то вывороченныхъ горообразовательными процессами пластовъ. Рыхлыя песчанистыя породы были сильно размыты, воды, образовавъ въ нихъ глубокія водоточины, скоро превратили эти послѣднія въ глубокія продольныя долины, тогда какъ пласты твердыхъ известняковъ остались почти неразрушенными и только на вершинахъ своихъ потеряли неуклюжія формы, придавъ имъ обликъ конусовъ и пиковъ. Однообразная толща вывороченныхъ слоевъ превратилась въ рядъ хребтовъ, раздѣленныхъ прерывающимися продольными долинами, при чемъ чѣмъ тверже была первоначальная, давшая начало горнымъ хребтамъ порода, тѣмъ выше воздымаются эти хребты. Вступая съ сѣвера въ долину Ардона вы легко наблюдаете эту послѣдовательность. Владикавказскія равнины съ сѣвера окаймлены невысокими холмами изъ третичнаго ракушечника. Южнѣе Алагира возвышается уже болѣе высокая гряда, сложенная изъ болѣе твердыхъ мѣловыхъ известняковъ; еще же южнѣе за нею высится громадный хребетъ изъ юрскихъ доломитовъ тотъ самый, который Столовою и др. горами заслоняетъ настоящія снѣговыя вершины горъ отъ жителей Владикавказа и который западнѣе, становясь ниже, образуетъ хорошо знакомыя жителямъ Кисловодска высоты Бермамута. Эти твердые доломиты бѣловато-лиловато-розоваго цвѣта, самая твердая изъ осадочныхъ породъ. Сѣвернаго Кавказа, отдѣленные и съ сѣвера, и съ юга продольными долинами, представляютъ какъ бы островъ, освобожденный отъ облекавшихъ его нѣкогда толщъ болѣе мягкихъ породъ. Близъ дорожной станціи Нехасъ вы достигаете подножія этого хребта, который прорванъ здѣсь Ардономъ, вытекающимъ изъ узкаго ущелья. Въ ущельѣ этомъ ясно можно видѣть, какъ круто падаютъ пласты доломитовъ на сѣверъ, при чемъ склонъ долины, образуемый этимъ хребтомъ, такъ ровенъ, какъ переплетъ наклоненной книги, и только мягкая мурава поросшихъ на немъ травъ скрываетъ гладкую поверхность известняка, дѣлая возможнымъ восхожденіе.

Долина Ардона вновь суживается, и вы вступаете, минуя ведущую къ руднику продольную долину, въ красиво поросшую соснами часть долины, въ глубинѣ которой возвышается большая

станціонная постройка урочища св. Николая. Это безспорно лучшій пунктъ для остановки и отдыха экскурсантовъ. Обширное помѣщеніе имѣетъ нѣсколько просторныхъ, чистыхъ, по-европейски обставленныхъ комнатъ, которыя даютъ возможность здѣсь отдохнуть и собраться съ силами для экскурсіи на интереснѣйшій изъ ледниковъ Кавказа—Цейскій.

Рѣка Цея и долина ея впадаютъ въ долину Ардона какъ разъ около урочища св. Николая—и широкая и удобная для верховой ѣзды тропа ведетъ вверхъ по долинѣ къ селенію того же имени, а затѣмъ къ леднику. Я не буду здѣсь описывать долины. Выполненная нѣкогда ледниковыми наносами его поддонной морены, она заросла сосновымъ лѣсомъ, и послѣ голыхъ и выжженныхъ скалъ Нехаса представляетъ необыкновенно пріятное для глазъ зрѣлище. Вы уже въ обстановкѣ далекаго сѣвера. Уныло шумятъ сосны, скрывая подъ сѣнью своею рядъ гиперборейскихъ травъ въ родѣ черники, Linnaea borealis, и, постепенно сплачиваясь въ довольно густой боръ, деревья котораго еще не истребила эксплуататорская рука иностранцевъ. Да врядъ ли она когда-либо и рѣшится ихъ истребить, такъ-какъ въ долинѣ среди лѣсовъ этихъ лежитъ одно изъ великихъ святилищъ осетинскаго народа, храмъ 800-лѣтней древности, для котораго боръ этотъ играетъ роль священной рощи. Да, урочище Рекомъ, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, великое и святое мѣсто. Народное суевѣріе осетинъ, про которыхъ довольно трудно сказать, кто такіе они въ сущности—магометане, христіане или язычники,—настолько сильно по отношенію къ этому мѣсту, что предразсудки всѣхъ ихъ вѣрованій особенно рѣзко сказываются для наблюдателя.

Уже при приближеніи къ урочищу принимается рядъ предосторожностей. Никто изъ приходящихъ не имѣетъ права брать съ собою въ числѣ съѣстныхъ припасовъ ни колбасы, ни какого-либо другого кушанья, приготовленнаго изъ свинины, иначе не только его, но и всю мѣстность можетъ постигнуть большое несчастье. Храмъ не доступенъ для женщинъ. Да и приходящіе сюда мужчины не имѣютъ права переступать черезъ каменную ограду, которую свободно могъ бы перешагнуть взрослый осетинъ и которая отдѣляетъ отъ поросшей травою площадки самый храмъ. Трудно себѣ представить что-либо менѣе отвѣчающее понятію о христіанскомъ храмѣ, нежели это зданіе. Самая жалкая курная изба или зимница, въ которой живутъ въ морозное время на Керженцѣ за Волгою макарьевскіе дровосѣки, показались бы дворцомъ въ сравненіи съ этимъ покосившимся и

почернѣвшимъ отъ времени деревяннымъ срубомъ, крытымъ тесомъ, поросшимъ мохомъ. Эта избушка безъ колокольни, можно сказать, безъ оконъ, снаружи ничѣмъ не напоминаетъ церкви. Только черепа туровъ, прибитые къ стѣнамъ, говорятъ, что она имѣетъ какое-то мистическое назначеніе. О томъ же говоритъ и рядъ древностей, приношенія и пожертвованія различныхъ лицъ, сохраняющіяся въ храмѣ и около храма въ томъ видѣ, какъ они накоплялись здѣсь за много столѣтій. Говорятъ, въ послѣднее время графиня Уварова увезла наиболѣе цѣнныя изъ нихъ въ Москву и такимъ образомъ сохранила многое отъ гніенія. За расхищеніе ихъ бояться было нечего, такъ-какъ народное суевѣріе лучше всякихъ музейныхъ стражей сохраняло древнія серебряныя монеты и оружіе, приносившееся въ жертву духу горъ, перекрещенному въ мѣстнаго святого. Еще во время моего посѣщенія я видѣлъ цѣлые пуки стрѣлъ и груду древнихъ монетъ, хранившіеся въ храмѣ. И внутрь зданія, въ темную и мрачную конуру, меня все-таки не пустили, позволивъ въ видѣ исключенія переступить черезъ каменную оградку. Замѣчально, что храмъ Рекома построенъ изъ тисса. Этой породы дерева не встрѣчается нигдѣ по эту сторону Кавказскаго хребта. Онъ долженъ былъ быть взятъ далеко на южномъ склонѣ горъ. Народное преданіе говоритъ, что деревья были доставлены невидимыми духами и храмъ воздвигнутъ въ одну ночь. Но если даже отбросить вліяніе всѣхъ сверхъестественныхъ элементовъ, то нельзя не удивляться, какимъ образомъ 800 лѣтъ назадъ, когда на Кавказѣ не было ни дорогъ, ни того населенія, что теперь, черезъ кручи его горныхъ проходовъ могли быть доставлены съ низовьевъ Ріона эти громадныя тиссовыя бревна.

Особенно интересны обряды осетинъ во время храмового праздника въ Рекомѣ. Тогда осетинъ, одѣтый въ бѣлую, какъ снѣгъ, черкеску, какъ жрецъ языческаго храма, совершаетъ закланіе нѣсколькихъ бѣлыхъ же быковъ. Насколько вяжутся эти кровавыя жертвоприношенія съ христіанскимъ богослуженіемъ—я не берусь судить; но знаю, что всѣ жители сосѣднихъ ауловъ считаютъ своимъ долгомъ на нихъ присутствовать in corpore. Мясо раздѣляется между присутствующими и запивается затѣмъ пивомъ, заготовляемымъ для этого празднества въ громадномъ количествѣ.

Дикія сцены разгула горцевъ среди густого, пріютившагося въ ущельѣ, бора смѣняются величественной картиною природы, разъ только вы сдѣлаете еще нѣсколько верстъ вверхъ по теченію рѣки Цеи. Передъ вашими глазами тогда откроется краси-

вая панорама одного изъ длиннѣйшихъ изъ ледниковъ Кавказа — Цейскаго.

Говоря вообще, ледники Кавказа менѣе красивы и величественны, чѣмъ альпійскіе. Они обыкновенно много короче послѣднихъ. Ихъ льды грязнѣе и не имѣютъ того чуднаго голубого блеска, который присущъ ледникамъ Альпъ. Большая крутизна склоновъ и узость верховьевъ рѣчныхъ долинъ здѣсь чаще вызываютъ оригинальное явленіе такъ-называемыхъ снѣговыхъ мостовъ. Мосты эти являются слѣдствіемъ очень распространенныхъ на Кавказѣ лавинъ или снѣговыхъ обваловъ, которые особенно часты весною, когда накопившіяся на крутыхъ склонахъ массы снѣга, подтаивая, теряютъ равновѣсіе, обрываются и, падая, засоряютъ рѣчныя долины. Но воды рѣкъ быстро прорываютъ себѣ путь въ снѣжномъ завалѣ; воздухъ подтаиваетъ еще болѣе образованный водами гротъ и мало-по-малу масса снѣга, завалившая ущелье, превращается въ подобіе моста съ изящною аркою, подъ которой струитъ свои воды рѣка. Такіе снѣговые мосты весною изобилуютъ по военно-грузинской дорогѣ на пространствѣ между Коби и Гудауромъ, они попадаются и по Ардону. Въ болѣе узкихъ ущельяхъ они сохраняются все лѣто и даже остаются до зимы.

Такъ какъ ледники Кавказа менѣе грандіозны, чѣмъ альпійскіе, то тѣмъ интереснѣе тѣ изъ нихъ, которые отличаются значительною длиною. Таковъ именно ледникъ Цейскій. Здѣсь наблюдатель можетъ видѣть всѣ характерныя явленія альпійскихъ глетчеровъ.

Далеко вверху обширныя мульды наполнены вѣчными снѣгами. Подъ саваномъ этихъ снѣговъ постепенно смерзаются снѣжинки, превращаясь въ формы и ядра глетчернаго льда, которыя, смерзаясь, оставляютъ въ промежуткахъ пузырьки воздуха, наполняющіе ледъ глетчера, придавая ему структуру, по которой его легко отличить отъ обыкновеннаго рѣчного и озернаго льда. Вытекая изъ области фирновыхъ полей, ледъ Цейскаго ледника разбивается на великое множество трещинъ, поперечинъ, превращающихъ его въ хаосъ пиковъ и ущелій изъ прозрачной ледяной массы.

Ниже ледникъ принимаетъ характеръ медленно и спокойно текущей рѣки, и на его поверхности посѣтитель можетъ свободно наблюдать всѣ характерныя особенности глетчерной жизни: громадные ледниковые столы тамъ и сямъ возвышаются на его поверхности, свидѣтельствуя о быстротѣ таянія ледника. Подъ вліяніемъ вѣтра, а главное, солнца—поверхность ледяной

рѣки быстро превращается въ воду. Глазъ этого не видитъ, но показателями этой скорости таянія являются вышеназванные столы. Плоскія глыбы камня настолько защищаютъ поверхность льда отъ таянія, что она подъ зноемъ остается невридимою и, въ то время, какъ кругомъ иногда на нѣсколько футъ понизится уровень ледяной рѣки, масса льда сохраняется подъ камнемъ въ видѣ ножки, поддерживающей глыбу. Въ ясные солнечные дни мелкіе кусочки камней, напротивъ, нагрѣваясь, сильнѣе протаиваютъ во льду большія углубленія—ледниковые стаканы. Тогда загрязненная поверхность льда неровна какъ соты—вездѣ виднѣются во льду ванночки съ чистою водою, на днѣ которыхъ покоится черный камень. Но масса воды струится въ видѣ ручьевъ по самой поверхости ледника, устремляясь въ дыры, которыя въ ледникѣ протаяла вода въ его верхнемъ, изборожденномъ трещинами, теченіи. Сюда ручьи воды падаютъ въ видѣ водопада, извергающагося въ колодезь во многія сажени глубиною. Эти падающія воды обладаютъ большою силою. Захвативъ на своемъ пути камень, онѣ высверливаютъ въ руслѣ ледника глубокіе котлы, шумя и бурля какъ настоящія мельницы. Цейскій ледникъ во всѣхъ отношеніяхъ классическій ледникъ для изученія глетчерныхъ явленій. По бокамъ его тянутся такъ-называемыя боковыя, а послѣ впаденія притоковъ (такъ какъ ледникъ слагается вверху изъ нѣсколькихъ) и продольныя морены — или груды обломковъ скалъ, нѣкогда увлеченныхъ движеніемъ льда и затѣмъ вытаянныхъ по мѣрѣ спаденія его массы.

Подъ такими же грудами каменныхъ моренъ скрывается и нижнее теченіе ледника, и среди этихъ обломковъ скалъ легко найти такія, которыя отполированы и исцарапаны скользящимъ по дну ледникомъ, громадныя тяжести котораго были способны отшлифовать самыя твердыя изъ горныхъ породъ. Я не буду здѣсь останавливатся на другихъ явленіяхъ глетчерной жизни, отсылая интересующагося ими читателя къ спеціальнымъ сочиненіями по тѣмъ вопросамъ. Скажу одно: и геологъ, и учащійся спеціалистъ найдутъ здѣсь богатое поприще для наблюденій всякаго рода.

Экскурсія по верховьямъ р. Цеи есть побочная экскурсія для лицъ, держащихъ путь вверхъ по теченію Ардона. Если вернутся вновь въ ущелье св. Николая и слѣдовать теченію этой рѣки, вы вступите въ необыкновенно величественное и красивое ущелье р. Ардона. Оно не уступаетъ по грандіозности Дарьяльскому и лучше ущелья Рейса по сенъ-готардской дорогѣ. Оно шире Дарьяла, но имѣетъ передъ послѣднимъ то преиму-

щество, что поросло живописно разбросанными соснами. Ардонъ тутъ бурлитъ какъ настоящій горный потокъ, подрывая скалы. Многія обрушиваются въ него съ грохотомъ, и онъ обтирая другъ о друга ихъ угловатыя массы, превращаетъ въ окатанные валуны, которые медленно движетъ по руслу. Но часто туда обрываются обломки столь громадные, что онъ не въ силахъ ихъ сдвинуть съ мѣста. Они возвышаются среди потока наподобіе скалистаго острова, и на такихъ островахъ иногда еще держится сосна, нѣкогда выросшая на этой глыбѣ, когда она высилась гдѣ-нибудь на высокомъ карнизѣ ущелья. Пропиливающая работа воды здѣсь еще въ полной силѣ, и только созерцая здѣсь, на мѣстѣ, ея дѣятельность, можно понять, какъ это мягкая вода можетъ пропиливать полутораверстной глубины долины и ущелья въ твердой гранитной груди горъ.

Ущелье Ардона находится уже въ сердцѣ Кавказа. Мягкіе песчаники и глинистые сланцы при приближеніи къ урочищу св. Николая смѣняются твердыми кристаллическими сланцами, затѣмъ гнейсами и, наконецъ, въ ущельѣ всюду выступаютъ твердые, сѣрые граниты, первозданная порода, состовляющая, такъ сказать, ядро хребта. Минуя ущелье, мы уже находимся, говоря геологически, на противоположной сторонѣ хребта. Мы снова встрѣчаемъ тѣ же сланцы, что мы видѣли до сел. св. Николая. Мы пересѣкли центральную складку, и намъ предстоитъ въ обратномъ порядкѣ встрѣтить опять тѣ же породы, что и на сѣверномъ склонѣ. Но здѣсь порядокъ напластованія ихъ много сложнѣе. Онѣ собраны въ громадное число второстепенныхъ складокъ вмѣсто того, чтобы имѣть однообразное паденіе на югъ.

Уже около селенія Заромаги нѣтъ лѣсовъ. Нѣтъ не потому, чтобы они не могли расти, но потому, что ихъ истребилъ человѣкъ. Зеленѣющіе луга травъ покрываютъ кругомъ горные откосы, и среди нихъ вьется шоссе, все выше и выше поднимаясь въ горы, гдѣ все сырѣе и сырѣе становится почва луга и гдѣ подъ вліяніемъ возрастающаго холода постепенно измѣняется растительность изъ обыкновенной луговой въ настоящую кавказскую, альпійскую или, правильнѣе, нагорную флору.

На самомъ Мамиссонѣ вы находитесь уже среди этой послѣдной. Чудная панорама горъ, съ которыхъ спускается не менѣе 7 глетчеровъ второго порядка, открывается взорамъ. Самый перевалъ рѣдко когда освобождается вполнѣ отъ снѣга. Во всякомъ случаѣ, пятна фирна, не тающаго все лѣто, всегда можно видѣть у дороги. На нихъ можно видѣть развитіе

Protoccocus nivalis, микроскопической водоросли полярныхъ странъ, окрашивающей снѣга эти въ нѣжно-розовый цвѣтъ. Это знаменитый красный снѣгъ, такъ часто упоминаемый у полярныхъ путешественниковъ. По окраинамъ фирновыхъ пятенъ первымъ растеніемъ, оживляющимъ луга, является подснѣжникъ, здѣсь болѣе чѣмъ гдѣ-либо заслуживающій своего названія. Онъ здѣсь играетъ ту же роль, что преслуватая Soldanella alpina въ Швейцаріи. Его головки пробиваются изъ-подъ снѣга, довольствуясь температурою 0°, и хорошенькіе цвѣточки раскрываютъ свои вѣнчики надъ бѣлою поверхностью фирна.

За ними слѣдуютъ, расцвѣтая, характерныя кавказскія нагорныя растенія: Pulsatilla albana, Primula различныхъ видовъ, хорошенькія ярко-синія генціаны, Anemone narcissiflora. незабудки—Myosotis alpestris—необыкновенно крупныя, и цѣлый рядъ другихъ характерныхъ растеній кавказскихъ высотъ, перечисленіе которыхъ я опускаю. Скажу одно, знакомаго съ альпійскою флорою здѣшняя луговая растительность поразитъ своею величиною. Здѣсь мало тѣхъ миніатюрныхъ растеньицъ, которыя такъ прельщаютъ гербаризатора въ Швейцаріи. Здѣсь, наоборотъ, травы размѣрами приближаются къ луговымъ, и среди нихъ есть много знакомыхъ жителю низины видовъ, въ родѣ Caltha palustris, или чемерицы—Veratrum album.

Но яркость вѣнчиковъ здѣсь та же самая, что и на Альпахъ, и крупные цвѣты нагорныхъ луговъ Кавказа затмятъ своимъ блескомъ альпійскіе. Только вмѣсто миніатюрныхъ розовыхъ альпійскихъ розъ вы встрѣтите здѣсь высокій, усыпанный бѣлыми цвѣтами кустарникъ кавказскаго рододендрона, не менѣе эффектнаго, чѣмъ попадающіяся ниже въ лѣсахъ кавказскія азалеи съ душистыми желтыми цвѣтами, образующія густыя заросли по пути къ Цейскому леднику. Недостаетъ только здѣшней флорѣ эдельвейсовъ, этой приманки альпійскихъ туристовъ.

Особенно эффектна альпійская флора Мамиссоновскаго перевола на его южномъ склонѣ, откуда открываются роскошныя панорамы лѣсистыхъ, увѣнчанныхъ снѣгами горъ. Эти панорамы не уступаютъ лучшимъ мѣстамъ Энгадина.

Это тѣ же снѣжные пики въ рамкѣ изъ задумчивыхъ хвойныхъ лѣсовъ. Но хвойныя лѣса, въ которые вы вступаете, спускаясь съ Мамиссона, не тѣ, что на сѣверномъ Кавказѣ; вы сразу попадаете въ другой міръ, въ царство иного климатическаго режима, съ болѣе мягкою зимою, съ воздухомъ, постоянно насыщеннымъ влагою. Первыми васъ опять встрѣчаютъ хвойные

лѣса, но лѣса эти состоятъ изъ кавказской ели—Picea orientalis и кавказской пихты—Abies Nordmanniana. Хотя по облику эти деревья и похожи на наши ели и пихты сѣвера, но отношеніе къ климату ихъ иное. Онѣ мерзнутъ даже подъ широтою Харькова и для германскаго климата считаются еще въ числѣ весьма нѣжныхъ растеній. Но даже не ботаникъ, всмотрѣвшись, сейчасъ увидитъ и во внѣшнемъ ихъ обликѣ значительное отличіе отъ нашихъ хвойныхъ сѣвера. Яркость окраски и блескъ хвои сразу показываютъ, что они незнакомы съ суровыми морозами сѣвера. Деревья смотрятъ какъ-то зеленѣе, веселѣе, подходя подъ тонъ вѣчной зелени субтропическихъ породъ, не сбрасывающихъ листвы. Несмотря на значительную высоту надъ уровнемъ моря, на которой расположена эта полоса хвойныхъ деревьевъ, подъ ея сѣнью начинаютъ попадаться представители и этихъ породъ: падубъ или колючій остролистъ—характерное растеніе сѣверо-западной Европы, красныя ягоды котораго, созрѣвая въ концѣ декабря, дѣлаютъ кустъ этотъ замѣчательно эффектнымъ украшеніемъ комнатъ во время рождественскихъ праздниковъ въ Англіи и Франціи; лавровишня, характерное дерево закавказскихъ лѣсовъ, здѣсь еще имѣющая видъ кустарника, и, наконецъ, кавказская черника, кустъ выше человѣческаго роста, съ гроздьями ягодъ, цвѣтомъ и вкусомъ, не отличающихся отъ нашей черники сѣвера. Этотъ Vaccinium arctostaphylos, какъ и черничники субтропическихъ странъ далекаго Востока, не можетъ быть названъ вполнѣ вѣчно-зеленымъ растеніемъ, и листва его держится необыкновенно долго. Онъ украшаетъ своею зеленью нижніе яруса колхидскихъ лѣсовъ вплоть до турецкой границы включительно. Его зелень теперь высушивается сотнями пудовъ, вывозится внутрь Россіи подъ названіемъ кавказскаго чая и идетъ на подмѣсь къ болѣе дешевымъ сортамъ китайскаго чая. Сколько тысячъ народа, пьющаго въ трактирахъ южной Россіи «китайскую травку», пьютъ, сами того не подозрѣвая, отечественный продуктъ.

Пихтовые лѣса, пересѣкаемые военно-осетинскою дорогою, необыкновенно красивы. Здѣсь попадаются участки съ высокими, строевыми, прямыми какъ свѣчи, деревьями. Разбросанные группами на зеленѣющихъ луговинахъ, они придаютъ пейзажу особенный, не встрѣчающійся на сѣверѣ характеръ.

Къ сожалѣнію, погода здѣсь гораздо менѣе постоянна, чѣмъ на сѣверѣ, и часто дожди мѣшаютъ наслаждаться прелестями пейзажа.

Вообще, начиная съ этого пояса лѣсовъ, мы вступаемъ въ область колхидской природы. Мы въ верховьяхъ Ріона, и скоро и сама знаменитая рѣка Колхиды открывается передъ нашими глазами во всей ея красѣ. Мы въ области иного, непривычнаго для русскаго человѣка климатическаго режима. Режимъ этотъ ближе всего къ тому, который господствуетъ на берегахъ Атлантическаго океана, въ Бретани и въ южной Англіи, но имѣетъ то преимущество, что благодаря болѣе южному положенію Кавказа, лѣтніе лучи солнца здѣсь теплѣе, воздухъ въ лѣтніе мѣсяцы дѣлается оранжерейно-жаркимъ, напоминая воздухъ субтропическихъ странъ Далекаго Востока—средней Японіи и соотвѣтствующихъ областей Китая.

Спустившись съ Мамиссона, мы вступаемъ въ область, занятую картвельскимъ племенемъ, ни по языку, ни по антропологическомъ особенностямъ съ осетинами ничего общаго не имѣющимъ. Извѣстный антропологъ Шантръ соединяетъ въ одну группу картвеловъ, имеретинъ, грузинъ, мингрельцевъ, сванетъ и лазовъ, но намъ кажется, что хотя народы эти и говорятъ на близкихъ другъ другу языкахъ и имѣютъ общія черты культуры, но они только въ основѣ имѣютъ картвельскую кровь. Къ ней примѣшано много постороннихъ элементовъ, дѣлающихъ долговязаго имеретина далеко не похожимъ на сутуловатаго грузина, и въ интересующей насъ области примѣсь семитскихъ элементовъ несомнѣнна. Въ городахъ и теперь очень много евреевъ, держащихъ себя среди имеретинъ далеко не столь изолированно, какъ среди многихъ другихъ народовъ. Сами имеретины многими чертами характера и обликомъ напоминаютъ евреевъ, хотя любовь къ земледѣлію присуща имъ всѣмъ. Только на еврейскихъ торжищахъ встрѣтите вы такое галдѣніе, какъ при любой сдѣлкѣ, въ которой принимаютъ участіе нѣсколько имеретинъ. Влажный, изнѣживающій климатъ страны сдѣлалъ жителей непредпріимчивыми и склонными къ лѣни, вызвавъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, то отсутствіе любви къ комфорту, которое кидается всюду въ обстановкѣ туземца и дѣлаетъ путешествіе по Имеретіи не особенно пріятнымъ.

Вообще, переваливъ на южную сторону хребта, русскій человѣкъ перестаетъ чувствовать себя дома. Тамъ, на сѣверѣ, у гостепріимныхъ осетинъ, вы вездѣ видѣли стремленіе знакомиться съ русскими нравами, языкомъ и культурою, можетъ быть своеобразно, но вполнѣ искренне для нихъ желаннымъ. Здѣсь, послѣ того какъ вы побываете на Мамиссонѣ, гдѣ васъ можетъ потрепать кратковременная снѣжная мятель въ іюнѣ

мѣсяцѣ, вы какъ бы переноситесь въ другое государство. Населеніе не говоритъ, да, повидимому, и не хочетъ говоритъ порусски. Начиная съ администраціи и кончая полиціей и извощиками - все туземцы, и если высшіе чины и знакомы съ русскимъ языкомъ, то напрасно вы будете этого ждать отъ старшинъ, старостъ, даже писарей и другихъ чиновъ волостного правленія, здѣсь громко именуемаго «канцеляріей». Вамъ нуженъ переводчикъ—и, сравнивая путешествіе по Мингреліи или Имеретіи съ путешествіемъ по Турціи, нельзя не сознаться, что въ послѣдней чувствуешь себя менѣе чуждымъ, болѣе дома, чѣмъ здѣсь. Я не хочу этимъ сказать, чтобы къ намъ здѣсь относились не дружелюбно. Напротивъ, я навсегда сохраню самое пріятное воспоминаніе объ отношеніи къ намъ здѣшней администраціи, но я хочу этимъ только отмѣтить тотъ фактъ, что туристъ, придя сюда съ той стороны Кавказа, долженъ приготовиться къ роли чужеземца въ краѣ съ иною культурою, языкомъ и обычаями, ничего общаго съ остальною Россіею не имѣющими.

Самый обликъ культуры страны иной. На крошечныхъ, рѣдко превосходящихъ десятину надѣлахъ, вмѣсто родныхъ хлѣбовъ, вы всюду видите кукурузу и виноградники. Выгоновъ почти нѣтъ и пустыри сейчасъ же зарастаютъ кустарникомъ и лѣсомъ. Въ хозяйствѣ здѣшняго крестьянина вы здѣсь не увидите хлѣба. Кукурузная лепешка и кислое, сильно пахнущее, вызывающее головную боль вино,—вотъ все, что онъ обыкновенно вамъ предлагаетъ, жалая оказать гостепріимство.

Кукурузу въ болѣе нижнихъ поясахъ сопровождаетъ лобіа или турецкая фасоль, вьющаяся между высокими, достигающими саженной высоты стеблями кукурузы. Садовъ въ нашемъ смыслѣ вы не увидите, хотя многочисленныя фруктовыя деревья группируются около селенія, достигая громадныхъ размѣровъ и имѣя полуоголенный обликъ. Тутъ вы увидите и кавказскую хурму (Diospyros lotus), красивое дерево съ глянцевитыми листьями и синими ягодами, и грецкій орѣшникъ, и груши, и яблони, и алчу или кавказскую сливу. Но чѣмъ гуще становится населеніе, тѣмъ большую и большую роль начинаютъ играть поля кукурузы. Обработанную первобытною сохою, или еще чаще просто руками съ помощью мотыги, на самую незначительную глубины, почву забрасываютъ сѣменами какъ попало, и когда кукуруза взойдетъ, мотыжатъ—или взрыхляютъ мотыгами почву между стеблями растенія. Зрѣлые початки сохраняютъ въ особыхъ кукурузникахъ, всюду виднѣющихся въ колхидскихъ панорамахъ. Это небольшой деревянный или плетенный ящикъ,

имѣющій не болѣе сажени въ длину и ширину и 2 аршина въ вышину; плетенка эта устанавливается на 9 деревянныхъ столбахъ, вышиною съ сажень, и покрывается дранью или осокою. Крестьянскія усадьбы здѣсь разбросаны отдѣльными хуторами, такъ-что селеніе не отвѣчаетъ здѣсь тому представленію, которое связано съ этимъ словомъ. Подъ именемъ мѣстнаго селенія правильнѣе разумѣть собственно урочище, въ которомъ разбросаны усадьбы, иногда на значительномъ другъ отъ друга разстояніи, при чемъ 5—10 домовъ вмѣстѣ большая рѣдкость. Крестьянскія постройки перемѣшиваются съ полями и садами, дворовыя мѣста обыкновенно огораживаютъ плетнями. Постройка колхидца очень поучительна. Она даетъ ясное представленіе о климатическихъ условіяхъ, въ которыхъ здѣсь живетъ человѣкъ. Это большею частью 2-хъэтажные деревянные дома, чаще всего досчастые, изъ небоящагося сырости дерева. Нижній этажъ ихъ служитъ зимнею квартирою, печи здѣсь не устраиваются. Для отопленія и варки пищи служитъ каминъ съ трубою, выходящій черезъ стѣну. Эта нижняя часть жилища обыкновенно столь же невзрачна, какъ и сакля горца, и въ ней нерѣдко въ особенно холодное время держатъ и скотъ. Верхняя часть дома, сквозная, провѣтривается легко и обнесена со всѣхъ сторонъ балкономъ подъ навѣсомъ, защищающимъ его отъ постоянныхъ дождей. Издали такой домикъ обликомъ напоминаетъ швейцарское шале. Только зажиточные крестьяне имѣютъ столы и стулья, обыкновенно же лавки и низенькія табуретки составляютъ меблировку дома.

Осѣдлая мирная жизнь отражается и на костюмѣ, который гораздо франтоватѣе у жителей низины, чѣмъ у горцевъ.

Какъ мы уже говорили, главнымъ хлѣбомъ жителя Колхиды является кукуруза. Перемалываніе ея зеренъ совершается на маленькихъ, имѣющихъ видъ будочекъ, мельничкахъ, жернова которыхъ приводятся въ движеніе быстрымъ горизонтальнымъ теченіемъ горныхъ ручьевъ, а не силою паденія воды, какъ наши водяныя мельницы. Эти мельнички чрезвычайно оживляютъ долинки рѣкъ, которыя пересѣкаетъ дорога.

Если употребить сутки для переѣзда черезъ Мамиссонъ и заночевать въ дорожномъ домѣ по южную сторону перевала или спуститься до Уцеры, то на слѣдующій день къ вечеру можно достигнуть до уѣзднаго города Они—чисто имеретинскаго городка, наполненнаго духанами и мелкими лавчонками. Въ немъ нѣтъ никакихъ достопримѣчательностей, нѣтъ даже порядочной гостиницы для остановки, что не лишне имѣть въ виду

тѣмъ, кто, совершивъ утомительный переходъ черезъ Мамиссонъ надѣется отдохнуть съ комфортомъ въ уѣздномъ городѣ. Кромѣ того, какъ уже было сказано, обстановка природы Они имѣетъ въ себѣ мало субтропическаго. Тотъ, кто хочетъ скорѣе видѣть настоящую Колхиду, долженъ спѣшить покинуть эту деревушку и, проѣхавъ къ югу, пересѣчь южный передовой хребетикъ, сложенный изъ доломитовъ—выпертыхъ изъ горизонтальнаго положенія складками горъ. Ріонъ прорѣзаетъ ихъ, образуя грандіозное ущелье, и, вырвавшись, выходитъ въ холмистую мѣстность, обрамлявшую бывшій заливъ Понта, нынѣ заполненную алювіемъ ріонскую низменность.

Здѣсь вы уже среди чисто колхидской обстановки. Вывѣтрѣлыя породы принимаютъ кирпично-красный цвѣтъ тропическихъ почвъ—латеритовъ. По склонамъ горъ красуются, какъ въ сѣверной Италіи, лѣса изъ настоящаго каштана. Вездѣ въ ущельяхъ виднѣется лавровишня, высокій древовидный понтическій рододендронъ (Rh ponticum). Душистая желтая азалея, жасмины и черничники образуютъ вмѣстѣ съ Carpinus duinensis и дубомъ густые дебри кустарника, а на сырыхъ низинахъ глянцевитая листва хурмы мѣшается съ высокоствольными ольхами, закутанными въ ліаны Smilax, Periploca græca и дикаго винограда. Папоротникъ—Pteris aquilina, давая вайи до сажени длиною, образуетъ густыя сплетенія, еще болѣе непроходимыя отъ колючей дикой ежевики. Чѣмъ ближе къ Кутаису, тѣмъ чаще начинаютъ попадаться одичалыя полутропическія растенія, высокія деревья смоковницъ—Ficus carica и усыпанныя огненными цвѣтами гранатовыя деревья (Punica granatum), такъ-называемыя мимозы,—Acacia julibrissim. Какъ гдѣ-нибудь на Цейлонѣ, при наступленіи сумерокъ, влажно жаркій оранжерейный воздухъ наполняется тысячами летающихъ свѣтляковъ, придающихъ необыкновенную поэзію здѣшнимъ ночамъ. Въ ихъ сопровожденіи вы достигаете конечнаго пункта путешествія—Кутаиса, уже описывавшагося нами.

Заканчивая эти строки, я считаю, однако, необходимымъ замѣтить, что для дополненія картины, представляемой колхидской природой, необходимо заканчивать экскурсію не въ Кутаисѣ, а въ Батумѣ, который, все равно, долженъ быть конечнымъ пунктомъ русскаго туриста, желающаго вернуться на сѣверъ. Это наши русскіе тропики.

Іеллоустонскій паркъ.

Wonderland или «страна чудесъ»,—такъ зовутъ американцы свой Іеллоустонскій національный паркъ, куда многочисленныя рекламы зовутъ толпы туристовъ. Не только книжки, путеводители и брошюры, продающіеся въ любомъ книжномъ магазинѣ, дадутъ вамъ увлекательное описаніе этого парка, но предпріимчивые содержатели Іеллоустонскихъ отелей даромъ раздаютъ пассажирамъ романъ-рекламу. Это дневникъ молодой дѣвушки, женихъ которой уѣхалъ на дальній Западъ и исчезъ безъ вѣсти. Молодая американка, наскучивъ жить одна, отправляется искать работы (а если можно, то и жениха) въ тѣ же края. Она описываетъ желѣзнодорожныя впечатлѣнія, достигаетъ Іеллоустонскаго парка, восторгается его пейзажемъ, озерами и ущельями и среди восхитительной природы находитъ своего жениха разбогатѣвшимъ и мечтающимъ о женитьбѣ. Они умиляются при видѣ другъ друга и устраиваютъ свадьбу. Въ концѣ книги—цѣна за проѣздъ и стоимость жизни въ отеляхъ.

Но такъ или иначе, теперь отъ сѣверной тихо-океанской желѣзной дороги ведетъ особая вѣтвь къ этому парку, и вы на локомотивѣ въѣзжаете въ дѣвственный лѣсъ Сѣверной Америки, который рука человѣка оставила не тронутымъ со времени открытія Новаго Свѣта и среди котораго угасающія вулканическія силы, поднявшія цѣлыя группы горъ и залившія цѣлыми потоками лавъ и базальтовъ высокія американскія поля, проявляютъ свою разнообразную дѣятельность. Въ 3—4 дня вы можете достигнуть парка изъ Вашингтона, пересѣкая области американскихъ лѣсовъ, прерій и степей.

Область прерій поѣздъ пробѣгаетъ въ два-три дня, слѣдуя по сѣверной тихо-океанской дорогѣ, и скоро вы вступаете въ страну такъ-называемыхъ дурныхъ земель—Bad lands, Mauvaises terres первыхъ поселенцевъ,—носящихъ уже характеръ средне-азіатской пустыни.

Bad lands постепенно приводятъ насъ къ Скалистымъ горамъ, среди которыхъ, на высокихъ, окруженныхъ горами, плато

[1]) Изъ очерковъ «У американцевъ», «Книжки Недѣли», 1891, декабрь.

и расположенъ знаменитый національный паркъ Іеллоустона. Мы покидаемъ тихо-океанскую дорогу близъ станціи Ливингстонъ. Побочная вѣтвь доставляетъ насъ въ нѣсколько минутъ до Циннабара, гдѣ насъ ожидаютъ экипажи и омнибусы ассоціаціи отелей, чтобы везти въ волшебный міръ Іеллоустонскаго парка. Іеллоустонская территорія есть участокъ Скалистыхъ горъ, оставленный правительствомъ Соединенныхъ Штатовъ для забавы и поученія націи. Здѣсь запрещено селиться, строить дома и охотиться; край оставленъ въ первобытномъ состояніи; по немъ только проложены дороги для проѣзда посѣтителей и выстроено около 6 отелей для туристовъ. Желающіе посѣтить паркъ обыкновенно берутъ абонементный билетъ на 6 дней и тогда подпадаютъ подъ власть отельной ассоціаціи. Усадивъ въ напоминающіе катафалки экипажи, васъ медленнымъ шагомъ перевозятъ изъ отеля въ отель, кормятъ, поятъ и позволяютъ разсматривать чудеса парка, о которыхъ рѣчь будетъ ниже. За эту недѣлю странствованій по Вундерланду вы вносите довольно круглую сумму въ 100 рублей. Въ виду солидности этой суммы и полной несамостоятельности вашей, весьма многіе изъ обывателей, быть можетъ, тѣ, которые, просидѣвъ десятокъ-другой лѣтъ въ Сити, подобномъ Чикаго, желаютъ тряхнуть стариною и вспомнить молодость, проведенную въ трудахъ піонера дальняго Запада, предпочитаютъ взять крестьянскихъ лошадей и изъ Циннабара самимъ, какъ въ дикой странѣ, разъѣзжать по Іеллоустону; раскидывать на ночь палатки и, разложивъ костеръ, ужинать, созерцая картину дѣвственной сѣверной природы. Слѣды дѣятельности такого рода туристовъ видны повсюду. Вездѣ возлѣ дорогъ раскиданы въ несмѣтномъ количествѣ жестяныя коробки отъ консервовъ, которыхъ тутъ никто не собираетъ, не утилизируетъ и которыхъ тутъ такое же изобиліе, какъ бумажекъ на любомъ общественномъ гуляньи. Съ другой стороны, ночные огни туристовъ, гасимые не особенно тщательно, произвели страшные пожары, и добрая шестая часть національнаго парка представляетъ теперь изъ себя весьма печальную картину торчащихъ головешокъ.

Чтобы въѣхать въ паркъ, вы поднимаетесь вверхъ по горному ущелью, гдѣ полынная степь граничитъ непосредственно съ лѣсомъ. Это одна изъ странныхъ особенностей Скалистыхъ горъ, какой вы не встрѣчаете нигдѣ въ Европѣ и которая даже въ горахъ Средней Азіи выражена далеко не такъ характерно какъ тутъ. Сѣдая полынная степь, типа нашихъ прикаспійскихъ полынныхъ степей, взбирается здѣсь далеко вверхъ въ горы; и

среди склоновъ и долинъ, сѣдо-сѣрыхъ отъ этого растительнаго покрова, вы встрѣчаете участки лѣса, по большей части сосноваго, отчасти пихтоваго и еловаго. Picea Engelmanni съ ея сѣдоватою зеленью и Pinus macrocarpa господствуютъ внизу. Это темная зелень хвойныхъ рѣзко отдѣляется отъ сѣдой поверхности степи. Впрочемъ и степь по мѣрѣ того, какъ вы входите въ горы, принимаетъ крайне своеобразный характеръ. Тѣ приземистыя полыни и сложноцвѣтныя, которыя въ Дакотѣ ничѣмъ почти по внѣшности не отличались отъ нашихъ, здѣсь достигаютъ исполинской величины. Полынная степь превращается въ заросли кустарниковъ, если хотите—въ фантастическій, въ китайскомъ стилѣ, лѣсъ изъ древовидныхъ, мѣстами превышающихъ человѣческій ростъ, полыней, солянокъ, желтыхъ сложноцвѣтныхъ, среди которыхъ тамъ и сямъ раскиданы кусты можжевельника, весьма похожаго на нашъ казачій можжевельникъ, но достигающій здѣсь размѣровъ деревьевъ.

Поднимаясь такого рода дорогою, довольно живописной и разнообразной, вы достигаете до перваго чуда Іеллоустона—до отеля, стоящаго противъ горячихъ Мамонтовыхъ источниковъ. Но прежде чѣмъ описывать эти горячіе ключи, я скажу два слова о геологической исторіи Іеллоустонскаго парка.

Весь интересъ единственныхъ въ своемъ родѣ явленій, имъ представляемыхъ, сосредоточивается на вулканической дѣятельности. Область молодыхъ горъ Западной Америки тѣмъ существенно отличается отъ вулкановъ области молодыхъ хребтовъ Стараго Свѣта, что здѣсь гораздо чаще масса лавы не извергалась изъ кратеровъ, но разливалась на громадныя пространства въ видѣ обширныхъ лавовыхъ морей изъ земныхъ трещинъ. Цѣлыя территоріи здѣсь имѣютъ почвою такого рода лавовые покровы; изъ нихъ состоятъ здѣсь цѣлыя горы. Іеллоустонскій паркъ въ отдаленныя времена былъ такимъ центромъ излитія изверженныхъ породъ. Горы, его окружающія, состоятъ главнымъ образомъ изъ ріолитовъ, обсидіановъ и т. п. породъ вулканическаго происхожденія. Но силы, ихъ извергавшія, не угасли вполнѣ до сихъ поръ, и температура подземныхъ слоевъ, на сравнительно весьма небольшой глубинѣ, еще страшно высока. Это обстоятельство причиною того, что атмосферныя воды, просачиваясь внутрь земли и собираясь на нѣкоторой глубинѣ, нагрѣваются до температуры кипѣнія и выходятъ на поверхность земли или въ видѣ пара, или въ видѣ кипящаго ключа, или особенно часто въ видѣ гейзеровъ. И въ то время какъ исландскій гейзеръ, впервые обратившій на себя вниманіе, те-

перь фигурируетъ во всякомъ учебникѣ географіи, гейзеры Іеллоустонскаго парка, которыхъ открыто уже болѣе десятка, только въ послѣднее время начинаютъ возбуждать къ себѣ всеобщее вниманіе.

Горячіе, находящіеся подъ сильнымъ давленіемъ, подземные пары, дѣйствуя на камень, можно сказать развариваютъ его. Онъ мякнетъ, вывѣтривается, раздѣляется на песокъ и глину и отдаетъ водѣ въ растворъ такіе элементы, которые при обыкновенныхъ условіяхъ въ водѣ почти нерастворимы. Особенно много содержатъ въ себѣ такія воды извести и кремнезема. Выходя на поверхность въ видѣ кипящихъ ключей, эти воды, охладившись, выдѣляютъ изъ себя это растворенное вещество въ видѣ снѣжно-бѣлыхъ натековъ, образующихъ иногда весьма оригинальныя фигуры. Mamonth hot springs и принадлежитъ къ числу такихъ образованій. Близъ вершины крутого склона нѣкогда выходили эти источники; отлагая постепенно по выходѣ кремнеземъ, они образовали громадную бѣлую гору, террасами спускающуюся книзу; по этимъ террасамъ каскадами сбѣгаетъ кипящая вода. Эти безчисленныя, образованныя изъ бѣлаго, какъ сода, натека террасы не имѣютъ вида обыкновенныхъ уступовъ: онѣ правильной, полукруглой формы, напоминающей раковины нашихъ фонтановъ или водопроводныхъ крановъ. Представляя внутри плоскія, какъ блюдечко, резервуарчики, наполненные кипящей водою, снаружи поражая своею бѣлизною, онѣ покрыты сталактитобразными натеками и представляютъ столь нѣжное чешуйчатое строеніе, что не вѣришь, что это водяной осадокъ, а не работа организмовъ.

Эта многосаженная, какъ полукруглыми балкончиками, унизанная террасами снѣжно-бѣлая гора, съ ея безчисленными каскадами и дымящеюся вершиною, производитъ сильное впечатлѣніе. Но еще болѣе оригинальнымъ дѣлается оно, когда вы взойдете на ея плоскую вершину. Чѣмъ выше, тѣмъ шире и площе дѣлаются эти террассы, превращаясь, наконецъ, въ рядъ широкихъ, плоскихъ, раздѣленныхъ другъ отъ друга тонкими перегородками, водоемовъ. Въ нихъ дымитъ и кипитъ вода. Несмотря на высокую (до 60° R) температуру, воды эти обитаемы; въ нихъ живетъ особаго рода тиноподобная водоросль, выдѣляющая сѣру и измѣняющая цвѣтъ свой въ зависимости отъ температуры воды,—отъ небесно-голубаго до зеленаго, желтаго и оранжево-краснаго. Когда вы сверху смотрите на эти причудливой формы дымящіеся водоемы, вы видите передъ собою рядъ голубыхъ, оранжевыхъ, зеленыхъ и желтыхъ озеръ со столь

нѣжными переливами цвѣтовъ и тѣней, что передать ихъ затруднился бы и опытный художникъ. Вся эта картина, обрамленная свѣжею зеленью сосенъ, въ дикой горной обстановкѣ парка производить волшебное впечатлѣніе.

Переночевавши въ отелѣ у горячихъ ключей, вы на слѣдующій день двигаетесь къ другой достопримѣчательности парка—къ большому каньону Іеллоустона. Какъ извѣстно, каньонами называютъ необыкновенно глубокія и узкія рѣчныя долины съ почти отвѣсно крутыми стѣнками. Каньоны неизвѣстны въ странахъ, подобно Европѣ изобилующихъ дождями; эти формы долинъ возможны только въ областяхъ бѣдныхъ атмосферными осадками, гдѣ рѣки, беря начало съ высокихъ горъ, не получаютъ притоковъ, и въ то время какъ своею работою онѣ пропиливаютъ себѣ глубокое русло—ничто не сглаживаетъ ихъ береговъ. Явленія эти чрезвычайно характерны для западной Америки и здѣсь они иногда бываютъ необыкновенно величественны. Такъ, каньонъ рѣки Колорадо даетъ пропасть съ очертаніями чуть ли не самыми величественными въ мірѣ. Нѣсколько менѣе величественнымъ, но зато, по всеобщему признанію, несравненно болѣе красивымъ каньономъ обладаетъ и Іеллоустонскій паркъ. Къ нему и направился нашъ путь.

Это въ сущности самая интересная и живописная часть парка. То вы видите фантастически нагроможденныя другъ на друга высокія, круглыя и длинныя скалы, изъ вывѣтреннаго трахита; то предъ вами выдвигается обсидіановый обрывъ—черная, какъ изъ бутылочнаго стекла сдѣланная, блестящая скала. Дорога все время идетъ сосновымъ лѣсомъ. Лѣсъ этотъ, какъ и весь Іеллоустонскій паркъ, содержится крайне небрежно и соединяетъ въ себѣ дикую картину его первобытнаго состоянія съ печальнымъ зрѣлищемъ небрежнаго обращенія со стороны человѣка. Цѣлыми верстами тянутся обгорѣлые пни; гдѣ лѣсъ живъ, онъ заваленъ полусгнившими стволами, образующими между деревьевъ непроходимыя баррикады. При значительной высотѣ парка надъ уровнемъ моря, здѣсь уже господствуетъ чисто сѣверная растительность. Сосна является господствующимъ деревомъ; но это не наша сосна, съ ея широкою изящною кроною, по справедливости называемая пальмою сѣвера; это дерево, съ прижатыми голыми вѣтвями, въ большинствѣ мѣстъ производить впечатлѣніе убогости. Подъ ея сѣнью, несмотря на тысячи верстъ, отдѣляющія эти сосновые боры отъ нашего сѣвера, глазъ встрѣчаетъ все родныя формы. Свѣжая зелень листьевъ черники, болѣе мелкихъ чѣмъ у нашей, образуетъ основной

фонъ растительности. Тамъ и сямъ виднѣется ягодка земляники; копорскій чай распускаетъ между кустами малины свой ярко-розовый цвѣтокъ; въ тѣни виднѣется брусничникъ, и только лиловые липинусы, тамъ и сямъ распускающіе свои цвѣты, напоминаютъ, что вы находитесь въ Америкѣ, а не гдѣ-нибудь въ Петербургскихъ окрестностяхъ или Нижегородскомъ Заволжьѣ.

Среди этой то однообразной природы и расположенъ каньонъ парка. Вы подъѣзжаете къ нему по крутому подъему, и, обыкновенно, покинувъ на полпути экипажъ, поднимаетесь пѣшкомъ къ обрыву пропасти, въ которую съ шумомъ низвергается громадный водопадъ. Вы останавливаетесь, пораженный чудною картиной. Справа падаетъ съ высоты масса пѣнящейся, шумящей воды, далеко внизу подъ вашими ногами въ пропасти разбивающаяся на тысячи брызгъ, давая начало рѣкѣ, извивающейся на недосягаемой глубинѣ. Слѣва развертывается восхитительная панорама глубочайшаго ущелья. Далеко вверху темнѣетъ нависшій надъ обрывомъ лѣсъ; подъ нимъ открывается круча, падающая внизъ, унизанная, какъ бастіонами, отдѣльными выступами скалъ, на которыхъ лѣпятся деревья. Глубже и глубже спускается ущелье, тѣснѣе нависаютъ скалы и на недосягаемой глибинѣ пѣнятся голубыя воды потока. Выступы скалъ, крутые обнаженные обрывы окрашены въ самые фантастическіе цвѣта, отъ яркаго канареечно-желтаго до коричневаго и малиноваго. Эти пестрые оттѣнки, прелестно гармонируя съ зеленью хвойныхъ, въ общемъ даютъ картину, не поддающуюся никакому описанію. Надобно ее видѣть, чтобы понять всю ея прелесть, все ея чудное величіе.

По краю ущелья вьется узенькая тропинка. Слѣдуя ея извивамъ, вы открываете все новыя и новыя панорамы. Крутые края оврага здѣсь размыты и разбиты на отдѣльно выдающіеся уступы самыхъ фантастическихъ очертаній и формъ. Никакія развалины старинныхъ, древнихъ замковъ, нависшихъ на скалахъ надъ пропастью, не произведутъ того впечатлѣнія, какъ эти отдѣльно, какъ замки на уступахъ, расположившіяся, висящія надъ пропастью причудливыя бѣлыя скалы. По узкимъ тропинкамъ вы можете взлѣзть на нѣкоторыя изъ нихъ, стать на площадку, едва достаточную, чтобъ умѣстились ваши ноги. Тогда дивный міръ предстанетъ передъ вами. Какъ на вершинѣ одинокой горной вершины, парите вы надъ пропастью, каменистой и пустынной, со дна которой со всѣхъ сторонъ поднимаются къ вамъ такія же пики. Подобныя же башни справа и слѣва заслоняютъ вамъ горизонтъ. А на безконечной глубинѣ подъ

ними, среди лѣса, отдѣльныя деревья котораго кажутся подобными моху, пѣнится рѣка, исчезая какъ бы въ исполинскихъ воротахъ среди громаднаго ущелья. Стѣны этого ущелья, принимая самыя фантастическія формы, вырастаютъ передъ вами съ другой сторны рѣки, давая картину горъ съ лѣсами, оврагами и ущельями. Съ другой стороны во всей красѣ развертывается панорама низвергающагося вдали исполинскаго водопада. Вы парите надъ этою картиною, надъ которой стоите какъ бы поднятый на невѣроятную высоту. Картина совмѣщаетъ въ себѣ всѣ прелести вида съ птичьяго полета съ величественною панорамою горнаго ущелья. Она даетъ такія сочетанія цвѣтовъ и красокъ, такое ощущеніе величія природы, подобнаго которымъ врядъ ли можно найти много. Американцы сумѣли понять величіе этой картины. Они не только запретили что-либо строить, но даже не проводятъ новыхъ дорогъ, не разводятъ огня, не позволяють стрѣлять. Попадая сюда, человѣкъ находится съ глазу-на-глазъ со строгою сѣверною природой во всей ея красотѣ и въ полной тишинѣ и безмолвіи. Онъ самъ нѣмѣетъ передъ этою дивною красотою, имѣя товарищемъ только орловъ, гнѣзда которыхъ пріютились на отдѣльныхъ вершинахъ, торчащихъ изъ бездны.

Нигдѣ въ Европѣ туристъ не увидитъ ничего подобнаго. Надо имѣть каньонъ, чтобы получить это сочетанія высоты съ бездною. Чтобы встрѣтить нѣчто аналогичное, вы должны или ѣхать въ Америку, или отправиться въ скалистыя горы Стараго Свѣта—на нашъ Тянь-Шань. Здѣсь въ образѣ глубокаго ущелья рѣки Чарына, вы вновь встрѣчаете величественную картину каньона, которая по своему эффекту можетъ состязаться съ Іеллоустонскимъ. Но въ то время какъ каньонъ Іеллоустона извѣстенъ на весь міръ, его фотографіи и описанія вы найдете въ любомъ американскомъ городѣ,—каньонъ Чарына посѣщаютъ лишь киргизы, онъ никѣмъ не описанъ и проѣзжающіе путешественники упоминаютъ только о томъ, что рѣка Чарынъ вырывается въ степи изъ горъ, образуя единственное въ своемъ родѣ по глубинѣ ущелье. Да позволено будетъ поэтому мнѣ (быть можетъ, единственному европейцу, имѣвшему возможность сравнить эти два каньона), напомнить нѣсколько подробнѣе о нашемъ ущельѣ.

Общаго между каньономъ Чарына и Іеллоустона только то, что оба каньона—поразительной глубины; но обстановка и характеръ ихъ совершенно иные. Выѣзжая къ каньону Чарына, вы выходите на обширную, ровную какъ столъ, поросшую по-

лынями степь; далеко кругомъ синѣютъ горы; но горы эти такъ далеки, что онѣ закутаны, какъ вуалью, голубою дымкою. И вотъ, когда вы ѣдете по этой степи, совершенно неожиданно подъ вашими ногами развертывается панорама цѣлой горной страны. Почва обрывается подъ вашими ногами почти отвѣсною стѣною и образуетъ многосаженную кручу. Подъ нею открывается горная страна пиковъ, долинъ и ущелій, страна суровая и мрачная, круто падающая въ глубочайшую долину, гдѣ реветъ Чарынъ, съ этой высоты кажущійся узенькою ленточкою, обрамленною деревьями, кроны которыхъ не болѣе горошины. Но самая величественная картина на Чарынъ открывается, когда, проѣхавъ степь, вы подыметесь на небольшой кряжъ, откуда виденъ прорывъ Чарына. Правда, здѣсь онъ не образуетъ водопада, какъ рѣка Іеллоустона; но рѣка бѣшено бурлитъ здѣсь на недосягаемой глубинѣ въ узкомъ, какъ корридоръ, гранитномъ ущельѣ. Весь каньонъ Чарына лишенъ причудливыхъ башенъ и выступовъ, которыми такъ изобилуетъ Іеллоустонъ, но зато его глубина значительно больше, а щель такъ мрачна и величественна, что не только я съ полчаса не могъ оторвать глазъ отъ обрамленной мрачными скалами пропасти, но и сопровождавшій меня киргизъ до того увлекся картиною, что опомнился лишь тогда, когда нашъ караванъ почти скрылся изъ его глазъ.

Собственно говоря, каньономъ Іеллоустона и исчерпываются всѣ красоты парка. У васъ затѣмъ совершенно напрасно отнимаютъ два дня, провозя къ расположенному между холмистыми горами озеру и катая по этому озеру на пароходѣ. Ни его берега, ни дорога, ведущая къ нему, не представляютъ ничего красиваго. Само озеро по красотѣ своей едва можетъ сравниться съ нашими сѣверно-русскими и финлядскими озерами, и только сознаніе, что оно лежитъ на значительномъ уровнѣ, миритъ нѣсколько со скукою плаванія по его поверхности. Разсказываютъ, что на этомъ озерѣ есть маленькое чудо—небольшой островокъ изъ кремнеземистой накипи, въ кратерѣ котораго постоянно кипитъ вода. Такъ какъ воды въ озерѣ, окружающія островокъ, совершенно холодныя, то къ нему могутъ подплывать рыбы; рыбъ этихъ можно удить и, не снимая съ удочки, а только перебросивъ на другую сторону этого маленькаго кольцеобразнаго островка, варить его въ кратерѣ. Но это чудо почему-то намъ не показывали.

Вообще же говоря, странствія по парку утомительно однообразны. Цѣлыя версты горѣлаго лѣса, болотца, полузаросшія ивнякомъ и осокою, какъ гдѣ-нибудь подъ Колпинымъ, чахлый

соснякъ, заваленный за тысячелѣтія скопившимся буреломомъ, медленная, нестерпимая для русскаго человѣка ѣзда въ экипажѣ, сѣренькое небо, петербургскій дождикъ по временамъ и однообразно холмистая мѣстность сопровождаютъ васъ все время. Я и мои русскіе спутники приравнивали эту природу и къ сѣверному Уралу, и къ сѣверо-восточной Сибири, и къ Райволѣ, но вездѣ мы находили больше разнообразія и красоты, чѣмъ здѣсь. Нами овладѣвала тоска и досада на даромъ потраченныя время и деньги, которыя можно бы было употребить на лучшія экскурсіи.

Несравненно интереснѣе—области гейзеровъ, которыя путешественники посѣщаютъ въ послѣдніе дни пути. Эти гейзеры, попадающіеся по всему парку, главнымъ образомъ собраны въ двѣ группы: верхніе и нижніе гейзеры. Ихъ области уже издали представляютъ оригинальную картину. Передъ вами открывается обширная, бѣлая какъ снѣгъ низина, среди которой тамъ и сямъ разбросаны участки лѣса—сосенъ или елей. Въ различныхъ пунктахъ этой низины изъ земли поднимаются густые клубы бѣлаго пара. Кажется, будто передъ вами мѣсто покинутаго лагеря и горитъ многое множество костровъ. Въ нѣкоторыхъ пунктахъ, однако, пространства, занятыя паромъ, очень велики и паръ весьма густъ. Если вы приблизитесь къ источнику этого пара, вы обыкновенно видите круглую луну или иногда просто небольшое возвышеніе, выполненное кипящей водою. Вода эта кипитъ ключемъ. Въ однихъ мѣстахъ она бываетъ чистая какъ хрусталь, въ другихъ резервуарахъ она кажется небесно-голубою, наконецъ, нѣкоторые ключи, берущіе начало въ разваренныхъ ихъ дѣятельностью діоритахъ, кипятъ въ жидкой грязи, или, лучше сказать, глинѣ чисто бѣлаго или розоваго цвѣта. Оригинальную картину представляютъ эти резервуары густой кипящей бѣлой грязи. На нихъ постоянно вскакиваетъ великое множество пузырей; эти пузыри лопаются, оставляя на грязи ряды долго не сглаживающихся концентрическихъ круговъ. Всѣ вмѣстѣ представляютъ весьма оригинальное зрѣлище. Но громадное большинство резервуаровъ имѣетъ на днѣ лишь одинъ кипящій ключъ воды. Наблюдая за его кипѣніемъ, вы видите, что оно подвержено нѣкоторой періодичности: ключъ порою бьетъ сильнѣе, порою ослабѣваетъ. Отъ такихъ ключей одинъ переходъ до маленькихъ гейзеровъ. Вы видите полный воронкообразный резервуаръ; вы видите, какъ на вашихъ глазахъ онъ постепенно наполняется кипящей водою, которая наконецъ, выходитъ изъ краевъ. Тогда слышится легкій гулъ и

начинаетъ съ большою силою и массою пара выбрасываться фонтаномъ вода на весьма значительную высоту. Это продолжается нѣсколько минутъ, пока не будетъ выкинуто все содержимое бассейна; тогда гейзеръ утихаетъ; мало-по-малу резервуаръ наполняется высачивающейся изъ нѣдръ земли кипящей водою, и гейзеръ начинаетъ играть вновь.

Изверженія гейзеровъ повторяются съ такой правильностью и періодичностью, что время изверженія можно высчитать минуту въ минуту. Этимъ и пользуются путеводители, чтобы показывать публикѣ изверженія самыхъ большихъ, знаменитыхъ гейзеровъ. Ихъ болѣе десятка; самые большіе изъ нихъ (Гигантъ, Гигантесса, Old Faithfull, Павлиній хвостъ, Береговой и нѣкоторые др.) извергаютъ свои воды черезъ довольно большіе промежутки времени—иные черезъ два или три дня. Зато масса воды, ими извергаемой, громадна и картина изверженія великолѣпна. Мнѣ приходилось присутствовать при изверженіи нѣсколькихъ. Вы стоите съ часами въ рукахъ, съ нетерпѣніемъ ожидая назначенной минуты и часа. Передъ вами изъ земли торчитъ широкое жерло, въ которомъ кипитъ вода. Вотъ бурленіе ея становится все сильнѣе и сильнѣе—нѣсколько разъ подбрасываются кверху значительныя массы воды. Наконецъ, послѣ двухъ-трехъ глухихъ раскатовъ, окруженный густыми клубами горячаго пара, на высоту нѣсколькихъ десятковъ саженей вылетаетъ столбъ кипятку. Не фонтаномъ, а скорѣе роскошнымъ фейерверкомъ бьетъ онъ на высоту во всѣ стороны, распространяя облака пѣннаго пара. Дѣйствіе гейзера рѣдко продолжается долѣе четверти часа. Затѣмъ силы его быстро слабѣютъ и онъ вновь затихаетъ. Нѣкоторые изъ гейзеровъ имѣютъ особыхъ индикаторовъ—небольшіе, по сосѣдству расположенные гейзеры, начинающіе свое изверженіе всегда ровно за 5 или 10 минутъ до начала большого. Большіе гейзеры выбрасываютъ струи различной формы, отъ которой они и получаютъ свои названія. Одни бьютъ въ видѣ фонтана, другіе разбрасываютъ свою струю вѣеромъ, третьи, наконецъ, выдѣляютъ неимовѣрное количество пара. Нѣкоторые окружены причудливыми загородками, образованными кремнеземистымъ выдѣленіемъ, другіе бьютъ среди естественныхъ прудовъ; наконецъ одинъ, названный «монархомъ», бьющій у подножія скалы, выходитъ прямо изъ разсѣлинъ въ землѣ.

Въ сущности, таково происхожденіе и прочихъ гейзеровъ,—они также бьютъ изъ трещинъ; но трещины эти болѣе или мѣнѣе замаскированы накипью. Самое явленіе періодическаго

изверженія водъ въ настоящее время прекрасно объяснено Бунзеномъ. Не входя въ этомъ очеркѣ моей поѣздки въ детали этого объясненія, которое читатель найдетъ въ любомъ курсѣ физической географіи, укажу лишь, что суть дѣла въ томъ, что воды, скопляющіяся въ трещинахъ, подогрѣваются подземнымъ вулканическимъ жаромъ *снизу* и что масса воды, находящаяся въ трещинѣ, бываетъ часто настолько велика, что нагрѣтая внизу вода находится подъ давленіемъ болѣе сильнымъ, чѣмъ въ запаянномъ котлѣ. А при этихъ условіяхъ, какъ извѣстно, она можетъ нагрѣться до нѣсколькихъ сотъ градусовъ не закипая. Когда же, наконецъ, она обращается въ паръ, она, какъ бы взрываясь, выбрасываетъ всю до послѣдней капли лежавшую сверху массу воды и, опорожнивъ подземный резервуаръ, затихаетъ, пока вновь натекшая вода не произведетъ эффекта. Степень частоты изверженій, масса воды, извергаемой гейзеромъ, и его высота находятся въ прямой зависимости отъ величины подземнаго резервуара и силы нагрѣванія подземнымъ огнемъ.

Долина, гдѣ расположены гейзеры, производитъ впечатлѣніе какой-то адской кухни. Вы ходите по бѣлой, горячей, всюду продыравленной поверхности, какъ по плитѣ; со всѣхъ сторонъ въ котлахъ у васъ кипитъ грязь или вода, подымается паръ, бьютъ фонтаны кипятку, слышится гулъ. Но все это интересно лишь на короткое время. Если вы съ недѣлю поживете въ этой адской кухнѣ, переѣзжая по ея унылымъ лѣсамъ отъ одной плиты къ другой, если вы присмотритесь къ ея гейзерамъ, вы убѣдитесь, что все это варіаціи одного и того же явленія; они вамъ такъ же приглядятся, какъ фонтаны Петергофскаго сада его дачникамъ, и вы не безъ удовольствія вернетесь въ Циннабаръ, къ его насыпямъ, гремучимъ змѣямъ и вашему поѣзду, гдѣ, несмотря на посредственную кухню, васъ все-таки накормятъ лучше, чѣмъ въ пресловутыхъ отеляхъ Іеллоустонскаго парка.

Библіографическій указатель печатныхъ работъ, статей и замѣтокъ проф. А. Н. Краснова[1]).

Сокращенія: «Р. С.»—«Русскіе Субтропики», «Ю. К.»—«Южный Край». «Кн. Нед.»—«Книжки Недѣли».

1881 г.

Очеркъ жизни сорока обыкновеннѣйшихъ насѣкомыхъ изъ всѣхъ отрядовъ. Подъ ред. Н. Л. Рѣшетина. Изд. «С.-Петерб. мастерской учебн. пособій и игръ».

1884 г.

Общій характеръ растительности въ Сергачскомъ у., Нижег. губ. «Матеріалы къ оцѣнкѣ земель Нижег. губ. Вып. III. Сергачскій уѣздъ Изд. Нижег. Губ. Земства. С.-П.».

О происхожденіи чернозема.

1886 г.

Замѣтки о растительности Алтая. «Тр. И. С.-Пет. О-ва Ест.».

Гео-ботаническія изслѣдованія въ Калмыцкихъ степяхъ. «Изв. И Р. Геогр. О-ва», т. XXII.

1887 г.

У азіятовъ. «Кн. Нед.» № 5, 6.

Въ снѣгахъ и льдахъ восточнаго Тянь-Шаня. «Кн. Нед.», № 8.

Нѣсколько данныхъ о состояніи сельскаго хозяйства у русскаго населенія Илійскаго бассейна и долины озера Иссыкъ-Куль. (Изд. М-ва Госуд. Им.; откуда, точнѣе не указано).

Очеркъ быта Семирѣченскихъ киргизъ. «Изв. И. Русск. Географ. О-ва». XXIII т.

Предварительный отчетъ о гео-ботаническихъ изслѣдованіяхъ въ восточномъ Тянь-Шанѣ и его предгоріяхъ, совершенныхъ лѣтомъ 1886. «Изв. И. Р. Геогр. О-ва». XXIII т.

О зависимости между почвою и растительностью въ черноземной полосѣ Европейской Россіи. «Матеріалы по изученію русскихъ почвъ», вып. 2–3.

Descriptiones plantarum novarum vel minus cognitarum anno 1886. ab A. Krassnow in regionibus Thianschanicis lectarum. «Scripta botan. Universit. Petropolit.», т. I.

---

[1]) Въ виду того, что статьи А. Н. разбросаны въ самыхъ разнообразныхъ изданіяхъ, гдѣ нерѣдко ихъ трудно и ожидать, то настоящій указатель не претендуетъ на исчерпывающую полноту. *Ред.*

Списокъ растеній, собранныхъ гг. Ивановымъ и Фаусекомъ въ Ставропольской губ. по опредѣленію А. Н. Краснова. «Изв. И. Р. Геогр. О-ва», т. XXIII.

Versuch einer Entwickelungsgeschichte der Flora der hochalpinen Gebiete in Thian-Schan. «Schlesiches Verein für vaterländische Kultur.».

1888 г.

У нѣмцевъ. «Кн. Нед.», № 3, 7, 8, 11.

На ученой станціи. (Въ Неаполѣ). «Кн. Нед.», № 9.

Опытъ исторіи развитія флоры южной части восточнаго Тянь-Шаня. «Зап. И. Р. Геогр. О-ва».

Comptes Rendus d'un voyage en Asie. «Journ. de la Soc. de Géographie de Paris».

1889 г.

Въ царствѣ финиковъ и апельсинъ. «Кн. Нед.», № 4.

У англичанъ. «Кн. Нед.», № 2.

Обитатели степей. «Кн. Нед.», № 7, 8.

Современныя задачи русскихъ ботаническихъ садовъ. «Вѣстн. Садов.», № 10.

Географія, какъ новая университетская наука. «Журн. М-ва Народн. Просв.», ч. CCLXVI, отд. 2.

О дилювіи Нижегородскаго Поволжья и его роли въ образованіи современнаго рельефа и географическомъ распространеніи флоры. «Тр. О-ва Исп. Пр. при Харьк. Ун.», т. XXIII.

1890 г.

Харьковскій Университетскій Садъ и его новыя задачи. «Харьк. Сборн.».

Отчетъ Императорскому Минералогическому Обществу. «Зап. И. Минер. О-ва».

У сибиряковъ. «Кн. Нед.», январь.

У горцевъ. (По Сванетіи). «Кн. Нед.», октябрь, ноябрь.

1891 г.

Нагорная флора Сванетіи и особенности ея группировки въ зависимости отъ современныхъ условій жизни и вліянія ледниковаго періода. (Предвар. отчетъ). «Изв. И. Р. Геогр. О-ва», т. XXVII.

Современное состояніе вопроса о происхожденіи Слободско-Украинской степи. «Харьк. Сборн.».

Матеріалы для флоры Полтавской губ. «Тр. О-ва Исп. Пр. при И. Харьк. Ун.», т. XXIV.

Новые виды Сванетской флоры и результаты обработки собранныхъ на Кавказѣ лѣтомъ 1890 г. коллекцій. «Тр. О-ва Испыт. Прир. при Харьк. Ун.», т. XXVI.

The black earth of the steppes of soutern Russia. «Bull. Geolog. Soc. Am.» Vol. 3.

Объ антропологическихъ типахъ Харьковскаго уѣзда и города Харькова. «Географ. Сборн. Кружка студентовъ-естеств. Харьк. Унив.» Харьковъ.

У американцевъ. «Кн. Нед.», ноябрь, декабрь.

1893 г.

Рельефъ, растительность и почвы Харьковской губ. «Доклады, читанные Харьковскому О-ву Сел. Хоз.». Харьковъ.

По островамъ далекаго Востока. «Кн. Нед.», мартъ, апрѣль, май, іюнь.

На краю отечества. Ibid, іюль.

На островѣ изгнанія. Ibid, августъ, сентябрь.

У японцевъ. Ibid, октябрь.

Гео-біологическія наблюденія надъ почвами Харьковской губерніи. «Доклады Харьк. О-ву Сел. Хоз.».

Reise auf der Insel Sachalin. Berlin. «Verhandl. d. Gesellsh. f. Erdkunde».

1894 г.

Письмо въ редакцію. «Землевѣдѣніе», кн. III.

На Сахалинѣ. «Историч. Выстн.», февраль, мартъ.

Черты тропической растительности Зондскаго Архипелага по наблюденіямъ на островѣ Явѣ. (Лекція, читанная по возвращеніи изъ путешествія на дальній востокъ). «Зап. И. Харьк. Унив.», вып. I.

Травяныя степи сѣвернаго полушарія. «Изв. И. О-ва Любит. Естеств. Антроп. и Этн.», т. LXXXIII.

Кавказскія цѣпи горъ, параллельныя главному хребту, и ихъ роль въ группировкѣ лѣсной и степной флоры Западнаго Кавказа. «Тр. О-ва Исп. Пр. при Харьк. Унив.», т. XXVIII.

Ботанико-географическій очеркъ Полтавской губерніи. «Матеріалы къ оцѣнкѣ земель Полтавской губ. Вып. XVI. Изд. Полтав. Губ. Земства. С.-Петербургъ».

Подъ ред. А. Н. Краснова переводъ книги проф. Вальтера. «Море и его жизнь».

1895 г.

Изъ путевыхъ впечатлѣній подъ тропиками. «Историч. Вѣстн.», январь.

Русскіе тропики. «Истор. Вѣстн.», февраль.

Край свѣта. «Ист. Вѣстн.», май.

Какъ живутъ китайцы. Изд. Харьк. О-ва Грам. Харьковъ.

Чай и будущность его въ Россіи. «Трудъ», № 1.

Къ флорѣ бассейна р. Чаквы. «Тр. О-ва Исп. Пр. при И. Харьк. Ун.», т. XXVIII.

Основы землевѣдѣнія. Вып. I. Исторія картографіи, форма земли, распредѣленіе суши и ея строеніе. Вып. II. Атмосфера, ея дѣйствіе на сушу и море, климаты суши и явленія на морѣ, ею создаваемыя. Харьковъ.

1896 г.

Отчетъ Физико-Математическому факультету о совершаемыхъ студентами Харьковскаго Университета научно-педагогическихъ географическихъ экскурсіяхъ по Кавказу. «Зап. И. Харьк. Унив.».

Очерки природы и жизни въ Гавайской республикѣ. «Ист. Вып.», ноябрь, октябрь.

Элементарный курсъ ботаники, составленный для школы садоводства Полтавскаго Губернскаго Земства. Полтава.

Дальній востокъ Азіи, характерныя черты его природы и значеніе его культуръ для Закавказья. «Ест. и Геогр.», ноябрь—декабрь.

Beobachtungen aus dem Gebiet der nordostasiatischen Inselwelt. «Verhandl. d. Gesellsch. f. Erdkunde z. Berlin».

Изъ колыбели цивилизаціи. (Письма изъ кругосвѣтнаго плаванія). «Кн. Нед.», январь—декабрь.

1897 г.

Изъ колыбели цивилизаціи. (Письма изъ кругосвѣтнаго плаванія). «Кн. Недѣли», январь—декабрь.

Чайные округи субтропическихъ областей Азіи (Культурно-географическіе очерки дальняго востока). Вып. I. Японія.

Основы землевѣдѣнія. Вып. III. Формы поверхности суши и дѣятели ихъ создающіе. Харьковъ.

1898 г.

Чайные округи субтропическихъ областей Азіи. (Культурно-географическіе очерки дальняго востока). Вып. II. Китай. Индія и Цейлонъ. Колхида.

Отъ Суэца до Каира. «Кн. Недѣли», іюнь.

Нѣсколько замѣчаній по поводу разбора книги «Чайные округи Азіи», составленнаго проф. Воейковымъ. «Изв. И. Р. Геогр. О-ва» т. XXXIV.

Подъ ред. А. Н. Краснова перев.: Бетани и Дугласъ «Великія религіи Востока».

1899 г.

Основы землевѣдѣнія. Вып. IV, ч. 1. Географія растеній. Законъ распредѣленія растеній и описаніе растительности земного шара.

1900 г.

О полярныхъ странахъ. Изд. Харьк. О-ва Грам. Харьковъ.

Наши желтые сосѣди. «Ю. К.» 20 XI, 1, 9, 15 XII.

Объ антропологическихъ изслѣдованіяхъ и измѣреніяхъ въ Харьковскомъ и Валковскомъ уѣздахъ. «Русск. Антрополог. Журн.», № 2.

Die Flora der südrussischen Steppen, ihre Verbreitung und die Geschichte ihrer Ansiedelung. «Verhandl. d. VII internat. Geographen—Kongresses in Berlin».

Die Stellung von Kolchis in den feuchten subtropischen Gebieten der Erde. Ibid.

Предварительный отчетъ о поѣздкѣ на берегъ Азовскаго моря. «Тр. Харьк. О. Исп. Пр.».

1902 г.

Береговая полоса Сочинскаго района и особенность распредѣленія ея почвы и растительности. «Сборникъ статист. свѣдѣній по Закавказкраю».

Матеріалы для антропологіи русскаго народа. «Русск. Антрополог. журн.», № 3.

1903 г.

Нужны ли Японцамъ Манджурія и Корея. «Ю. К.».

Подъ ред. и съ примѣчаніемъ и дополненіемъ проф. А. Н. Краснова вышелъ переводъ *Вильгельмъ Сиверсъ*. Азія.

Вильгельмъ Сиверсъ и *Вилли Кюкенталь*. Австралія, Океанія и Полярныя страны (годъ этихъ изданій точнѣе не обозначенъ).

1905 г.

Матеріалы для ознакомленія съ грязевыми вулканами восточнаго Закавказья. «Тр. Общ. Исп. Пр. при И. Харьк. Унив.», т. XXXIX, вып. II.

1906 г.

Письма изъ Софіи (Nemo). «Ю. К.» 13, I.

Всемірный Университетъ (Мечтатель). «Ю. К.», 17, I.

Очерки Закавказья. «Ю. К.» 14, 24, II, 7, 14, III.

Злобы дня городского неблагоустройства. «Ю. К.» 21 III.

Весенніе бюллетени. «Ю. К.» 21 III.

Изъ доисторическаго прошлаго Харьковскаго края. «Ю. К.» 14 IV.

Два восхожденія на Везувій. «Ю. К.» 6 V.

Наши учебники. «Ю. К.» 17 V.

Вдоль и поперекъ Европы. По Дунаю. «Ю. К.» 25 VII. По венгерской пуштѣ. 2 VIII. Венеція. 8 VIII. Бѣглый взглядъ на Ривьеру. 17 VIII. Колоніальная выставка въ Марселѣ. 22 VIII. Бой быковъ въ Южной Франціи. 29 VIII. Вершины горъ и полярныя страны. 16 IX.

По поводу студенческаго общежитія. «Ю. К.» 12 IX.

Изъ этнографіи Новороссіи. «Ю. К.» 12 X.

Къ вопросу о народномъ Университетѣ въ Харьковѣ. «Ю. К.» 20, 21, X.

Къ этнографіи Екатеринославской губ. «Ю. К.» 4 XI.

Этнографическіе очерки Екатеринославской губ. «Ю. К.» 17 XI.

Новости географіи. «Ю. К.» 23, 29 XI, 9 XII.

Очерки растительности и животнаго міра ближайшихъ окрестностей г. Батума. Сборникъ «Батумъ и его окрестности. Изд. Батумск. Городск. Общ. Управл. Батумъ».

1907 г.

Географическія новости. Панамскій каналъ. «Ю. К.» 16 I.

Харьковскіе курсы для рабочихъ, какъ начало русскаго народнаго университета. «Ю. К.» 20 I.

Географическія новости. «Ю. К.» 6 II, 24 III.

Кавказскій бамбукъ. «Ю. К.» 18 II.

Петербургское общество народныхъ университетовъ и его дѣятельность. «Ю. К.» 7 III.

Географія и дарвинизмъ. «Ю. К.» 5, 18 V.

Народное образованіе въ Австраліи. «Ю. К.» 13 VI.

Письма съ Кавказа. «Ю. К.» 1, 6 VII.

Съ минеральныхъ водъ. «Ю. К.» 4 VIII.

Поѣздка въ Бруссу. «Ю. К.» 25, 28, VIII, 19 IX, 6, 11 X.

Курсы для рабочихъ и ихъ современное состояніе. «Ю. К.» 3 X.

Воронежскій народный университетъ. «Ю. К.» 29 XII.

Путеводитель по ботаническому саду и оранжереѣ Харьковскаго Ветеринарнаго Института. Изд. «Сборника Тр. Харьк. Ветер. И-та».

Prof. Dr. A. Krassnow in Verbindung mit Prof. Dr. A. Woeikow. Russland. «Länderkunde v. Europa» Herausg. v. A. Kirrchoff. Leipzig—Wien.

1908 г.

По Волгѣ. «Ю. К.» 13 VI.

Что такое наша степь. «Ю. К.» 10, 31 VII.

Кѣмъ населены европейскія колоніи. «Ю. К.» 23 VIII.

По поводу предстоящей колонизаціи Сахалина. «Ю. К.» II IX.

Въ странѣ «Карлычей и Гаврилычей». «Ю. К.» 8, 12, X.

Босфоръ и Дарданеллы. «Ю. К.» 19, X.

По поводу Мессинскаго землетрясенія. «Ю. К.» 24 XII.

Курсъ землевѣдѣнія. Ч. I.

1909 г.

Научный фельетонъ. Новое о происхожденіи гранитовыхъ и известковыхъ породъ. «Ю. К.» 30 I.

Петербургъ въ началѣ 1909 г. «Ю. К.» 13 II.

По поводу открытія Южнаго Полюса. «Ю. К.» 27 III.

Очерки города Путивля. «Ю. К.» 23, 28 VI, 4 VII.

Кавказскій горный клубъ въ Пятигорскѣ. «Ю. К.» 19 VII.

Пятигорскіе лакколиты. «Ю. К.» 23 VII.

Съ чайныхъ плантацій Чаквы. «Ю. К.» 4 X.

Исторія русской флоры. «Естеств. и Геогр.» ноябрь.

Курсъ землевѣдѣнія. Ч. II.

1910 г.

Десятилѣтіе курсовъ для рабочихъ. «Ю. К.» 8 II.

По поводу безпорядковъ въ Китаѣ. «Ю. К.» II IV.

Изъ міра науки. «Ю. К.» 17 IV.

5-й день авіаціи въ Петербургѣ. «Ю. К.» 2, 9 V.

Нужно ли намъ учиться въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ «Ю. К.». 16 V.

Садоводство прежде и теперь. «Ю. К.» 29 V.

Народная энциклопедія научныхъ и прикладныхъ знаній (издан. Харьков. О-ва Грамот.). «Ю. К.» 12, 16 VI.

Мысли на шведской могилѣ. «Ю. К.» 18 VI.

Микробы и иммунитетъ. «Ю. К.» 23 VI.

Черные и бѣлые. Изъ современной американской жизни. «Ю. К.» 2 VII.

Пробужденіе Китая. «Ю. К.» 3 VII.

Народная энциклопедія научныхъ и прикладныхъ знаній Харьковскаго О-ва Грамотности. «Ю. К.» 4 VII.

Какъ д-ръ Эрлихъ пришелъ къ открытію новаго способа—исцѣленія отъ сифилиса. «Ю. К.» 6 VII.

Кавказскія письма. «Ю. К.» 15 VII, 3, 26 VIII.

Aldrovandia vesiculosa на Харьковской выставкѣ акваріумовъ «Ю. К.» 3 IX.

Русскіе тропики. «Ю. К.» 8, 11, 19, 26 IX.

Русскіе тропики. Урочище Цихисъ-Дзири, окрестности Батума, Суукъ-Су и Салибатры. Піонеръ чайнаго дѣла. Сонъ на Черномъ морѣ. «Ю. К.» 7, 14 X. (Перепечатана въ «Батум. Сельск. Хоз.»—1910, 9, 10—11, 12).

Этнографическая коллекція Гогунцова въ Харьковскомъ Университетѣ. «Ю. К.» 20 XI.

Демонстрація прессы. «Ю. К.» 2 XII.

Лекціи по ботаникѣ для студентовъ ветеринарныхъ институтовъ, медиковъ и для самообразованія. Харьковъ.

Натуралистъ на Кавказѣ. Вып. I. Пятигорскъ.

Лекціи по физической географіи. Харьковъ.

Народная Энциклопедія научныхъ и прикладныхъ знаній Харьковскаго О-ва распространенія въ народѣ Грамотности. Т. VI. Антропологo-Географическій. 1-й полутомъ. Изд. т-ва И. Д. Сытина (рядъ статей принадлежитъ А. Н. Краснову).

1911 г.

Итоги 1910 года. «Ю. К.» 1 I.

По поводу землетрясенія въ Вѣрномъ. «Ю. К.» 2 I.

Коллекція Гогунцова въ географическомъ кабинетѣ Харьковскаго Университета. «Ю. К.» 4, 16 I.

Очерки Семирѣчья. «Ю. К.» 18 I.

Семеновъ-Тянь-Шанскій. «Ю. К.» 22 II.

Чудеса хирургіи. «Ю. К.» 19 III.

Японія и Мексика. «Ю. К.» 20 III.

По поводу нашей зимы. «Ю. К.» 23 III.

Первый международный конгрессъ представителей расъ человѣчества (на 1-й день Пасхи). «Ю. К.» 10 IV.

Пріемъ туристовъ Германскаго Ллойда въ Гаграхъ. «Ю. К.» 4 V.

На турецкой границѣ. «Ю. К.» 7, 13 V. «Р. С.» 4, 5.

Письма къ родителямъ (о среднихъ учебныхъ заведеніяхъ). «Ю. К.» 4, 8, 10, 17, VI.

Въ Пятигорскѣ. «Ю. К.» 7 VII.

Безсовѣстныя ванны. «Ю. К.» 21 VII.

Машуко (кабардинская легенда) «Ю. К.» 26 VII.

Всемірный конгрессъ народовъ. «Ю. К.» 30 VII, 2, 4, 7, II VIII.

Какъ приходится уѣзжать съ нашихъ минеральныхъ водъ. «Ю. К.» 31 VII.

Основы всеобщаго міра. «Ю. К.» 12 VIII.

Новый русскій курортъ Мацеста. «Ю. К.» 19 VIII.

По поводу празднованія закладки зданія глазной лечебницы. «Ю. К.» 25 VIII.

Народное образованіе въ Новой Зеландіи. «Ю. К.» 26 VIII.

Какъ надо учить географіи. «Ю. К.» 19 X.

Питомники для профессоровъ. «Ю. К.» 2 XI.

Петинскіе курсы для рабочихъ. «Ю. К.» 24 XI.

Что такое современная Персія. «Ю. К.» 27 XI.

Будущность націонализма. «Ю. К.» 13, 14 XII.

Новая Зеландія и ея значеніе для Батумскаго побережья. «Батум. Сельск. Хоз.» 1911, 9.

Начатки третической флоры юга Россіи. «Тр. О-ва Исп. Пр. при И. Харьк. У-тѣ» т. XLIV.

Возможная будущность природы Батумскаго края. Сборникъ «Батумское побережье. Русскіе тропики. Подъ ред. С. А. Анисимова. Батумъ».

Натуралистъ на Кавказѣ. Вып. II. Пятигорскъ.

Батумскій ботаническій садъ и его значеніе для Кавказа и Россіи. «Русск. Мысль», X.

Народная Энциклопедія научныхъ и прикладныхъ знаній Харьковскаго О-ва распространенія въ народѣ Грамотности. т. VI. Антропологo-Географическій 2-й полутомъ. Изд. т-ва И. Д. Сытина. (Рядъ статей принадлежитъ А. Н. Краснову).

1912 г.

Персія и причины ея отчужденности. «Ю. К.» 4 I.

Нашимъ классикамъ. «Ю. К.» 11 I.

Харьковская областная селекціонная станція. «Ю. К.» 5 II.

Почвенно-ботаническое изслѣдованіе Харьковской губерніи. «Ю. К.» 17 II.

Новые русскіе фрукты и овощи. «Ю. К.» 22 II.

Отзывъ о книгѣ Цагарелли «Сашка Жегулевъ». «Ю. К.» 25 II.

Современная школа въ Европѣ и Америкѣ. «Ю. К.» 5 III.

Каковы были первые люды. «Ю. К.» 16 III.

Культура и смертность. «Ю. К.» 21 III.

Выставка весенней природы. «Ю. К.» 16 IV.

Ботаническій садъ Ветеринарнаго Института. «Ю. К.» V.

Столичныя письма. «Ю. К.» 3, 13, 24 VI.

Письма изъ Колхиды. «Ю. К.» 8, 23, 25, 29, 30 VII, 13 VIII, 10 IX, 2, 30 X, 7 XII.

Батумскій ботаническій садъ и его задачи. «Р. С.» 7.

Пеканъ, его культура и будущность въ Колхидѣ. «Р. С.» 7, 8.

Японскій орѣхъ. «Р. С.» 7.

Новозеландскій ленъ и его значеніе для Батумскаго края (пер.). «Р. С.» 7.

Культура цитрусовъ въ Ю.-В. Штатахъ Америки (пер.) «Р. С.» 7, 8.

Алфавитный списокъ полезныхъ и украсительныхъ растеній, рекомендуемыхъ для Батумскаго побережья. «Р. С.» 7, 8, 9, 10, 11, 12.

Южная Колхида и ея мѣсто среди другихъ субтропическихъ областей земного шара. «Р. С.» 8, 9, 10, 11.

Разведеніе камфарнаго лавра и добыча камфары (пер.). «Р. С.» 9.

Виноградъ въ Японіи (пер.). «Р. С.» 9.

Культура сладкаго картофеля въ Америкѣ (пер.). «Р. С.» 9, 10, 11, 12.

Культура и производство чая въ Соединенныхъ Штатахъ (пер.). «Р. С.» 9, 11, 12.

Библіографія, хроника въ «Р. С.» 9, 10, 11, 12.

Хинное дерево и возможность его разведенія въ Батумскомъ краѣ. «Р. С.» 10.

Пальмы Колхиды. «Р. С.» 11.

Субтропическая кулинарія. «Р. С.» 12.

Пробѣлы географіи западнаго Кавказа. «Русск. Мысль», кн. IV.

Современная географія и ея новыя теченія. «Природа», іюнь.

1913 г.

Субтропики С. Америки и ихъ значеніе для Батумскаго края. «Р. С.» 12, 13.

Древоводство въ Н. Зеландіи (пер.). «Р. С.» 1, 2, 3.

Ландшафтное садоводство Японіи. «Р. С.» 1.

Субтропическая кулинарія (продолж.) «Р. С.» 1, 7.

Алфавитный списокъ полезныхъ и декоративныхъ растеній, рекомендуемыхъ для Батумскаго побережья (продолж.). «Р. С.» 1, 2, 3, 5—6, 7, 8, 11, 12.

Библіографія. «Р. С.» 1, 2, 3, 4, 5—6, 7.

Проектъ организаціи Батумскаго ботаническаго сада. «Р. С.» 1.

Бамбуки Колхиды. «Р. С.» 1, 2, 3, 4, 5—6, 7, 8,

Хроника. «Р. С.» 2, 3, 4, 5—6, 7, 8.

Субтропическій хлопокъ (пер.). «Р. С.» 3.

Англійское резюме. «Р. С.» 3, 4, 5—6, 7, 8, 9, 10, 11, 12.

Культура кукурузы въ Америкѣ. «Р. С.» 4.

Тропическія горы и ихъ значеніе для флоры Колхиды. «Р. С.» 5—6.

Культура кукурузы въ Южн. штатахъ Америки (пер.). «Р. С.» 5—6.

Гималайская флора и ея значеніе для южной Колхиды. «Р. С.» 5—6.

Культура цитрусовъ. «Р. С.» 7, 8, 9.

Какъ получить доброкачественныя сѣмена кукурузы (пер.). «Р. С.» 7, 8.

Среднее Чили и его значеніе для южной Колхиды. «Р. С.» 8.

Батумскій ботаническій садъ за первый годъ его организаціи. «Р. С.» 9.

Южная Колхида, какъ единственная субтропическая область Россіи. «Р. С.» 10.

Что можно садить на берегу моря (пер.). «Р. С.» 11.

Эффектныя растенія Чили. «Р. С.» 11.

Отчетъ о дѣятельности журнала «Русскіе субтропики въ 1913 г.». «Р. С.» 12.

1914 г.

Что можетъ дать новозеландская флора нашему краю. «Р. С.» 1.

Лаковое дѣло въ Японіи. »Р. С.» 1, 2.

Сельскохозяйственный обзоръ Батумской области. «Р. С.» 1.

Ферментація чайнаго листа (пер.). «Р. С.» 1, 2.

Алфавитный списокъ полезныхъ и декоративныхъ растеній, рекомендуемыхъ для Батумскаго побережья (продолж.). «Р. С.» 1, 3, 4, 5, 6, 7—8.

Библіографія. «Р. С.» 1, 7—8.

Англійское резюме. «Р. С.» 1, 2, 3, 4, 5.

Таблица для опредѣленія попадающихся на Черноморскомъ побережьи и въ южн. Колхидѣ видовъ рода эвкалиптусъ. «Р. С.» 2.

Факторы, опредѣляющіе доброкачественность чаевъ (пер.). «Р. С.» 3.

Родсова трава. «Р. С.» 3.

Американская литература о цитрусахъ. «Р. С.» 3.

Хроника. «Р. С.» 3, 5.

Опыты надъ измѣненіемъ качества чаевъ (пер.) «Р. С.» 4, 5, 6.

Какъ получить волокно изъ новозеландскаго льна. «Р. С.» 4.

Бамбукъ въ западной Европѣ. «Р. С.» 4.

Японскіе бамбуки въ Батумскомъ ботаническомъ саду. «Р. С.» 5.

Первый опытъ путеводителя по Батумскому ботаническому саду. «Р. С.» 6, 7—8, 9—10, 11—12.

Евкалипты и ихъ значеніе для Батумскаго побережья. «Р. С.» 7—8.

Бамбуки Индіи. «Р. С.» 7—8.

Флора Австраліи и ея значенія для Южной Колхиды. «Р. С.» 9—10.

Культура и утилизація австралійскихъ акацій (пер.). «Р. С.» 9—10.

О современной подрѣзкѣ чая. «Р. С.» 9—10.

О направленіи журнала въ 1915 г. «Р. С.» 11—12.

По Франціи во время войны. «Ю. К.» 4 IX.

Въ Парижѣ въ моментъ объявленія войны. «Ю. К.» 11 IX.

1915 г.

Южная Колхида «Знаніе для всѣхъ». Изд. П. П. Сойкина.

О капиталѣ имени проф. А. Н. Краснова.

Желая увѣковѣчить память проф. Андрея Николаевича Краснова и какъ бы навсегда сохранить преемственность его высокой инициативы, Харьковское Общество Любителей Природы въ своемъ засѣданіи отъ 20 марта с. г. постановило учредить капиталъ его имени для выдачи пособій на изслѣдованіе мѣстнаго края. Крайняя медленность и случайность, съ какой идетъ у насъ изученіе своей родины, заставляло покойнаго съ лихорадочной спѣшностью переходить отъ одного изслѣдованія къ другому. Эти пробѣлы въ столь необходимомъ для культурно-экономическаго развитія нашей родины въ познаніи ея природы продолжаютъ зіять и сейчасъ. Поэтому учрежденіе капитала имени А. Н. Краснова имѣетъ цѣлью посильно способствовать планомѣрному скорѣйшему заполненію подобныхъ пробѣловъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, О-во надѣется, что его мысль встрѣтитъ откликъ со стороны всѣхъ, кому воспоминаніе о проф. Андреѣ Николаевичѣ Красновѣ дорого или въ комъ настоящій сборникъ вызоветъ искреннія симпатіи къ одухотворенному образу покойнаго. Пожертвованія, не смущаясь ихъ величиной, должны быть направляемы на имя Общества *(Харьковъ, Чернышевская, 82).*

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

Предисловіе 3

П. К. *Андрей Николаевичъ Красновъ.* (Матеріалы для біографіи) 5

Прив.-доц. В. И. Таліевъ. *Проф. А. Н. Красновъ, какъ ученый* 37

Его же. *Ботанико-географическія работы А. Н. Краснова* . . . 52

Прив.-доц. А. М. Покровскій. *А. Н. Красновъ, какъ географъ* 71

В. Томенко. *Просвѣтительная дѣятельность проф. А. Н. Краснова среди рабочихъ* 78

Германъ Генкель. *Проф. А. Н. Красновъ въ Батумѣ.* (Изъ личныхъ воспоминаній) 85

І. Чепурный. *Проф. А. Н. Красновъ въ личной жизни.* (Изъ воспоминаній) 93

Акад. В. И. Вернадскій. *Изъ прошлаго.* (Отрывки изъ воспоминаній объ А. Н. Красновѣ) 96

Изъ переписки А. Н. Краснова. Письма А. Н. Краснова къ В. И. Вернадскому 1888 года 114

Проф. Д. Коневъ. *Воспоминанія объ Андреѣ Николаевичѣ Красновѣ* 133

Изъ произведеній А. Н. Краснова. *Географія, какъ новая университетская наука* 142

Изъ колыбели цивилизація. (Письма изъ кругосвѣтнаго путешествія) 154

Сонъ на Черномъ морѣ. 172

Военно-Осетинская дорога. 181

Іоллоустонскій паркъ. 203

Библіографическій указатель печатныхъ работъ, статей и замѣтокъ проф. А. Н. Краснова. 215

О капиталѣ имени проф. А. Н. Краснова. 225

72 зм

ЛОБК
Цена 7 р. 50 к.

Замѣченныя опечатки.

Страница	Строчка	Напечатано	Слѣдуетъ
28	12 сверху	ученнымъ	ученымъ
28	12 »	высказалъ	выказалъ
61	2 снизу	Tong-kulam-prao	Tong-kuban-prao
62	17 сверху	растительности и	растительности
68	4 снизу	осуществленіе (см. проф.	осуществленіе. Проф.
68	3 »	Флоры». 1916	Флоры» (1916
69	11 сверху	вриман:е	вниманіе

ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА
БІБЛІОТЕКА ХДУ
Інв. № 222505